

love_sf
love_sf

Надежда
Мамаева
<https://www.litmir.me/a/?id=90709>

В военную академию требуется (СИ)

"Хорошо летается не только на метлах, но и на бочках с ромом. Особенно когда тот горит и готов взорваться" (из наставлений опытного контрабандиста своему ученику). "Если тебя достала черная ведьма, и хочется ее прожечь пульсаром, то сделай десять глубоких вдохов и успокойся. Руки перестанут дрожать, и целиться будет проще" (из пособия для инквизиторов). Но если тьма и свет все же встретились, и не просто встретились, а судьба их крепко связала, что тут даже директору магической военной академии железная выдержка может изменить.

ru

Надежда
Мамаева

FictionBook Editor Release 2.6.6
09 May 2019
707610d3-e721-487a-ae20-21362b857cf2
1.0

Надежда Мамаева

В военную академию требуется

ПРОЛОГ

Год 13257-й от пришествия драконов

— Любовь — замечательное чувство. Именно благодаря ей никогда не опустеют дома скорби. А ещё — всегда будут осужденные для работы на рудниках.

С такими словами стражник, уже немолодой воин, чье лицо было расписано паутиной шрамов, последний раз ударил плетью сгорбленную спину в рваной робе. На серой, пропитанной пылью ткани расцвела ещё одна алая полоса.

Конь под стражником загарцевал. Ушами жеребец не стриг, больше опасаясь норова своего наездника, чем вида крови.

Заключенный сжал бледные бескровные губы и зло глянул. А потом его вперед дернула цепь, которой были скованы все сорок осужденных. Она соединяла железные ошейники, что окольцовывали каждого из каторжан. Вереница, звеня кандалами, шла вперед, навстречу собственной долгой и мучительной смерти в горах Мертвого Серебра.

Стражник покачал головой. Этот взгляд он знал. Непокорный. Гордый. Несмирившийся. Отчаянный. Тот, чей пыл он только что остудил плетью, ещё недавно был магом. Сильным (аж девятый уровень!), в меру богатым и не в меру влюбленным.

А сейчас на его счет стражником был получен от начальства негласный приказ, чтобы «заключенный номер шестисот тридцать девять, Вицлав Кархец, умер по пути на рудники». Стражу отчасти было жаль этого молодого дурака. Вряд ли он готовил заговор против Его императорского величества Тонгора Первого, как утверждал свиток с приговором. А вот о том, что на молодую супругу Вицлава положил глаз главный инквизитор империи, судачил весь стольный Йоль. Да и не только Йоль. Если бы лэрисса Кархец ответила благосклонностью Черному Ворону, как в народе прозвали верховного инквизитора, то и не был бы сейчас ее муж в кандалах.

Но увы. Она оказалась верной и любящей супругой. В общем, идиоткой. Потому что есть те, кому не отказывают. Вот Черный Ворон и прокаркал своим верным псам. Те быстро организовали и липовый заговор, и доносы, и свидетелей... Всю ту ложь, в которой настоящим был лишь приговор — двадцать лет каторги на рудниках в горах Мертвого Серебра и полное отнятие магии с наложением печатей, что запирали бы светлый дар у всех потомков рода Кархец до седьмого колена. То есть ровно до того времени, когда сама память о Вицлаве и его неосмотрительной супруге не сотрется. По сути, плаха на площади — и та была бы милосерднее.

Вот только не добился верховный инквизитор того, чего так желал: Ева Кархец исчезла из столицы, словно в бездну провалилась, едва был озвучен приговор.

— Из шахт Трезубца Смерти живыми не выбираются. Не зря их так прозвали. Да и весь этот Серебряный хребет, будь он неладен... — спокойно, и даже как-то устало промолвил стражник и потянулся к поясной серебряной фляге. — Смирись, запечатанный. Смирись и покорись, а иначе и до рудников не дотянешь. Скоро равнина закончится, начнутся горы. А там — узкие тропы и крутые обрывы. Сгинешь в одном из них... случайно.

Не хотелось стражнику, повидавшему на своем веку немало, брать на душу ещё один грех.

Пусть Кархец дойдет живым. А там уж как госпожа Смерть или Эйта распорядятся.

Словно вторя его мыслям, на обочине дороги появилась безумная старуха. Она что-то кричала проходящим каторжникам и стражам, потрясая клюкой.

«Демоновы темные! — Всадник осенил себя небесным знаком рассеченного надвое круга. — Вот вспомни дарящую безумие, и ее жертвы тут как тут. А может, не только жертвы, но и сама рыжая!»

Он глянул на стоявшую у обочины. Лицо сморщенное, словно печеное яблоко, крючковатый нос с бородавкой и горбатая спина — она будто вышла из легенды про старуху Зиму, что забирала жизни юных дев, чтобы вновь стать молодой.

— Придет время, заговорят горы! — между тем кричала блаженная. — И из пещеры выйдет дитя....

Тут она увидела запечатанного мага. А он — ее. И вздрогнул.

— Ты! — возопила сумасшедшая. — Ты — злой демон, вырвавшийся из бездны. Умри!

Вытянув руки со скрюченными пальцами, она бросилась на Кархеца, желая его задушить, и даже достала до его шеи. Но стражники бдели. Правда, угрозы в блаженной не видели, но пару раз со смешками прошлись плетками по ее бокам, отгоняя от вереницы осужденных.

Магии в старухе не было, иначе бы сработали упреждающие защитные амулеты. Зато ее нападение — какое-никакое развлечение в этот серый осенний день, когда небо ещё не решило: разродится ли оно мелким морсящим дождем или продержится смурным до вечера. Караван ушел, а старуха так и стояла, крича вслед веренице осужденных. И все бы ничего, если бы запечатанный маг не узнал в старухе свою жену. Красавицу Еву, что блистала на лучших сценах, играя роли благородных лэрисс, принцесс и простых юных горожанок, в которых обязательно влюблялись прекрасные драконы...

Да, его Ева была актрисой. Ей рукоплескали полные залы стольного Йоля. Да, она родилась в ситном квартале, у нее не имелось ни ветвистого генеалогического древа, ни солидного счета в гномьем банке.

«Мезальянс! Что скажет свет?» — всплеснула руками матушка, узнав, что ее сын намерен жениться на актрисе. «Не позволю!» — взревел лэр Кархец. Но Вицлав все же надел на запястье Евы брачный браслет вопреки воле родителей. Как оказалось, красавица-лицедейка вышла замуж не за дворянский титул и состояние (к слову, весьма среднее), а по любви. И сейчас Ева в образе старухи стояла и провожала взглядом караван. Но главное она успела... Успела передать рассекатель пространства своему мужу и шепнуть всего несколько слов. Ей оставалось только надеяться, что у него все получится.

Ева положила руку на живот. Балахон старухи надежно скрывал ее тайну.

— Потерпи малышка, скоро папа сбежит и будет с нами...

ГЛАВА 1

20 лет спустя

— Держи этого паршивца, уйдет ведь!

Вслед мне полетел пульсар.

Я пригнулась, и огненный шар просвистел над моей головой, врезавшись в дощатую стену. Дерево тут же занялось. Плевать. Главное, уйти. Желательно — с добычей. Очень желательно — целой и невредимой. Хотя последнее с учетом того, что среди караульных оказался маг, весьма проблематично.

Даже на руку, что матросня прицеля меня за пацана. Хотя, понятно почему: опознать в оборванце девушку — задача не из легких. Ну ещё бы: потрепанные короткие штаны, не прикрывавшие щиколоток, стоптанные рыжие ботинки, широченная рубаша и выгоревшая клетчатая кепка, под которой спрятались длинные черные волосы — не совсем тот наряд, который предпочитают лэриссы.

— Окружай гада! — донёсся крик откуда-то снизу и сбоку.

— Да не шмаляйте огнем, господин маг! — тут же взмолился другой голос, чуть ниже, но столь же тревожный: — Склады же как-никак. Неровен час...

Обрывок фразы потонул в ещё одном ударе. Опять пульсаром. Да что же мне за маг такой попался, озабоченный законом? Нет чтобы о хозяйском добре печься! Склады же как-никак. Одни из самых больших в империи. А он тут пламенем плюется, как дракон, ужаленный в зад гарпуном.

Я промчалась между штабелями, перескочила через мешки и взбежала по ряду бочек. Едва не поскользнулась на промасленном боку одной из них, но, балансируя, выровнялась. Правда, это было нелегко, если учесть, что в одной руке я держала саблю из аллурийской стали — прочной, но зверски тяжелой. Хотя последнее может оттого, что отточенный как бритва клинок предназначался для сильной мужской руки, а не тонкой девичьей.

Оказавшись на самой вершине горы из бочек, я бросила взгляд вниз.

Меня и вправду окружили: сзади — матросы, спереди — тот самый ненормальный маг, вознамерившийся во что бы то ни стало поймать наглого пацана. Уйти в бок? С одной стороны — пол. Правда, лететь до последнего — дюжину локтей. Не меньше. Не убьюсь, так ноги

И тут из мрака резко вынырнула загибающая лапа. Когтистая. Узловатая. С неестественно вывернутыми суставами и покрытая редкой шерстью. Она цапнула меня за запястье. Зря. Приличная напуганная контрабандистка с саблей в руках, если и отвечает на такое рукопожатие, то оставляет себе на добрую память ту пятерню, что была ей протянута. Я была приличной до безобразия. А ещё потомственной. Потому мелочиться не стала и рубанула тварь, отсекая ее лапу по локоть.

Тьма заголосила. Завыла и ... засмеялась. Зашлась тем глумливым смехом, что вместе с улюлюканьем несется вслед севшим в лужу неудачникам.

— А малышка не промах, вон как низшего обкорнала... — донесся едва уловимый скрипучий голос.

Куда я попала, бездна раздери? Не успела закончить мысль, как осеклась. А ведь я похоже, действительно в этой самой бездне и есть.

Я до этого испугалась? Нет. Конечно нет, какая глупость! Так, попереживала слегка. А вот сейчас, отчетливо осознав, куда я попала...

Стоило невероятных усилий не сорваться в бестолковый бег, когда мозг уже не в силах соображать, а ноги несут прямоком навстречу смерти.

Думай, Крис, думай! Что ты знаешь о бездне и о темных магах, кроме того, что чернокнижники платят полновесным золотом, но только в том случае, если понимают: перед ними хитрец и ловкач почище, чем они сами. В противном случае норовят обмануть и получить свое за бесценок. В общем, чернокнижники по духу — типичные пираты. Только что сухопутные, и вместо острой стали у них заклинания.

Но я-то, дочь Меченого Ви, любому пирату нос утереть могу, не то что темному. Значит, и с демонами договориться есть шанс.

И я начала дипломатическую миссию. Для начала — заозиралась. Уже не затравленно, а ища жертву для переговоров.

Тьма, словно чуя, отхлынула.

Я фыркнула от досады. Крутанула несколько раз саблю, проверяя баланс. И тут в расступившихся клубах чернильного тумана среди рыл и клыков увидела что-то мелкое в темном пышном платье, угловатое, с рожками. И это недоразумение бежало прямо на меня! А вслед этому недоразумению неся грозный рык:

— А ну стой!

Когда в тебя на полном ходу врезаются — это больно. Сию простую истину я познала ещё в детстве. И пополнять впечатления тем, что будет, если таран окажется с рогами, не хотелось. Жаль, что плаща у меня не оказалось. Так вышло бы эффективнее. Но все равно получилось неплохо. Увернулась я в последний момент, и беглец, а точнее — беглянка, пронеслась мимо. Мы разминулись с ней буквально на ладонь. Правда, уйти далеко ей не удалось: подножка — великая вещь. А неожиданная подножка — ещё и вещь эффектная. Впрочем, беглянка не растерялась, а кувыркнувшись через голову, тут же вскочила и рывкнула:

— Что застыла, ведьма? Открывай портал в свой мир! Зря я тебя, что ли, по всему двадцатому уровню выискивала?

Только удиравший от погони с полуслова поймет удирающего. За этой рогатой гнались. И, судя по всему, не за тем, чтобы ее убить. А это значит...

Отец всегда говорил, что самые удачные дипломатические переговоры получаются, если у тебя на руках есть весомые аргументы. Мой довод из алсурийской был не очень тяжелым. Зато самым действенным из всех.

Демоница не успела опомниться, как я схватила ее за запястье и дернула на себя, прикрываясь ею, как щитом. И приставила лезвие к ее горлу.

— Не тронь ее, ведьма! — демон, что неся за моей новообретенной заложницей, не успел всего на удар сердца.

— Лучше смерть, чем вечность с Рашримом! — пискнула демоница. Ее била крупная дрожь, но явно не оттого, что она испугалась приставленной к шее стали. — Я ни за что не выйду за него! Я сбегу к людям или умру!

Я заскрипела зубами. Вот только ее мнения тут не хватало! Она, вообще-то, по задумке, должна хотеть жить, а не сдохнуть.

— Ты моя дочь. И ты выйдешь за него замуж, — прорычал демон.

— Если она при этом будет жива, — напомнила я о себе. Все же как-никак я тут должна диктовать условия.

В меня вперились взглядом. Нехорошим таким. Прожигающим. Красненьким.

— Не наглей, ведьма! И не хами. Лучше убери свою железку, — угрожающе протянул демон. — И я обещаю, ты умрешь быстро.

В жизни меня бесят всего две вещи. И одна из них — когда мне говорят не хамить, а я ещё даже не начинала!

— Могу то же самое сказать о вашей дочурке, господин демон, — усмехнулась я. — А то ведь, не ровен час, вам самому под венец бежать придется. Или труп вашей малышки тащить. Это уж как больше нравится...

Судя по тому, как вокруг сжатых кулаков винторогого заклубилась первородная тьма, так открыто его ещё не посылали. Сдается мне, если бы я сейчас качественно не заслонялась его драгоценной дочерью, то в меня бы уже летело с дюжину смертоносных заклятий, а то и чистая сила, сметающая все на своем пути.

Пока мы вели сей познавательный диалог, я лихорадочно прикидывала, как выкрутиться из ситуации. Вообще-то, я хотела взять заложника, чтобы мне открыли проход обратно в мой мир. И, желательно, не в горящий ангар. Но что-то мне подсказывало: демон ни за что этого не сделает или...

— Ты хочешь получить свою дочь живой и невредимой? — вкрадчиво спросила я.

Бессильная ярость в глазах демона была мне ответом.

— Тогда открой мне портал в мой мир.

И тут он расхохотался.

— Демоны этого не могут, — сквозь смех глумливо и громко возвестил рогатый. — Все, у кого есть темные меты, сами проваливаются в бездну и сами же возвращаются. Это правило, которое знают все ведь...

При упоминании о мете плечо, в котором боль уже слегка поутихла, словно прижгли каленым железом. Рука дернулась, лезвие рассекло кожу на шее демоницы. Та непроизвольно пискнула, и ее отец оборвал фразу на полуслове.

— Ведьма, ты покойница, — холодно и с расстановкой произнес он, поняв, что никуда я от него не денусь.

— Ты и вправду не знаешь, как вернуться? — выдохнула заложница в унисон с папочкой.

— Знала бы, не стояла бы тут, как идиотка, — прошипела я.

— А если я подскажу, что делать, возьмёшь меня с собой?

— Кардерина, только посмей... — предостерегающе начал демон.

Я отчасти понимала возмущение родителя: где это видано, чтобы жертва помогала своему учителю? Да ещё и не из романтических чувств, а, так сказать, назло. Но демоница прошептала:

— Чтобы открыть проход обратно, точно представь место, куда надо перенестись. Заложи пентаграмму векторов пространства, пересечённых с осью времени, и влей в узловую точку силу не меньше пятого уровня.

Из всего сказанного я поняла только одно: надо представить место!

И я вообразила. В красках, подробностях. В ощущениях.

Старый пирс. Выбеленные солнцем и просоленные морем доски. Волны, что набегают одна за одной, одна за одной. Море, шепчущееся с прибрежным песком, запах водорослей. Истошный, а вовсе не романтический, крик чаек. Ракушки, что выбросило прибоем. Скалы бухты, проход к которой с суши отгорожен горным хребтом, а с воды — извилистый, как кишки каракатицы, и непредсказуемый. Через такой можно пройти только на шлюпе, да и то лишь хорошо зная путь. Мою руку прошила дьявольская боль. Казалось, изнутри, из костей, наружу, к коже, вырывается что-то. Прогрызает себе путь огненными челюстями. Я заорала. Пошатнулась вместе с заложницей, которая — гадина! — ещё и оттолкнулась пятками, будто пытаясь меня завалить, напроць наплевав на то, что я могу перерезать ей горло...

И мы действительно рухнули. Лопатками я впечаталась во что-то мокрое и твердое, в ягодицу впиалась то ли крупная галька, то ли ракушка. А рядом с виском, на уровне глаз, из песка торчал крупный камень.

Дыра, из которой мы вывалились спиной вперед, схлопнулась прямо перед носом демона. Но мне было не до этого. Отбросив в сторону саблю, которой я чудом не перерезала горло

заложице, я рывком оголила правое плечо. На коже, там, где всю мою жизнь красовалась печать, сейчас происходило нечто дикое: татуировка в виде черного пламени сжигала печать. Она буквально жрала ее с одного бока своими огненными языками. Печать трескалась, сочилась кровью, которая тут же запекалась, а меня раздирали дикая боль. Наконец, она накрыла меня с головой, как гигантская волна, смяла, перевернула. И я впервые в своей жизни потеряла сознание.

Сколько пролежала в бесспамятстве — сказать тяжело. Когда я очнулась, то первое, что увидела — рассвет. Получается, что я провалялась тут всю ночь? Оставалось надеяться, что только ее, а не целые сутки. А потом взгляд упал на белого кролика. Эта сволочь догрызала саблю! Сидела и нагло хрумкала. Только один эфес и остался. Скрежет стоял знатный, с длинных, острых клыков пушистой гадины аж искры летели, но она продолжала уписывать сталь, как иной заяц — капустный лист.

— Да чтоб тебя! — рыкнула я и, на ощупь найдя камень, метнула в этого проглота.

Кролик отскочил, слегка хромая. Выплюнул изо рта покореженный металл и знакомым голосом заявил:

— И не надо так орать. Мало, что меня этой пакостью чуть не прирезала, так ещё и сейчас едва бульжником не зашибла.

Осознание приходило медленно, но четко: этот пушистый засран... в смысле кролик — демоница. Та самая, свадебная.

— А что у тебя с лапой? — зачем-то спросила я.

Ну да. Я. Говорю. С кроликом. Точнее — крольчихой. Веду беседу. Так и захотелось помахать рукой и добавить: «Эйта, ты здесь?» Наверняка дарующая безумие где-то рядом.

— Я же говорю, что ты меня чуть не прирезала. Пришлось рукой за лезвие схватиться, вот и располосовало меня до кости. Так что...

— Ты, сволочь! — я начала приходить в себя. — Это была сабля из аллурийской стали.

— Новую купишь, — невозмутимо заявил будущий воротник. — К тому же я нервничала....

— Двести золотых! — взревела я.

Крольчиха не впечатлилась. Я же, кое-как встав, подобрала эфес, потом бесцеремонно цапнула белую пакость за уши и, пошатываясь, побрела прочь с пляжа.

Крольчиха висела, поджав пол себя лапы и ошалело таращась по сторонам красными глазами.

Я шла молча. Шерстяной комок нервничал. Сначала просто шевелили усами, а потом и задергал поджатыми до того задними лапами.

— Слушай, а почему ты в свой нормальный облик не превращаешься? Ну, в рогатый? — решила уточнить я.

— Я ещё не достигла совершеннолетия, — буркнула крольчиха. — И в мире людей не могу появляться в своем истинном виде... А почему спрашиваешь? — заподозрив неладное, забеспокоилась она.

— Точно не превратишься в демоницу?

— Точно!

— Отлично...

Вообще-то я должна была доставить саблю заказчику ещё ночью. Но тут случился патруль и склады. Но подумав, на пару ударов колокола позже приволоку заказ.

До постоянного двора, что стоял у южных ворот, я добралась быстро. Просочилась через черный ход, взбежала по лестнице и прислушалась, прильнув ухом к двери.

— Где только темные носят этого гада?! Двести золотых...

Кто-то нервно расхаживал по комнате. Хотя почему кто-то? Мой клиент.

Я постучала как было условлено: два коротких удара, тишина, ещё четыре.

Дверь распахнулась тут же, и я, широко улыбаясь, протянула вперед две руки: в одной — эфес, в другой — крольчиха.

— Ваша сабля, лэр!

Лицо господина, который усиленно изображал благородного, вытянулось, а нижняя губа затряслась.

— Что-о-о-о? — взревел он.

— Сабля, — невозмутимо повторила я и буквально впихнула в руки оторопевшего мужика эфес и крольчиху.

Он машинально схватил, и тут же мои запястья на миг полыхнули огнем — исчезла клятва на крови, которую я дала: доставить заказ во что бы то ни стало. Я выдохнула. Все же хорошо, что я не уточнила срок и состояние сабли, когда говорила слова магического обета. Наивный лжелэр (при нашей первой встрече он строил из себя аристократа, а сам держал вилку за столом, как простолюдин) полагал, что я доставлю заказ к нему целым, а не по частям. Увы, он не знал, что в щекотливых делах бывают накладки.

— Как? — выдохнул он, осознавая, что двести золотых так потеряны для него навсегда. И даже мысль о том, что неисполнительный контрабандист сдох, не могла согреть душу, ибо я была живее всех живых.

— Очень просто. Рукоять тут, — я ткнула в эфес. — А острие — в ней, — я перевела перст на крольчиху. — Можете ее выпотрошить и достать...

Извернувшись, пушистая отчаянно засучила лапами, угодив лэру в грудь. Тот согнулся и разжал пальцы.

Впервые я видела, как клинок дал деру. Хорошо, часть клинка. И мне следовало сделать то же самое.

И я припустила. По коридору, прямо в распахнутое окно. Благо, я отлично знала, что там, за подоконником, — конек крыши. Приземлилась удачно. Правда, в последний момент черепица под ногами все же решила, что для роли мостовой она не предназначена, и предостерегающе затрещала.

Но и я не была намерена стоять и любоваться небом. Взяв резкий старт, побежала по коньку крыши. Мой заказчик, потрясая огрызком сабли — за мной.

Что может быть приятнее вечернего бега по крышам? Очень и очень много всего!

Перепрыгнув с двускатной на пологую, я стрелой понеслась дальше и, взяв хороший разбег, сиганула через уличный пролет. В последний момент ухватила за водосток, едва не шлепнувшись на брусчатку, подтянулась и, раскачавшись, запрыгнула на балкончик. Это был один из домов тунцового квартала, самого богатого в городе.

Я угодила в спальню. На кровати возлежала дородная дама в парчовом халате. Вернее, этим она занималась ровно до моего появления. А потом она завизжала:

— Спасите! Насилуют!

Я выскочила из комнаты и, увидев лестницу, ринулась к ней. Всего пара ударов сердца — и из дома выходил уже не пацан-оборванец, а сторбленная старушка в плаще, чепце и с клюкой. А то, что бархатной накидкой послужил плед, сдернутый с дивана, клюкой — сложенный зонтик, а чепцом с кружавчиками на самом деле был прихваченные панталонами, что небрежно валялись на кровати крикуньи — дело десятое.

Заказчик так и стоял на крыше, взирая на улицу под собой с видом дозорного, который вот-вот ожидает прорыва.

Я прошла под самым его носом и двинулась вниз по улице, прихрамывая и горбясь, как и положено почтенной старушке, бормоча что-то себе под нос и глядя исключительно под ноги... Плечо опять жгло. Уже не так сильно, терпимо. Но это не значит, что вопросы к отцу у меня исчезли. Скорее, их стало только больше. Он — единственный маг, пусть и бывший, который мне мог все объяснить.

Впереди послышались песнопения. Кого-то провожали в последний путь. Впереди процессии шли плакальщицы, то прикладывая платки к глазам и подвывая молещичу, то лузгая семечки.

Я посторонилась. Жизнь идет своим чередом. Смерть, впрочем, тоже. В свои девятнадцать я не раз встречала мертвецов. И не всегда покойники лежали в гробах, и держали в руках сосновую ветвь, как заповедовал обычай. Нет. Я видела и растерзанных акулами, изуродованных штормом, выпотрошенных пиратами. Да и боль — с ней я тоже была знаком. Причем близко. Мне доводилось ломать руки, вывихивать ноги, а уж сколько я получила тумачков, пока не научилась драться... Хотя если бы не отец, преподавший мне немало уроков не только кулачного боя, но и фехтования, то не дожила бы я до своих лет. Славный порт Хорс не терпит слабаков, раззяв и чужаков. И если у последних есть шанс, то у первых двух — никогда.

Мой отец, Вицлав Кархец, бывший аристократ, ныне — запечатанный маг и беглый каторжник, которого все здесь знали как Меченого Ви, появился в Хорсе с семьей семь лет назад. Он тоже, придя сюда, напоролся в подворотне на парочку ножей, которыми поприветствовали чужака.

Но выжил и доказал, что лучше с ним не связываться...

Впрочем, доказывать пришлось не только ему. Но и матери. И мне.

Сейчас наша семья была на первый взгляд благопристойной. Впрочем, на второй — тоже.

Матушка заботилась о семейном очаге, отец отправлялся по утрам в море, а их единственная дочь ходила в помощницах у золотошвейки и помогала по хозяйству.

Вот только я-то знала, что на бедре у матушки всегда пристегнуты ножны с кинжалом. У отца, будь он хоть в своей рабочей рубаше и потертом жилете, хоть в пиджаке, в котором ходит на мессу, всегда за пазухой пара метательных звезд.

Но изображать добропорядочных мы научились мастерски. Недаром моя матушка, Ева Кархец, а ныне госпожа Иридия, когда-то была знаменитой актрисой. Ее умение носить маски я унаследовала в полной мере. Как и от отца — печать.

В общем, для соседей минтаевого квартала наша семья была образцово-благочестивой и порядочной. К слову, квартал был прозван так, потому что на столе у здешних жителей часто бывал минтай — рыба недорогая, но и не по медьке за ведро. Бедняки же ютились в квартале барабульки, а вот местечковая элита одноименного с портом городка — в тунцовом.

Процессия прошла, и я уже собиралась двинуться дальше, как в мою лодыжку впились чьи-то зубы. Я не заорала лишь по той причине, что почтенную старушку со своего насеста мог увидеть лишившийся двухсот золотых заказчик.

А дамам преклонного возраста не пристало орать, ругаться и резво скакать на одной ноге. Хотя если в ногу впиваются зубы, способные разгрызть металл, сохранить молчание очень тяжело.

Я метко ткнула зонтом в живот крольчихи. Та взвизгнула и, расцепив клыки, злобно глянула на меня:

— Поклянись, что не бросишь меня, и я не буду тебя жрать.

— Тогда взаимная клятва, — мгновенно взвесив все «за» и «против» заявила я, умолчав, что можно же не бросать. Причем не только вниз с балкона... Можно, например, задушить, отравить...

— Хор-р-рошо, — процедила крольчиха.

Я с прищуром посмотрела на пушистую шантажистку. Она своими красными глазками — на меня. Я — на нее. Она — на меня. Это была та ситуация, когда каждый из пройдох прекрасно понимает, что его противник может его обдурить, но верит: у него самого это выйдет удачнее, чем у соперника. Нет, надо было к заказчику тащить эту ушастую не в живом виде, а в трупном. Проще бы в сто раз было.

И почему только удачная мысль приходит опосля? Хотя если учесть, что удачно в моей жизни всегда складывался только зонт. И тот — в ливень...

Но делать нечего. Когда к твоей ноге приставлены зубы, способные перемолоть металл, приходится вступать в переговоры...

Договор скрепляли быстро и на словах. Никакой крови, хотя крольчиха все порывалась мне ее пустить своими резцами. Условились на том, что меня в случае неисполнения будет преследовать невезение (как будто мне вот прямо сейчас крайне везло!). Я же потребовала, чтобы крольчиха мне не мешала и вообще не путалась под ногами. Иначе ходить ей в пушистой белой шкуре до конца своих дней.

В итоге эта паразитка после того, как мы заключили сделку, ещё и на руки попросилась. Я бы с большей радостью пнула ее, но именно в тот момент мой бывший клиент как-то подозрительно уставился в нашу сторону. Пришлось брать ее на руки, кряхтя и маскируя под бормотание старушки отборные проклятия.

— Слушай, ведьма, хватит меня проклинать, — не выдержала крольчиха и цапнула за палец. Не больно, но ощутимо. — Я хоть и чистокровный демон, и мне сквернословие, что быку комариный писк, но все же ухо вон уже чешется.

И она выразительно поскребла задней лапой по своему лопушку.

— Какая я тебе ведьма! — возмутилась я. — Я честная контрабандистка!

— Честная контрабандистка? Это как целомудренная одалиска? — оскалился комок шерсти, явно стремясь к почетной должности воротника.

— Нет. Это как то, что я — светлая. У меня отец — бывший белый маг. А мама — и вовсе человек. И я не ведьма. Это ясно? — под конец я зашипела и так стиснула крольчиху, которую держала в руках, что та засучила лапами.

— Ага. Светлая. То-то светлые к нам во мрак проваливаются каждый день по дюжине!

— Правда, что ли? — я приподняла бровь.

— Нет! — не выдержала моя «зая». — Когда я сбежала с брачного капища, думала, что мне подвернется приличный темный маг или ведьма, с которой я смогу торговаться, чтобы меня перетянули в мир за преградой...

— А случилась я.

Так, слово за слово, по дороге домой я выяснила, зачем этой мечегрызущей твари я нужна была позарез, да и в целом узнала кое-что о быте и нравах демонов.

Моей новой знакомой (век бы ее не знать!) Кардерине, или проще — Каре, вчера стукнуло аж целых семнадцать лет — первое совершеннолетие у демонов, когда им уже можно вступать в брак. Но своего голоса чада ещё не имеют, что весьма удобно для их родителей, которые могут отдать свое дитя замуж или женить против его воли, продать или же вызвать на бой, чтобы прикончить. Да-да, именно прикончить!

Такому варианту я поразились, но для Кары все было логично.

До первого совершеннолетия молодые демоны неприкосновенны для родителей. И дело тут не в тонкой душевной организации юных чад и подобной трепетной дури. Просто не все рогатые любили своих отпрысков. Скорее, наоборот, истинная любовь случалась с обитателями бездны редко, а лелеять свое дитя, рожденное от нелюбимых, тяжело. Демонская натура такова, что многие отцы в порыве гнева могли и удавить своих наследников. Потому-то и существовал закон, который гласил: «Нельзя трогать юного демона до семнадцати лет». А уж как дите повзрослело, его разрешалось и на бой вызвать. Хотя случалось и обратное: когда наследники вызывали родителей на поединок. И даже побеждали. В общем, теплые семейные отношения царили в бездне. Прямо горячие.

— А тебя твой отец тоже... — заговорила я.

— Мой меня любил, — перебила крольчиха. — По-своему. И счастья мне желал. Тоже по-своему. Просто у нас разные представления о том, какое оно, это самое счастье. Для него — чтобы я была спутницей одного из верховных демонов Мрака.

— А для тебя?

— А я не хочу всю оставшуюся жизнь провести рядом со стариком, запертая в четырех стенах. Рашриму больше восьми сотен лет. Он даже своих любовниц — и тех держит взаперти, поскольку жутко ревнив. Да, богат. Да, властен... Но я для него всего лишь способ объединить власть двух родов: моего и своего.

Кара говорила запальчиво. Сначала я подумала, что она преувеличивает... Но когда демонесса поклялась, что не врет, что ее жених сам ей пообещал, что прикует ее браслетом в спальне и не выпустит, пока супруга не забеременеет... Отец же лишь посмеялся над страхами дочери, сказав, что Рашрим поступает мудро: собственная жена демона, мать Кары, сбежала от него, едва та родилась. А все потому, что он был неосмотрителен и давал свободу супруге.

В общем, теперь я понимала стремление Кары к свободе. Пусть даже удрать к людям (в мир за преградой, как его называли демоны) — и не самая блестящая идея. А не блестящая хотя бы потому, что теперь ей от меня, как от ее проводника в нашем мире, нельзя отдаляться. Тут уж не до путешествий по другим городам. Максимум — пять полетов стрелы, или два квартала. Иначе может утянуть обратно. А там — пир, свадьба, радостный отец, ждущий блудную дочь, супруг, кандалы...

— Я вот только одного не пойму: почему твоя шерстка молочного цвета? — не удержалась я. Вопрос, конечно, глупый. Но кто сказал, что любопытство и рациональное мышление должны быть рядом?

— Потому что я была в свадебном платье! И когда превратилась в эту пакость... — крольчиха с отвращением зашевелила усами. Видимо, шкура ей не очень нравилась. — ...То брачный смысл остался, а вот цвет поменялся... Ну кто же знал, что у вас, светлых, брачный наряд траурного, молочного оттенка? — возмущенно сказала она. — А не нормального, черного!

М-да... Такого выверта кроличьей логики я не ожидала. Но у меня самой вообще не было никаких вариантов, почему пушистая шкура у нее оказалась молочно-белой, посему... Как говорится, полный бред, подведенный под научную основу, уже не бред, а гипотеза.

Я свернула в один из переулков. Высокие стены из серого камня, затхлый запах сточной канавы, что журчала невдалеке. Зато так, напрямую, было быстрее. Стуча сложенным зонтом, как клюкой, и прижимая к груди крольчиху, я целенаправленно шла к площади. А точнее — к храму.

Не сказать, чтобы жители приморского городка были уж больно набожны. Но лично я мессы любила и старалась не пропускать: у местного храмовика был на редкость усыпляющий монотонный голос, посему во время проповедей я отлично высыпалась. Главное было занять удобную диспозицию, а уж там...

Впрочем, сейчас меня обуяло отнюдь не стремление причаститься. Или поспать. Просто под второй скамейкой с правого края лежала спрятанная одежда. Моя. Я ее часто там оставляла. Это было совершенно безопасно. Храм в приморском городе — не самое посещаемое место. Кабаки в порту пользуются куда большим спросом... К тому же было весьма удобно переодеваться в нише, за статуей богини Паринкры, которая отвечала за плодородие. Она и сама была широка, а уж ее плащ и вовсе закрывал обзор любопытным. Если бы те оказались рядом. Но за все пять лет я таковых ни разу не видела.

Чем ближе подходила я к храму, тем сильнее чесалось плечо. А потом и вовсе начало жечь. Да и мне самой, едва я взошла на мраморные ступени, как-то резко поплохело.

— Я же говорю, что ты ведьма, — убежденно встряла крольчиха. — А ты не веришь!

Я ничего не ответила. Лишь привалилась спиной к одной из колонн. А ведь эта мелкая пакость права: только темным дурно становится в доме светлых богов. Но этого быть не может! И я упрямо, скорее пытаюсь убедить себя, чем Кару, прошипела:

— Я не могу быть темной! Я даже писание знаю. Молитвы там. Даже два абзаца из жития святой Иоганны...

— Ну, значит, будешь ведьмой, цитирующей священное писание, — крольчиха развела лапы в стороны, дескать, что такого-то.

А у меня дрожали руки, подгибались колени, а голова и вовсе готова была разорваться от боли. Пульс стучал набатом, и было ощущение, что череп сейчас затрещит по швам. В мозгу очумелой перепелкой билась одна мысль: и как мне достать собственную одежду?!

Сглотнула, выдохнула и отлепилась от колонны. Чуть шершавый, нагретый за день жарким южным солнцем мрамор оставлять не хотелось. И правильно не хотелось. Едва я оказалась без опоры, как тут же пошатнулась. Но сцепила зубы. Как там говорят северяне: даже снег, падая, продолжает идти. Чем я хуже снега?

И я пошла. Шаг за шагом. Преодолевая боль и налегая на свою импровизированную трость, словно древняя старуха, я доковыляла до дверей. Еще никогда семь шагов не давались мне так тяжело.

Крольчиха, до этого стригшая ушами на моей руке, вдруг резко сиганула на пол.

— Ты что, ненормальная?! Тебе сюда нельзя! — заверещала она, и даже лапой о мраморную плиту ударила.

— Ну, значит, ты сходи, забери мой сверток, — прошипела я.

— Может мне, чистокровной высшей темной, ещё и молебен вместо храмовика отслужить? Да если я сюда войду, то этот сарай развалится.

Словно вторя ее словам, над дверью от косяка и выше начала расплзаться трещина.

Да что же у меня все так неудачно: вчера склад взорвала, сегодня вот храм...

— Не пушу! — оскалилось пушистое недоразумение и попыталось заступить мне дорогу.

Но тут дала о себе знать клятва, ударив ее разрядом в зад. Кара возмущенно взвизгнула, но поняла, что помешать мне не сможет.

— Ладно, суицидница, я тебя у ступеней подожду. Может у тебя и получится, ты же вроде не полностью инициированная... — с этими словами крольчиха развернулась и, подкидывая зад с пушистым хвостиком, поскакала по ступеням вниз.

Я вдохнула. Выдохнула и дрожащей от напряжения рукой взялась за ручку двери.

Как добрела до этой демоновой скамьи — не помню. Голова раскалывалась, из носа начала сочиться кровь. Казалось, все мое естество выворачивает наизнанку. Сграбастав сверток, я устремила на выход. Ну как устремила... Улитки ведь тоже наверняка думают, что они те ещё бегуны по сравнению с камнями. И сейчас я искренне надеюсь, что я все же быстрее, чем эти слизни с раковинами.

Когда я вновь оказалась на улице, крольчиха сидела на нижней ступени храма и с грустным-прегрустным видом жрала окорок. Где эта прохиндейка добыла явно дорогой кусок свинины — вопрос отдельный. Но то, как Кара это делала: вздыхая, свесив длинные уши...

— Ты чего это? — удивилась я. Голос отчего-то изменил мне и вышел сиплым.

— Поминки, не видишь, что ли, — не оборачиваясь, истинно по-демонски рыкнула Кара. — Иди давай, куда шел...

И она вновь впилась зубами в мясо.

— А кого поминаешь?

— Свою загубленную молодость. Ну и заодно — одну дуру...

Она не успела договорить, как до нее дошло, что собственно одна альтернативно одаренная ещё вроде как жива и стоит у нее за спиной.

— Ура! Не сдохла! — заголосила Кара так, что редкие прохожие заоборачивались.

Правда, она поумерила свою радость, когда внимательно посмотрела на меня. По ее словам, я отличалась от зомби тем, что могла связно говорить. В остальном — типичный мервяк с кожей симпатичного зеленоватого оттенка, холодными руками и бескровными губами.

За комплимент я Кару, конечно же, поблагодарила, показав кулак, который та с энтузиазмом обнюхала. Нахалка!

— Труп познается в еде! — заявила я и затребовала у крольчихи половину ее добычи. Она, на удивление, поделилась:

— На, тебе сейчас нужнее.

До ближайшей подворотни мы шли молча. Я несла в одной руке окорок, второй опиралась на зонт. Кара тащила в зубах сверток с моей одеждой.

Скрывшись от людских глаз, я переоделась и поела. Первый раз за сутки. Не сказать, чтобы это сильно помогло восстановить силы, но руки хотя бы уже не тряслись.

Домой я возвращалась, усиленно улыбаясь вечернему небу, раскланиваясь со знакомыми, что встречались по пути, и вообще изображая в меру счастливую благовоспитанную девицу. Но кто бы знал, каких усилий мне это стоило. На дне холщовой сумки, перекинутой через плечо, обретались порванная рубаха, штаны, рыжие ботинки и крольчиха с мослом, оставшимся от окорока.

И лишь когда я переступила порог дома, то смогла выдохнуть и облегченно прислониться спиной к двери.

Отец, вышедший мне навстречу, без слов обнял, будто не чаял уже увидеть живой. Я растерянно обняла в ответ. На глазах неожиданно выступили слезы, и я поспешила проморгаться. Зато матушка, вырулившая в коридор из кухни, была куда речистее. За пару ударов сердца я узнала о себе много нового. И что я негодница, и что паразитка ещё та, и что... В общем, матушка выражала свое беспокойство, как могла. А в том, что она переживала за меня и любила — я не сомневалась никогда.

— Ты знаешь, что вчера сгорело три ангара? Полыхало так, что от зарева светло было как днем!

А ещё этот маг, что прибыл по приказу императора, чтобы бороться с контрабандистами... — сердито начала матушка и потом чуть тише добавила: — Упокой, небеса, его душу... А ты ушла на дело. И тебя все нет... Что я должна была думать? Каким богам или демонам молиться?

— Скорее демонам, — перебила я.

— Что? — тут же напрягся отец.

— Знаете, кажется, я должна вам кое-что рассказать. И показать тоже.

И тут в сумке завожилась крольчиха, а потом и высунулась с ощеренными клыками, державшими мосол. Отец непроизвольно сложил пальцы щепотью, как вчерашний маг, но остановился, вспомнив, что он давно не чародей. Вторая же его рука потянулась за пояс, к метательным звездам.

— Крис, замри, я сейчас его убью...

— Не надо! — устало выдохнула я. — Давайте лучше чаю попьем...

А спустя два удара колокола, когда был уже выпит не только чай, но и бутылка гномьего первача, потому что отцу «не думалось о таком на трезвую голову», я узнала кое-что интересное о себе.

Чуть больше девятнадцати лет назад, когда мой отец сбежал по дороге на каторгу, они с моей мамой скрывались от ищеек Ароса Бранда, верховного инквизитора Его Величества. И случилось так, что я решила появиться на свет чуть раньше срока.

Приграничье. Лес. Излом зимы — то время, когда по легенде идет дикая охота и всадники Вечного Холода ищут заплутавшие души. И моя мать со схватками. Как отец, уже будучи запечатанным, без толики магии смог найти дорогу к высылке, он и сам до сих пор не понимал. Ему тогда было все равно у кого просить помощи для жены, роды которой оказались тяжелыми.

Будет повитухой светлая — хорошо. Ведьма — тоже хорошо. Главное, чтобы спасла любимую и ребенка.

Старая ведьма, согласившаяся принять дитя, была темной. Я же никак не желала появляться на свет. А когда все же родилась, то была... мертвой. Душа ещё не отлетела далеко, и ведьма смогла вернуть ее в тело ребенка. Но расплатилась за это своим даром, вычерпав его до дна.

— Она вдохнула в тебя тьму, — устало произнес отец. Он сидел за столом и задумчиво разглядывал кружку. — Старая Крисро отдала за твою жизнь самое ценное, что у нее было — остатки своего утасяющего дара.

— Так меня называли в ее честь?

— Да. Но я не думал, что ее слова, которые она произнесла, провожая нас на пороге своего дома, окажутся пророческими.

— И что она сказала? — я даже подалась вперед.

— Что она ни о чем не жалеет. И что дар всегда найдет способ сломать преграду, — опередила отца мама, вставая из-за стола.

Она в абсолютной тишине наполнила чайник водой и поставила его на камень. Щелкнула по мордочке ленивую саламандру, что дремала в ближнем угле печи. Та, неохотно переставляя лапы, побрела кипятить воду.

— Лентяйка, — проворчала мать. Она всегда ворчала, когда нервничала. — И за что только я ее держу.

Как по мне, наша саламандра, раскормленная и забалованная мамой до безобразия, просто обнаглела в корень.

— Судя по всему, Крис, та капля тьмы, что досталась тебе при рождении, переплавилась твой светлый дар в темный, — задумчиво сказал отец. — А запечатана у меня и у моих потомках была лишь светлая магия. Поэтому мета и смогла сожрать печать.

О метах, точнее, магических метках, я слышала. Отец как-то рассказывал, что такие есть у всех магов. У драконов в человеческом облике — маленькие татуировки в виде символов магической сути. У неиницированных оборотней — щенок. У ведьмы — плющ, у некроманта — ястреб.

— А черное пламя — это чья мета? — я подняла взгляд на хмурого отца.

Но ответить он не успел. На этот раз его опередил голос из-под стола.

— Пожирателя душ. А точнее — пожирательницы, — радостно сообщила Кара.

Может, и стоило не шевелиться в дверях, чтобы метательные звезды отца пришили эту пушистую пакость?

Но крольчиха, словно не чувствуя никакой угрозы, продолжала невозмутимо глодать под столом мосол.

— Плохо, — отец сжал пустую кружку, что стояла перед ним.

Да так сжал, что она пошла мелкими трещинами и раскрошилась, порезав его ладонь. А он будто и не заметил этого.

— Что именно плохо? — осторожно уточнила я.

— Плохо, что твоя мета сожрала печать. Теперь ты не только дочь осужденного, но и сама преступница. Поскольку взлом печати — одно из страшнейших преступлений в светлой империи. И неважно, как это произошло. От сломанной печати остается хвост, по которому тебя легко найдут.

— И тогда в темные земли... — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала мама, ставя на стол вскипевший чай.

— Сейчас Черный Властелин и Светлый Владыка всю изображают дружбу. До зубовного скрежета, — мрачно сказал отец. — Если Крис поймает темные, то они с радостью сдадут ее светлым дознавателям. По дружбе...

Последние слова он словно выплюнул.

— А они обязательно поймают. Пожирателю душ тяжело скрыть свой дар, а уж с маяком в виде сломанной меты... — поддакнула крольчиха.

Я не выдержала и, нагнувшись, заглянула под стол.

— Слушай, зайнышка, а тебе часом шкурка не жмет?

Кара опешила. Даже мосол выронила. Впрочем, она быстро пришла в себя и опять невозмутимо захрукала, изображая, что она вовсе не плотоядная, а обычная такая крольчиха, которая грызет морковку. Морковку из трубчатой кости....

— Есть один выход, — отец побарабанил пальцами по столу. — Но мне он не нравится. Я и мама с одинаковым выражением лица уставились на него.

— Да вы сейчас во мне дыру прожжете. Четыре дыры, — поправился родитель. — Ладно... Военная магическая академия. Та самая, где готовят порубежников. При поступлении все адепты проходят там испытание. Но не браслетами Дианары, которые измеряют уровень дара. Нет. Все маги военной академии, которую возвели на объединенных землях Лавронсов и Райосов, прикасаются к Артефакту Первородного Мрака. А его влияние столь сильно, что меняется не только мета, но и аура мага. Значит, сожгутся и остатки печати...

— То есть я войду туда со знаком пожирательницы душ и здоровенным хвостом, а выйду...

— Порубежником. С новой метой и без следа печати, — отчеканил отец. — Я не хочу тебе такой участи. Но оков и рудников для тебя я хочу еще меньше....

И тут раздался настойчивый стук в дверь.

— Именем пресветлой инквизиции! Открывайте!

ГЛАВА 2

В жизни всегда есть шанс. На провал — так точно. Вот и сейчас операция «избавиться от сломанной печати» накрылась медным тазом, не успев начаться.

Отец, не говоря ни слова и даже не встав со стула, опрокинул стол. Пушистая не успела возмутиться такому произволу, как была схвачена за уши и запихнута в сумку. Еще бы — она сидела на двери, ведущей в подпол. Ну а то, что в этом самом подполе совершенно случайно находился выход в катакомбы — так спасибо отцу, который в свое время купил наш нынешний милый домик лишь за сию чудесную тайну. Вот только я искренне надеялась, что никогда не придётся использовать сей ход. А если все же и станется — то спасая жизнь и свободу отца...

Я схватила две сумки: одну — с крольчихой, вторую — «тревожную», которая всегда висела наготове в кухне. В ней были документы, деньги и иные мелочи, необходимые для выживания и честного контрабандистского промысла. На миг задумалась, что две торбы будут мешать при беге и... потеснив зайа, втиснула «тревожную» в ту, где сидела Кара: она была и больше, опять же зачарованная от намокания. Зая пробовала протестовать, но тщетно. Все это заняло не больше вдоха.

А затем прыгнула в подпол. За мной — мама. Отец — последним. И закрыл за собой крышку, перед этим бросив на кухню склянку с вонючей пакостью, которая отбивала нюх у оборотней, а на магов действовала как опьяняющий туман.

Мы бежали слаженно, не размениваясь на глупые реплики и ахи. Прямо. Поворот. Еще один поворот. Длинный узкий тоннель, после которого отец обвалил за нашими спинами свод. Спуск на уровень ниже. И все это — в крошечной темноте, когда путь освещает лишь тусклое мерцание магического светляка: его я успела прихватить со стены в подполе.

В боку нещадно кололо, я буквально задыхалась от затхлого, спертого воздуха.

— Все, больше не могу, — за спиной простонала мама.

Я услышала, как зашуршала ткань и обернулась. Она стояла, прислонившись к стене. Ее билa крупная дрожь.

— Ева, давай, обними меня за шею, — отец подхватил маму на руки.

Он сам едва держался на ногах: газ катакомб, о котором ходили легенды, требовал кровавую дань от тех, кто посмел шагнуть в его чертоги. Но мы, Кархецы, — упрямые. Да и не было пути назад. Я, как оказалось, преступница. Отец — беглый осужденный. А мама... Хотя на ней и нет вины, но кто будет разбираться-то?

— Давай сюда, направо. Там должен быть подъем на верхний уровень. А через три развилки — и выход к морю...

— У которого нас вполне могут ждать, — буркнула я.

— Не будут, — просипел отец, горло которого тоже разъедал газ. — Эти катакомбы остались после добычи ареллия — металла, что впитывает в себя магию. Конечно, здешнее

месторождение не чета тому, что было когда-то под столичным Йолем, но все же... Так что пока мы тут — тебя не засекут. Но вечность в катакомбах прятаться не будешь.

— И что остается? — я держалась из последних сил.

— Море.

— Даже на почтовом бриге меня догонят, — последние слова я выплюнула вместе с кашлем.

— Есть те, кого не догнать и на летной метле...

— А они согласятся? — не поверила я.

— Один точно согласится. Не все ведь чисты перед законом.... Впрочем, как и я.

Из катакомб мы выбрались с рассветом. Ну, как выбрались. Я и мама остались на верхнем уровне, а отец направился к морю. «Договариваться», как он сам сказал.

Я же, пока папы не было, занялась весьма важным и ответственным делом — порчей имущества. Точнее, моего личного свитка, который я выудила из своей сумки. Достав оттуда же самописное перо, сначала я поставила на свиток пару клякс. Так, вроде случайных, будто писарь, что выводил имя Крисро Кархец, был жутко небрежным. Потом, высунув от усердия язык, дорисовала несколько завитушек и стала Крисроном Каржецским. Так же прибавила себе пару лет.

Когда к обеду пришел отец, я была почти готова. Да и собирать особо оказалось нечего. Разве что одернуть юбку, заправить выбившийся из смоляной косы локон, да перекинуть ремень сумки, в которой зая соседствовала с «тревожной котомкой», через плечо. Пусть поклажа будет бить так по спине, зато обе руки — свободны.

— Я с ним договорился. Домчит тебя до Салрунского порта за два удара колокола. А там — портал. Закажи его у местного мага прямо к воротам академии. До вечера ты должна успеть.

— Успеть добраться до академии? — уточнила я.

— Нет. Успеть в нее поступить, — отрезал отец и неожиданно крепко обнял меня, прошептал на ухо: — Как только выйдешь отсюда, беги к морю и не оглядывайся. Старина Вьенор будет ждать тебя в воде. Главное — не бойся.

— Хорошо, — сглотнула я.

Увижу ли я родителей еще? Очень хотелось в это верить.

— Беги детка... И знай, мы с папой тебя любим, — мама обняла нас вместе с отцом. — Беги, а я отвлеку внимание на себя.

Едва я оказалась под лучами палящего солнца, как помчалась со всех ног. Сумка колотила по спине, зая истерично повизгивала в торбе, страх и азарт бурлили в жилах. Еще бы... Вот-вот должны появиться инквизиторы, соткаться из полуденного марева, шагнуть из портала, ястребами обрушиться с неба на метлах...

Я щедро зачерпывала башмаками песок, пот струился градом, руки подрагивали. Успеть.

Успеть. Успеть. Врезалась волну, когда за моей спиной раздался крик:

— Это она! От нее идет след. Схватить!

Я обернулась и увидела, как в меня летит белый, выжигающий свет. И именно в этот момент мои ноги обвил здоровенный чешуйчатый хвост и дернул, утаскивая в глубину.

Я ударилась головой о дно, глотнув в избытке морской воды. А в том, месте, где я стояла мгновение назад — вскипела вода, обдав жаром. Но это я почувствовала лишь вначале. А затем вода хлынула в горло, глубина стиснула грудь...

Удар, как мне показалось сначала, о камень вышиб остатки воздуха. Я забила руками, силясь выплыть, и тут услышала голос:

— Хватайся за гребень, ненормальная. Второй раз из-под боевого аркана я тебя не буду вытаскивать.

Я схватилась за гребень морского дракона, чье тело напоминало здоровенного змея.

— Сейчас я вынырну, набери побольше воздуха, — предупредил мой спаситель.

Он резко ушел вверх, давая мне возможность сделать судорожный вдох, и буквально тут же нырнул обратно. Вода с силой прошла по коже рук и лица.

Зая в сумке засучила лапами по моей спине: мол, что за произвол? Но в этот момент я ей только позавидовала: хорошо ушастой в ее торбе. Та, зачарованная, хотя бы не промокала. Хоть в воде ее купай. А воздуха Каре должно хватить. Наверное.

Я прильнула к аквамариновому гребню, вжалась в него, не думая ни о чем. Змеевидное тело извивалось, мощные плавники рассекали глубину. И вновь — стремительный подъем, чтобы я смогла сделать глоток. А затем — нырок. Соль на губах, брызги и солнечные блики на

драконьей чешуе, когда сын моря вырывался на поверхность — была в этом какая-то невероятная, дикая, безудержная красота и свобода. Сводящая с ума, пьянящая своим вкусом. Я сбежала! И сейчас неслась сквозь морскую толщу на сильной спине, под которой волнами перекачивались мышцы.

Дракон, что вез меня, был уже нёмолод: чешуя кое-где уже побелела, утратив прежний насыщенный цвет, бока его покрывали шрамы, без слов говоря о лихом прошлом.

Первое время я лишь жмурилась, боясь упасть, но потом освоилась. Осмелела настолько, что смогла разглядеть под водой то, как от нас разлетались стаи пугливых рыб, как под нами в мгновения ока пестрые кораллы на дне сменялись черными впадинами, у которых, казалось, не было дна. От них веяло могильным холодом и страхом. Наконец, мы приплыли. Дракон проскользил под дном здорового корабля, а потом аккуратно всплыл рядом с одним из бортов.

Я вскарабкалась на его голову, которая начала все выше подниматься над волнами. Ровно до того момента, как моя макушка не поравнялась с нижней палубой. Выждав миг, когда два матроса отвернулись, а пассажиры были увлечены беседой, я ловко перевалилась через борт и никем не замеченной затаилась за бочками. В торбе, которую закинула за спину, недовольно закопошилась Кара. Пришлось чуть ослабить тесемку, пуская внутрь сумки воздух. А ещё — чуть прижать ее рукой, чтобы зая притихла.

Итак, фрегат обзавелся еще одним пассажиром. Вернее, двумя, судя по мстительно впившимся в бок когтям, пронзившим ткань сумки. Порыв ветра, ударивший неожиданно и наполнивший паруса, донес до меня едва уловимый голос дракона:

— Свой долг Вицлаву я отдал. А тебе удачи, темная.

Я не могла ответить дракону, но отчего-то захотелось улыбнуться.

Слова морского змея оказались пророческими: удача и правда наполнила паруса, и фрегат за четверть удара колокола домчался до пристани.

Впрочем, я времени не теряла. В одной каюте позаимствовала рубаху и штаны (оставив взамен свою мокрую юбку), в другой — пару сапог, пиджак, картуз и жилет, а так же чемодан.

Последний — для возмущенной до крайности, злой и взъерошенной заи. Правда, она поначалу лезть отказалась... Но нет ничего невпихуемого, если имеется желание.

Посему теперь в чемодане обретались не только Кара, но и остальные мои пожитки. А еще решила, что деньгам незачем храниться всем вместе. Мало ли... потому несколько золотых перекочевали в карман штанов, и ещё несколько — в голенище сапога. Потом подумала, и достала ещё и личный свиток, согласно которому отныне я была Крисроном Каржецским, и сунула его за пазуху.

В итоге, едва корабль причалил, я под видом легкомысленного лэра ступила на пирс.

— Цель прибытия? — дотошно осведомился служащий порта.

— Осмотр достопримечательностей, — широко и безмятежно улыбнулась я.

Служака задал еще один обязательный вопрос. Судя по тону, ему самому изрядно надоело говорить одно и то же, но...

— Везете с собой что-нибудь запрещенное?

— Собственное мнение и бутылку первача, — я махнула потрепанным чемоданчиком, свято соблюдая первое правило контрабандиста: будь безмятежен с виду, имей запасной план в голове и всегда располагай к себе.

Вислая щека служащего дернулась в подобии улыбки, хмурый взгляд чуть потеплел. Стоявший передо мной не был магом. Он лишь записывал имена прибывших и проверял личные свитки.

— Собственное мнение — это плохо, а вот гномий первач — это хорошо, — улыбнулся он. —

Открывайте чемодан. Проверим и то, и другое. А ещё — покажите документы.

— Может, я смогу сделать что-нибудь хорошее такому замечательному человеку? А чемодан — и бездна с ним...

Мы поняли друг друга с полуслова и полувзгляда. Жаль, что золотой, который достала из кармана, на половину не делился. Пришлось отдать целый. Зато в книге прибытия теперь значился лэр Крисрон Каржецкий, а чемодан так и не был открыт для досмотра.

До порталной башни я буквально домчалась, не пожалев золотого на одну из снующих по небу летных лодок. Та донесла меня с ветерком. А затем был телепорт к воротам военной академии. Удалось уговорить местного штатного мага быстро его открыть: всего лишь подкуп, шантаж и

угроза жизни престарелого чародея, и — вуаля! — я оказалась перед воротами магической военной академии. Правда, когда я уже шагнула в круг перемещения, маг вопил:

— Тревога, преступник!

Но клятва, которой я его связала, не дала ему возможности схалтурить в координатах выхода. Теперь дело осталось за малым: поступить. Я собралась уже сделать шаг в распахнутые ворота, как что-то толкнуло меня в спину.

Сильно так толкнуло, ощутимо. Была бы я барышней с тонкой душевной и физической организацией — обязательно полетела бы носом вперед. Но я такой барышней не была, потому успела выровняться в последний момент. Но вот то, что синяк будет на полспины, я знала совершенно точно. Как специалист, которому доводилось их и ставить, и получать.

— Отойди, мелк... — договорить неизвестный не успел.

Мы, контрабандисты, всегда славились тем, что с самым невинным взглядом творили самое отвратительное беззаконие. А в моем конкретном случае оно совершалось даже не я, а мой чемодан, который резко качнулся назад.

Сдавленное шипение и ругань подтвердили: я рассчитала верно. Острый угол поклажи попал ровно туда, куда и задумывалось: чуть ниже пряжки ремня.

— Ой, — пискнула я и обернулась, изображая растерянность. — Я не хотел...

Вовремя успела проглотить «а»! Все же в военной академии предпочтение отдавали юношам, а мне позарез нужно было поступить. А уж там пусть ректор голову ломает, почему я девушка. Напротив меня, держа на плече здоровенный столб, стоял маг. Ну, как стоял... Конкретно в данный момент он скрипел зубами, а его взгляд буквально искрил бурлящей внутри силой.

— Не хотел, но усердствовал... — процедил он. — Тебя что, когда делали, отец не старался, а мать — не хотела?

— По себе судишь? — сощурилась я.

Меня одарили таким взглядом, словно хотели на месте испепелить. Были бы свободны руки у моего обидчика — наверняка запустил бы заклинанием.

— Да чтоб у тебя, мелкий гаденыш, время лечило все, но как в бесплатной целильне! — его жесткие губы чуть дрогнули в усмешке.

И что самое противное, я тут же почувствовала, что это не простое пожелание: на мои плечи словно опустилась почти невесомая белая дымка, сотканная из этого сомнительного пожелания. Гад! Причем светлый, судя по тому, что меня наградили неявным проклятием.

Вспомнились слова отца, когда он лежал в лечебнице с переломанными ребрами, едва живой. Это было сразу же после того, как мы появились в порту. Я тогда спросила: можно ли простить врага? И он ответил, что небесные боги простят! А его задача — лишь организовать их встречу. Эту простую истину я запомнила навсегда. И сейчас глянула снизу вверх на будущий труп. И правда, из мага хороший бы получился покойник, симпатичный. Он был статен, высок. В нем чувствовалась мощь мужского тела. Такое небеса создают не для мира, для войны: сильное, гибкое, быстрое.

Темно-каштановые волосы были перехвачены кожаным ремешком в короткий хвост. У мага была чуть смуглая кожа, как у иных темных. А в глубине насыщенно-синих, как морская глубина, глаз незнакомца плескалось обещание прихлопнуть сопляка, что вздумал ему дерзить. С таким типом опасно вступать в открытый бой. Если он нападет — пощады не будет. Зато мне нет равных в диверсиях. Так что... Еще раз окинула взглядом противника.

— Могу пожелать в ответ, чтобы ты, каштанка, стал знаменитым! — прошипела я и уточнила:

— Пусть твоим именем назовут болезнь!

От меня прошел темный туман, ударив в грудь светлого. Судя по тому, как он пошатнулся, проклятие обрело силу.

— Темный, ты что, бессмертный? — спросил светлый, уже справившись с болью, да так, что ни один мускул на лице не выдавал его состояния. — Советую забрать свои слова назад и извиниться...

Я сделала вид, что размышляю над его предложением:

— Прими мои искренние... издевательства, — я нахально и широко улыбнулась, именно так, как это делают чернокнижники, подтверждая поговорку: легкая придурковатость делает темных практически неуязвимыми.

Судя по тому, как изменилось выражение лица светлого, его изумление медленно, но верно сменилось ощущением полного офигевания степенью моей наглости.

Я бы с радостью доказала, что это ещё не предел, но мне нужно было торопиться. Все же поступаю в военную академию. А то, что прием вроде как во всех магистериях империи закончился пару седмиц назад, с последним днем месяца жатвеня, — так то сушая ерунда. Подобная мелочь меня никогда не смущала.

Я повернулась и гордо (а ещё быстро, ибо вовремя отступить — это тоже искусство) зашагала через ворота к башне академии, гадая, попытается каштанка запустить мне в спину магией, бросив-таки свой столб на землю, или нет.

Не ударил. Честный. Не был бы таким, засветил бы между лопаток пульсаром, наплевав на свою ношу. А этот, гляди ты, чтит правила, не бьет в спину. Хотя я уже приготовилась отскочить в сторону.

Столбоносца кликнул кто-то из адептов, и мне стоило большого труда не обернуться.

Сразу за воротами и каменной стеной был двор, по которому сновали и кадеты в форме, и молодые люди в обычной повседневной одежде... Что именно каштанка ответил знакомому, я уже не расслышала, потому что спешила к зданию академии, что стояло невдалеке. Оставалось всего лишь пересечь площадку, вымощенную булыжником, потом промчаться по аллее. А за ней уже маячили беломраморные ступени лестницы.

Я шла вперед, а мысли возвращались к тому синеглазому паразиту. С такого станется меня на дуэль чести вызвать. Одним словом, ...благороднущий. Вот на всю голову благороднущий. Прямо как главный дознаватель, что пару лет назад прибыл в наш порт и заявил, что искоренит в Хорсе контрабанду. Законник тогда гордо толкнул прямо на пирсе проникновенную речь о борьбе с преступностью. Но закончить не успел — провалился. Доска под его ногой оказалась со слабиной. Еще бы дереву не быть таковым, если снизу его в это самое время грызла заговоренная на бесшумную работу пила... Ибо пока добро разглагольствует о планах, зло молча трудится в поте лица. В итоге дознаватель тогда так печально упал, так неудачно расшибся о волны, что слегка тронулся умом.

Градоправитель Хорса оказался гораздо умнее. Он не только запроса на нового законника в столицу не сделал, но и о досадном падении явно не упомянул в отчетах. Потому пару лет в порту был главный дознаватель, который мог спросить миграционный пергамент у вылезшего на берег краба, а на плоскодонку, причалившую в полночь в бухте вздохов, и внимания не обратить...

Хорошее было время. Жаль, закончилось, когда прибыла очередная проверка. Поцелованного рыжей белочкой законника сменил новый, суровый и не столь разговорчивый. Контрабандисты, и мой отец в том числе, приуныли, но ремесло свое не забросил ни один.

С такими мыслями я дошла до середины аллеи и украдкой оглянулась. Светлого в воротах уже не было. Повертела головой и увидела, как этот столбоносец тащит свое бревно куда-то к ангарам, что располагались чуть сбоку от самой академии, чье здание было прямо по курсу. Я задрала голову вверх: зеленые кроны над моей головой не могли скрыть три острых шпиля магистерии, которые пронзали небо своими иглами. У меня невольно возникла мысль о короне с зубцами. Над левым из них реяло полотнище черного цвета, на котором серебристый ястреб держал в когтях плющ — это судя по всему крыло темных. Над центральным развевался серый флаг с изображением перекрещенных мечей — черного и белого, а над третьим в данный момент чья-то шаловливая рука с помощью магии пыталась закрепить парик. Добротный такой парик с буклями.

— Ты пришла навестить брата, малыш-ш-шка? — неожиданно прошипело у меня над ухом.

Я вздрогнула и отпрянула в сторону.

Рядом со мной был гигантский огненный змей, что сейчас приподнял голову над землей так, что наши глаза оказались на одном уровне. Мои — карие, наверняка сейчас круглые от удивления, и его — янтарные, с вертикальным зрачком.

— Откуда вы...

— Я виувир, Ше-с-се, — прошипел змей, и его язык затрепетал в воздухе, словно пробуя на вкус: не много ли вокруг разлито фальши и обмана. — И я способен видеть ис-с-тину, под чьей бы личиной та не скрывалась. И в чем бы она не пряталась.

Кончик хвоста, что возвышался над телом виувира, свернутым в несколько тугих колец, качнулся, указывая на мой чемодан.

Я задвинула свою поклажу за спину. Так, на всякий случай.

— Уважаемый Шессе, раз вы видите меня насквозь, может быть подскажите, где можно найти ректора? Я хочу стать порубежником...

Виувир беззвучно смежил веки, его пасть оскалилась и показались острые и длинные, как шила, ядовитые клыки. Судя по всему, огненный змей так смеялся. Да и пламя, что танцевало на его чешуе, казалось, усмехалось.

— Собралась она в боевые маги! Да знаешь ли ты, глупая, что прием уже закончен. Завтра будет присяга на артефакте Мрака! Сюда поступают лучшие из лучших, сильнейшие из сильнейших, достойнейшие из достойнейших... — начал он и, на миг замолчав, добавил: — темные.

Эта заминка насторожила меня. Я ощутила подвох. Так жена чувствует заначку супруга, так пропойца идет на запах браги, даже если бутылка зарыта в куче отбросов...

— А светлые? — спросила я.

— А светлые — кого отправит император.

Мне стало любопытно. Но страж академии, точно какой-нибудь пират или, того хуже, налоговый стряпчий, затребовал мзду за ответ. И при этом нагло заявил, что чует, что у меня с собой есть старинное оружие. И если я соглашусь его обменять на бесценные знания виувира... Я прикинула, что удар колокола у меня в запасе есть, а вот четкого плана, как стать кадетом — нет. К тому же единственное старинное оружие, которое у меня имелось с собой сейчас, благополучно переваривалось в Каре, так что ... я ничего особо не теряла.

Да и змей не обладал такими уж великими тайнами. В общем, наш с огненным гадом взаимный обман начался с обоюдной полуправды.

Я согласилась на требование змея об оплате (нет, ну если он хочет, пусть подождет, когда тот хм... клинок вывалится из зайчихи), и узнала, что чародейская военная академия, что стояла на объединённых землях Лавронсов и Райосов, все же была больше темная, чем светлая. Хотя официально, обе ветви магии были равны. Но порубежников больше уважали черные, ведьмы и некроманты. Может потому, что прорыв, случившийся чуть больше полувека назад, произошел именно на землях темных магов. И тогда первой линией обороны от взбесившихся тварей бездны, низших демонов, гааков стали именно порубежники, отдавшие свои жизни за то, чтобы дать остальным время объединиться и атаковать, а темному стражу Райосу — запечатать разрыв полотна мироздания.

И если до прорыва для темных быть порубежником считалось почетным — все же элитные боевые маги, то после него — тем паче.

А вот многие светлые не понимали, ради чего отречься от меты, извергаться из рода, тратить десять лет жизни, лишая себя благ и наслаждений внешнего мира, когда есть множество иных магических заведений. Та же Йольская академия магического искусства, где можно было получить престижный диплом артефактора, пифии, мага-стихийника, целителя... В общем, не познали светлые весь ужас и разрушения прорыва. Кажется, лишь император Тангор Первый понимал, что порубежники империи нужны ничуть не меньше, чем те же целители. Ведь то, что когда-то случилось в темных землях, может однажды произойти и в светлых.

— Правда, не все подданные обрадовались, когда их правитель по договору с Черным властелином издал указ, по которому каждый год четыре дюжины сильных белых магов имеют право поступить в военную академию имени Шес-с-се С-с-смертельные Объятия... — прошипел змей.

И только тут я сообразила, с кем заключила сделку, но было уже поздно. Угораздило же меня нарваться на дух академии.

— А вы каждого вошедшего в ворота встречаете? — насторожилась я.

Змей качнул лобастой головой, открыл пасть, в которой тут же показался раздвоенный затрепетавший язык.

— Нет. Только пожирателей душ-ш-ш. Вы здесь редкие гости, а уж светлая магичка с темной метой, за которой тянется хвост-с-ст сломанной печати... Мне с-с-стало любопытно, что ты здесь забыла?

— Свободу, — я посмотрела внимательно в желтые глаза с вертикальными зрачками.

— С-с-свободу? В военной академии? Что же, это даже интересно... Еще один ненормальный маг, а точнее, ненормальная, очень с-с-сильная магиня... Во всяком случае с-с-с-скудно не будет. А мы, виувир, больше всего на свете не любим уныние.

— А светлые очень хотят обучаться здесь? — с любопытством спросила я.

— Удивишься, но да. Ос-с-обенно бедные. Такие идут добровольно. Здесь хорошее жалование. А есть те, кто направлен по повелению светлейшего императора. Это неприкасаемые. Из высшей арис-с-стократии...

Виувир ещё не договорил, а у меня уже созрел план, как стать кадетом. Со слов змея, хотя адептов и набрали, но посвящения ещё не было. А это значит — у меня есть шанс стереть печать.

— Мне нравится твой взгляд. Пожалуй, я тебе даже помогу. Только отдай плату, на которую мы договорились.

И не дожидаясь моего ответа, хвост змея обвил чемодан и дернул из моих рук.

Но если в лапы контрабандиста что-то попало, просто так он этого не отдаст. Только через труп. Труп того, кто покусился на честно уворованную собственность. Посему плевать, что виувир вроде бы уже слегка мертвый... Упокою. В смысле успокою его обещаниями.

— Чемодан — мой. И его содержимое — тоже мое. А что до сабли... Подождите, я ее сейчас из ножен выну и отдам вам все, что от нее осталось...

С этими словами я выдрала-таки у змея свою поклажу, щелкнула замком, запустила руку внутрь, поймала за уши и извлекла на свет. А дальше действовала не хуже профессионального щипача, что мастерски помогает всем нежелающим (кто же в здравом уме захочет расставаться с кровными?) избавиться от тяжелых монет в напоясных кошельках.

Схватила Кару за задние лапы и энергично потрясла вниз головой.

Та, то ли опешив от моих варварских действий, то ли завидев огненного удава оцепенела. Зая таки рассталась с клинком. Правда, последний вышел из нее не снизу, а сверху... А потом под мои ноги плюхнулся ком. Было там много всего. В том числе и остатки сабли. Вот зря мой заказчик отказался от милого кролика!

— Что ты делаешь-ш-шь? — изумленно прошипел змей.

Я гордо отошла от кучки из окорока, остатков клинка и... чьей-то подметки. А еще, судя по всему, нервничавшая зая сточила оберег от злых духов — три лепестка, заключенных в круг. Такие амулеты обычно вешали над входом в лавки, таверны, постоялые дворы. Судя по тому, что демонесса одним из них подзакусила, то у конкретного амулета явно вышел срок годности. Или хозяину заведения подсунули контрафакт. Ну, или моя зайка просто очень сильно нервничала... Я сделала себе пометку: в дальнейшем не полагаться на обереги от нежити, пока их не протестируют зубы Кары. А то предъявишь такую висюльку вурдалаку, а он чихать на нее хотел... Как-то неудобно получится.

— Выполняю уговор, — пожала плечами. — С вас был рассказ. С меня — оружие...

— Вообще-то, твое оружие — это подчиненный высший демон, — виувир плотоядно облизнулся на Кару.

Кара, которую я уже перестала держать вниз головой, боязливо поджала уши. Я погладила ее по голове, чисто машинально, и спокойным, чуть занудным тоном судебника начала:

— Уговор был на оружие. Но на какое именно — не уточнялось. Это во-первых. А во-вторых, — я подняла пушистую чуть выше, — Кара — не подчиненный демон, а дикий, к культуре и цивилизации не приученный. К тому же она несовершеннолетняя. Посему труд в качестве оружия в ее возрасте ограничен, а разврат и насилие и вовсе запрещены, — я несла отборнейшую чушь, которой изумились и ушастая и змей. Последний даже икнул. Пользуясь тем, что они находились в состоянии, близком к шоку и не начали звать санитаров к «этой ненормальной, пока она ещё не буйная», я быстренько закончила свою речь: — Так что берите огрызки сабли. Я свою часть уговора считаю выполненной!

— Хитра и изворотлива, как нас-с-стоящая черная ведьма... — только и протянул спустя пару ударов сердца виувир. — Прямо такая, каких совсем не любит наш нынешний ректор, лэр Анар. А я не люблю его... Так что от меня тебе, малышка, подарок. Ровно на два удара колокола я забираю на себя хвост от твоей сломанной печати...

И он проскользил вокруг меня, заключив в кольцо.

Почему ректор не любит ведьм, спросить не успела: змей, словно в издевку, оскалился и начал таять в воздухе. Зато я поняла, кого искать, и пошла туда, где водятся пугливые на черных ведьм ректоры. Правда, перед этим я запихнула пушистую обратно в чемодан. Не сказать, что это удалось мне без усилий. Кара отчаянно упиралась всеми лапами и протестовала. Даже процитировала мне меня же, заявив, что она не совсем несовершеннолетняя, юная, и вообще! Это насилие над личностью — запирает ее в зловонном деревянном ящике.

В чемодан Кара согласилась вернуться только при условии, что я выкину из ее временной обители алхимическое оружие массового поражения, именуемое в народе «носском мужским, полудырявым, частично грязным».

Спустя четверть удара колокола я стояла в кабинете ректора и была занята весьма важным делом: доводила лэра Анара до белого каления. А если проще — бесила.

Правда, ректор оказался крепким орешком, не поддающимся на подкуп, шантаж и проникновенную историю круглого но дюже талантливого сироты с сильным даром. В общем, типичным темным. А что ещё ждать от лэра, на долю которого выпало укрощение буйного нрава нескольких тысяч сильнейших боевых магов в полном расцвете сил и молодецкой дури? — Так что в вашем прошении зачислить вас, юноша, на факультет порубежников, я вынужден отказать, — не моргнув глазом заявил Анар и побарабанил длинными пальцами по столешнице. — Каждый из них поступил сюда, пройдя отбор и доказав, что он достойнейший из достойнейших.

— То есть, лэр Анар, иными словами, никто из них мне добровольно места не уступит? — уточнила я, прищурившись.

— А вы, однако, наглец... — по мне прошлись взглядом от кончиков сапог до головы, задержавшись на лице.

— Всего лишь хочу уточнить, настолько ли хорошо ведется отбор в вашей академии. Вдруг сюда поступил кто-то слабый духом?

— И это говорит мне сопляк, явно хилый телом? — ректор иронично вздернул бровь. На его абсолютно лысом черепе играли солнечные блики. Внушительная фигура явно воина, а не писчего, казалась расслабленно-спокойной. Но я по опыту знала, что нет ничего опаснее, чем подобная невозмутимость.

— И все же, вдруг? — не отступалась я, понимая, что играю с огнем.

— В. Моей. Академии. Слабаков. Нет, — он чеканил каждое слово, а я кожей ощущала, как в солнечный летний день по стенам кабинета пополз иней.

— А если есть? Если я найду хотя бы одного?

— Упрям... Готов поставить на кон свою жизнь?

И взгляд прямой. Глаза в глаза.

— И жизнь, и дар, — я сжала зубы.

У меня в запасе было всего два удара колокола. Это подтвердила и зая, заявив, что сейчас не чувствует на мне следов печати. Да я и сама ощущала, что после того, как виувир обернул вокруг меня кольцо своего тела и исчез, мне стало свободнее, что ли. Легче давался каждый шаг. Словно я сбросила с себя не тяжелую, но длинную мантию, из тех, которые начинаются на твоих плечах, а заканчиваются через пару домов, а то и через половину квартала от тебя. Пока ректор не понял, не учуял сломанной печати, у меня был шанс. А не успею — сдаст лэр Анар бедную Крис с потрохами инквизиции.

И вот едва помянула последнюю, как в дверь настойчиво постучали:

— Господин ректор... — донесся голос секретарши из-за двери.

А ведь я эту гарпию, чтобы попасть в кабинет, специально из приемной выманивала, между прочим. На это ушло два золотых и один адепт, который был не прочь их заработать. В итоге из приемной секретарша вылетела, расправив свои рудиментарные крылья, с криком: «Адепт Вириус, отдайте немедленно приказ!»

Парень, не будь дурак, подналег не на дипломатию уступок, а на собственные ноги. Зато мне путь был расчищен.

И вот теперь вошедшая в кабинет ректора — Вегарда Анара — гарпия узрела меня и осеклась. Ее клюв недовольно щелкнул, и она произнесла:

— ... вот приказ на подпись о зачислении. Все группы сформированы. Свободных мест нет, — и она протянула ректору чуть помятый лист.

Тот самый, который спер мой «наемник». Значит, отвоевала. Интересно, что стало с тем смельчаком. Надеюсь, гарпия его съела. Все же мертвый свидетель лучше живого. А соучастник — тем более. Хотя, судя по кровожадному взгляду этой внушительной дамы с прической из перьев вместо волос на голове, она вполне могла неосознанно помочь мне спрятать концы если не в воду, то в свой желудок...

Да и вообще, от этих гарпий можно всего ожидать. Не птица, не человек, всегда злая и готовая атаковать — в общем, идеальный секретарь, который стоит на страже дверей начальства. От

человека в гарпии было тело. Правда, на спине имелись небольшие крылья. Лицо с такими же глазами, как у людей, а вот вместо привычных рта и носа — загнутый клюв.

— Госпожа Рэм, я, пожалуй, подожду немного. Вечером подпишу, — ректор перевел на меня внимательный взгляд и добавил, обращаясь уже ко мне: — Так что вы поняли, Крисрон, сколько времени у вас в запасе.

Я ничего не ответила. Лишь кивнула.

Ректор дернул кончиком своего чуть острого уха. Вот если бы не эта особенность, я решила бы, что Анар — чистокровный человек. А так... Интересно, кто у него был в роду? Темные эльфы... Хотя нет, скорее тролли. Те как раз часто бывают лысыми. И здоровым, точно буйволы.

— Тогда свободны! — отчеканил ректор.

Я поспешила испариться из его кабинета. А спустя ровно удар колокола на его стол легли два листа. Один — прошение об отчислении. Второй — о зачислении.

Найти слабейшего светлого мне помог ещё один потраченный золотой и темный, чье лицо украшал фингал — презент, полученный явно не на благородной магической дуэли, а в плебейской драке. Правда, последнее выяснилось чуть позже, в ходе разговора с моим «осведомителем».

Уже по тону виувира и реюшему над шпилем светлого крыла парику я поняла, что, несмотря на то, что вроде бы между сынами тьмы и солнца мир и равноправие, на деле все слегка иначе.

Беседа с обладателем фингала по имени Рейзи это только подтвердила.

Особенно яростное противостояние было у младших курсов.

Черные маги недолюбливали светлых за то, что те идут без конкурса, в то время как некроманты и ведьмы в прямом смысле сражаются за право поступить сюда. На самые искренние в мире чувства, то бишь злость и зависть, светлые отчего-то отвечали не с положенным им смирением, а если и подставляли щеку для удара, то при этом за спиной готовили ответный грандиозный магический кукиш своим обидчикам.

В общем, проконсультировали меня с радостью, что на первом курсе есть некто Марм Гарди. У парня был «слабый», со слов Рейзи, дар. Хотя по мне, шесть единиц из десяти — это уже полноценный боевой маг. У моего отца была девятка, и ему прочили будущее великого мага... Когда-то.

Но для темного, у которого была семерка, Гарди являлся слабаком.

— Самое главное — он трус. От трех дуэлей отказался!

— От моей не откажется, — уверенно заявила я, припомнив все, что знала о дуэлях из рассказов отца.

Папа говорил, что противники должны оба быть магами. Стоять друг напротив друга.

Использовать только чары. Вроде было что-то еще... Но я на это махнула рукой. Главное, что победитель признается правым.

— А тебе — то зачем его вызывать? Ты же даже не кадет...

— Этот светлый занял мое место, — я даже почти не солгала. Хотя и узнала имя Гарди вот только что.

— А-а-а... — глубокомысленно протянул Рейзи, тряхнув черными курчавыми, как у барана, волосами.

Спустя пол-удара колокола мы с моим осведомителем, который под предлогом «тебе, Крис, нужен секундант» увязался за мной поглазеть на магический мордобой, поджидали светлого за углом... в уютном и малолюдном месте, где никто не побеспокоит двух магов, ведущих расчёты по долгу чести.

— А как пользоваться магией, что бы атаковать? — небрежно поинтересовалась я у темного.

У Рейзи дернулся фингал, под которым где-то в глубине был основательно заплывший глаз.

— В смысле, пользоваться? — наконец нашелся он. — Ты что не...

— Я решаю проблемы по мере их поступления, — я равнодушно пожала плечами.

Не рассказывать же ему, что отец учил меня как обходить магические ловушки, как снимать защиту с помощью амулетов, как обращаться с артефактами. Но вот управлять силой... До недавнего времени мы думали, что у меня ее нет.

— Какой у тебя хотя бы уровень, чокнутый? — запоздало спросил Рейзи.

— А какой он обычно у пожирателей душ? — невинно спросила я.

Вот если бы я сказала, что болею серой гнилью или моровым поветрием — от меня бы и то так резко не отшатнулись.

— Ты пожиратель? Предупреждать же надо!

Зачем предупреждать и от чего, я спросить не успела. Впереди показался тощий, как щепка, юноша с огненными вихрами. Упрямо поджав губы, он нес перед собой охапку свитков.

— О, а вот и Гарди. Главное, пожиратель, его не убей. Не то, чтобы мне этого конопатого жаль... Но забирать душу у живого мага слегка незаконно.

— Может тогда подскажешь, как ломик наколдовать?

—

Фэйронтро

— заклинание огня. Вкладываешь в его бета — структурную ось, две единицы силы.

Задаешь координаты перемещения объекта! — это он уже проорал на бегу, удирая от меня в кусты.

Ну да, заросли барбариса — лучшая диспозиция для секунданта, не иначе. Оттуда и обзор лучше, и вообще — комфорт и благодать.

Гарди приближался, буравя взглядом брусчатку под ногами.

— Ты случаем не знаешь, как это «вкладываешь в его бета — структурную ось две единицы силы и задаешь координаты перемещения объекта», — поинтересовалась я у своего противника.

— А? — рыжий поднял на меня взгляд янтарных глаз.

Пришлось повторить вопрос.

— В учебнике прочитай. Структурные формулы заклинаний на первых занятиях проходят, — буркнул светлый.

И хотел уже пройти мимо. Но я загородила дорогу. Я шагнула вбок, становясь у него на пути. Он шагнул в другую сторону.

— Как же вы, темные, меня достали! — сквозь зубы прошипел он.

— И еще не так достанем, — радушно заверила я.

— Что тебе надо?

— Узнать, как вливать силу в эту самую бета-структуру.

— Серьезно? — удивился рыжий. Судя по всему, раньше к нему подходили со слегка другими вопросами.

— Абсолютно, — заверила я.

— А потом ты отвяжешься.

— Почти, — уклончиво ответила я.

— Хорошо.

Судя по всему, мне попался до жути миролюбивый светлый. Я бы на его месте уже давно какую-нибудь гадость сделала. А этот начал мне объяснять про то, как разбивается заклинание на структуры, как определяются альфа, бета и гамма ориентиры, как задается направляющая вращения... И самое удивительное, я поняла все с первого раза.

— Жаль, — искренне сказала я.

— Чего? — сморгнул светлый.

— Жаль, что теперь придется вызвать тебя на дуэль.

— А зачем про заклинание тогда спрашивал?

Кажется, Гарди только что вынырнул из омута преподавания и... обиделся! Вот натурально, оскорбился. В его глазах прямо-таки читалось: и ты туда же!

— Просто мне нужно было узнать хотя бы одно боевое заклинание, чтобы было чем драться, — я развела руками.

— Дуэли между кадетами запрещены правилами академии, — заученно произнес Гарди. Взгляд при этом у него был безжизненный, как у куклы.

— А я и не кадет.

— Но вызвать меня на дуэль жаждешь? — уточнил рыжий.

Кусты подозрительно зашуршали, но он не обратил на это никакого внимания. Очень спокойно подошел к стене и ... начал стучать об нее лбом.

— Э-э-э, ты чего? — озадаченно протянула я.

— Может, хоть так мне удастся понять вашу темную долбаную логику! — не прекращая бодать башкой стену, монотонно бубнил Гарди. — Понять эту академию и ... все это.

Я смотрела на чуть сгорбленную спину рыжика. В чем-то Рейзи был прав. Ну какой из Гарди боевой маг? Может, чародей он хороший. Терпеливый. Опять же объясняет отлично...

— Слушай, а ты сам хочешь здесь учиться? — с надеждой спросила я.

Рыжик даже оторвался от своего архиважного занятия погружения в ментальные особенности темных.

— Издеваешься?

— Серьезно, — заверила я.

— То ли ты дурак, то ли садист, то ли...

— Пожиратель душ, которому очень нужно стать кадетом.

— Мне тоже нужно, — на меня посмотрели зло, отчаянно. — Я не могу ослушаться приказа императора. Это мой долг.

— Даже если этот долг сгибает тебя в бараний рог? Ломает? Заставляет отказаться от своей сути?!

— Да что ты знаешь!

Все же я сумела разозлить рыжика. Он повернулся ко мне, бросив на землю свои драгоценные свитки. Сжал кулаки так, что на костяшках заполохал огонь.

— Знаю, — я упрямо мотнула головой. — Знаю, что за свою свободу нужно бороться.

— Я герцог Гарди. Мой род издревле служил императору. И если владыка приказал, что бы я стал порубежником, значит таков мой долг.

— Стать никудышным порубежником или одним из лучших магов-теоретиков? Кто из этих двоих принесет больше пользы?

Рыжий опешил, не веря своим ушам. Угадала! Попала в яблочко с завязанными глазами.

— Откуда знаешь про теоретика? — потрясенно спросил Гарди.

— Не знаю. Просто ты хорошо объясняешь. Вот я и подума...

— Думай так и дальше, — отрезал Гарди. Ярость у него схлынула, он взял под контроль свою силу. — И иди отсюда.

— Все-таки придется вызвать тебя на дуэль. А ведь мне на миг показалось, что мы сможем договориться... — расстроилась я. — Подожди. Сейчас только твоего секунданта из чемодана достану. А мой уже в кустах сидит, — я полезла за Карой. — И мы начнем.

А светлый... Светлый при виде Кары не захохотал. Заржал! И чего спрашивается? В правилах дуэли вроде не оговорено, как должны выглядеть эти самые секунданты... Или оговорено?

Тем не менее Кару я достала. Она прижала уши и выплюнула остаток сорочки. Так, словно и не жевала ее мгновение назад.

— Ты псих? — отсмеявшись, спросил рыжий.

— Нет. Просто я чту дуэльный кодекс. А вот ты — дурак, добровольно зарывающий свой талант в угоду мнению императора. Мало ли что он приказал?

— Ты говоришь не как дворянин. А как преступник, — Гарди принял характерную позу: ноги чуть в раскорячку, одна рука вытянута раскрытой ладонь вперед, вторая отведена чуть назад, над головой, словно в ней невидимое копье.

— Ой, дура-а-ак... — тихо простонала рядом со мной зайка.

Правда, кого из нас двоих она имела в виду, я не поняла.

А дальше я сделала так, как недавно объяснил мне сам Гарди. Мысленно представила структуру, а потом, чуть прикрыв глаза, словно посмотрела внутрь себя.

Отец не раз говорил об источнике, о том, что каждый маг его чувствует по — своему. У него источник был родником, из которого папа зачерпывал свою силу словно пригоршнями. А у меня... у меня была здоровенная расщелина с клубами черного тумана. Я потянулась к нему, вбирая в себя, направляя, приказывая течь через мое тело в ладони.

Распахнула глаза и увидела Гарди все в той же позе, но его взгляд был полон изумления. В моих руках был не огонь, а первородная тьма, внутри которой бесновалось сжатое дикое пламя.

— Десятка... — замороженно прошептали из кустов барбариса, а затем из колючих зарослей вылез и сам Рейзи. Он крикнул, уже обращаясь к рыжему: — Беги, придурок. Тебя с шестью единицами никакая защита не спасет.

Но рыжий лишь упрямо сжал губы.

— Марм Гарди! Ты признаешь, что занял в академии мое место? — крикнула я, едва удерживая в руках беснующуюся сферу.

— Ни за что, — рыкнул рыжий, выстраивая щит и одновременно второй рукой в воздухе чертя руны.

— Тогда я вызываю тебя на дуэль.

— Пусть кто прав, рассудит поединок, — Рейзи, судя по всему, произнес ритуальную фразу. Я не смогла больше сдерживать сферу, и та полетела в рыжего. Темный оказался прав: щит Гарди мгновенно смяло, руна, наверняка атакующая, была проглочена тьмой. Светлого протащило по брусчатке, потом по газону и впечатало в столб.

Миг — и я увидела, как от его неподвижного тела, которое напоминало сейчас окровавленную тряпичную куклу, отделился дух.

Осознание того, что я совершила, ошпарило внутренности кипятком.

Не помню, как оказалась рядом со светлым. И пусть магом я была никудышным, но как спасать жизни знала отлично. Это в моем ремесле был весьма важный навык.

У рыжего была рассечена кожа на шее и, судя по тому, как била кровь, — повреждена вена.

Так Крис, сосредоточься, у тебя всего несколько мгновений. Надо пережать. Чуть отвела руку.

Указательный и средний пальцы — прямые. Остальные — сжаты в кулак. Ударила точно.

Попала как раз выше повреждения. Кровь перестала бить.

А потом, скорее чутьем, чем осознанно, потянулась к душе.

— Может, не стоит его есть?

Рейзи стоял рядом. Он был бледным, как полотно. Говорить, что жрать душу я и не собиралась, было некогда. Зато я увидела, как ногти на моей руке, той, что тянулась к призрачному светлomu, удлиннились, превратившись в когти с крючьями. И зацепили душу. Та забилась, словно пойманная в силки.

На миг меня окатило желание и вправду ее съесть. Оно родилось изнутри, там, где клубился источник моей силы. «Ты станешь сильнее...» — будто шептала тьма.

Но я стиснула зубы и со злостью запихнула душу обратно в тело. Буквально вбила ее. И тут же сама потеряла сознание.

В себя пришла от звонкой пощечины. Надо мной нависал ректор.

— Может, объяснишь, что тут произошло?

Все та же лужайка. Уже не бледный, а синюшный Рейзи. Чемодана с Карой нигде не было.

— Меня убедили, — прохрипело сбоку, — что быть порубежником — не мое призвание.

Рыжий сидел, прислонившись в столбу. Его глаза были закрыты.

— Интересно... — протянул Анар.

— Знаете. Я только сейчас понял, что жизнь у меня одна. И гробить ее на то, чтобы стать слабым порубежником... Именно слабым — он горько усмехнулся. — Ведь сильным, с моим уровнем дара, мне не быть... Да и не хочу я им становиться. Совсем. — Гарди выдохнул и решительно закончил свою речь вопросом: — Могу я написать заявление об отчислении?

— Пойдешь против приказа? — вскинул брови ректор.

— Зато не против себя, — возразил рыжий.

— Управился в удар колокола, — меня смерили оценивающим взглядом. — К тому же пожиратель душ. Что ж... Свое место ты сумел отвоевать.

ГЛАВА 3

Спустя совсем немного времени мы все были в приемной. Рейзи переминался с ноги на ногу и бледнел. Я писала заявление о зачислении, рыжий — прошение о том, чтобы его исключили по собственному желанию. Перо в моей руке подрагивало, то и дело ставя кляксы. А взгляд нет-нет да и косил на светлого. Точнее, на его шею. На ней сейчас был едва заметный шрам. Все же целители в военной академии свое дело знали.

А мне, наверное, этот самый шрам будет долго сниться. Внутри поселился страх. Я едва не убила Гарди. Нет. Даже не так. Я его убила. И в какой-то момент даже не хотела спасать. Был

слишком велик соблазн взять душу, а с ней и силу рыжего. Миг я колебалась: спасать или отнимать. И вот это было самое страшное.

Я осознала, что значит быть пожирателем: каждый раз бороться с искушением стать сильнее за счет смертей других. Вот почему у темных пожиратели (или уничтожающие души) — это особая каста. Как и порубежники. Последние, борясь с дикими порождениями Мрака, вырвавшимся в наш мир, могли выжечь вместе с тем же гааком целую деревню. И Темный владыка не упрекнет такого порубежника гибелью нескольких сотен простых темных. Ведь главное — остановить демона, который может сожрать не только маленький поселок, но и целый городок. Оттого порубежников не любил простой люд. Не любил, но уважал.

А вот пожирателей ненавидели все. А боялись ещё больше. С силой магов, способных выпить душу, приходилось считаться. Один лишь закон ограничивал пожирателей: не забирать дух из живого тела. И то, как я поняла из рассказов отца, не всегда.

Но вот о чем я не думала никогда — что стану одной из тех, кто способен уничтожить душу. И от этого было страшно: что если однажды я не удержусь и вместо того, чтобы спасти...

Нет! Я должна найти выход. Научится контролировать себя. Сдерживать свою магию...

Заявления, едва мы с Гарди их написали, тут же отправились на стол ректора. Анар прочел сначала одно, потом второе, хмыкнул себе под нос: «Нельзя было доверять набор Хагунгру...

Опять слабые духом попались. Хорошо, что хотя бы в этом году без девок обошлось...»

Я независимо посмотрела в окно.

Поняв, что список поступивших придется переписывать заново, гарпия зыркнула на нас так, что мне невольно захотелось пощупать макушку: не задымилась ли.

— Так, кадеты. И не кадеты тоже, — нас одарили оценивающим взглядом. — Если вы утверждали, что на территории академии произошла дуэль, то у меня вопрос: где второй секундант?

— Удрал, — сглотнул Рейзи, который мог дать самый внятный ответ на этот вопрос.

— Удрал?

— Да, — упрямо сжал кулаки темный. На его висках выступил пот. — В кусты. И чемодан с собой прихватил.

У меня создалось ощущение, что ректор пытается прочитать его мысли.

— Не врешь... — выдохнул Анар. — И как же зовут того труса?

— Не знаю.

Ректор перевел взгляд на меня.

— Я прибыл сюда лишь с чемоданом. Все люди, которые могли бы быть моими секундантами

— в стенах академии. А здесь у меня из знакомых лишь вы, магистр Анар, Рейзи, Гарди и... как же его... А, Натан.

— Натан?

— Да, вроде бы так его звали. Он помог мне обезвредить вашу секретаршу...

На миг мне показалось, что ректор усмехнулся. Нет, выражение его лица осталось прежним. Но на краткое мгновение мне почудился в его глазах хитрый блеск.

— Вы, кадет Каржецкий, виртуозно говорите правду. Надеюсь, в карцере вы будете столь же неподражаемы. Впрочем, как и кадет Ромс.

Рейзи, у которого оказалась столь звучная фамилия, вздохнул.

— Трое суток за дуэль, — отрезал ректор. — А вот вас, Гарди, я наказать уже не в праве. Вы ведь уже не кадет. И вам повезло, что все произошло до присяги. Случись все несколькими днями позже, я бы не смог так просто вас отчислить.

Он взмахнул рукой, и от ткани форменной куртки рыжего отделился значок. Он взмыл в воздух, на миг завис между мной и Гарди и...намертво прицепился к лацкану моего пиджака.

— Господин ректор, а как же присяга? Если кадет во время нее будет в карцере... — пробормотала секретарь, протягивая Анару новый список.

— Присяга... Что же, пусть Крисрон произнесет слова обета сейчас. Здесь, у меня в кабинете! И идет отбывать наказание вместе с Рейзи.

Ректор подошел к сейфу, загородив тот своей широкой спиной, совершил несколько движений и открыл тяжелую дверцу. А потом извлек на свет странный предмет.

Не компас, не часы. Несколько стрелок и циферблатов. Но от этой небольшой штуковины исходила такая мощь, что захотелось убраться куда-нибудь подальше.

— Завтра вечером мне уже нужно будет отправить артефакт Мрака во дворец. А выпускать вас из карцера раньше срока — против моих правил. Поэтому, Крисрон, положите руку на артефакт и повторяйте за мной.

Я говорила слова клятвы и чувствовала, как во мне что — то меняется. Ломается. Сжигается. Переплавляется. А потом увидела, что от того места, где я стояла, начали расходиться, шириться круги. Один за другим. Красный, как печать отца, белый, того оттенка, что были заклинания у светлого Гарди, и, наконец, черный.

— Занятно... — только и протянул ректор, забирая у меня артефакт.

Я не решилась спросить, что же такого «занятого» Анар увидел. Зато едва моя «экстренная» присяга завершилась, в кабинет тут же явился кто-то из старшекурсников и повел нас с Рейзи в подвал. Итак, моя учеба в академии началась с карцера. Интересно, что ждет меня дальше? Нас вели по темному узкому коридору, который больше напоминал прогрызенный в камне гигантским червяком тоннель: без окон, с чуть округлыми неровными стенами и таким же округлым неровным потолком. Лишь магические светильники, которые через равные расстояния были развешаны над нашими головами, освещали дорогу.

— Ну, вот и пришли, — усмехнулся старшекурсник и протянул руку, отпирая засов.

Странно, что железо не заскрипело. Да и петли на тяжелой двери оказались смазанными. Видимо, карцер был местом популярным.

Рейзи оказался в камере первым. А потом и меня препроводили в персональные покои. Я шагнула в каменный мешок, и дверь за моей спиной тут же захлопнулась. Лязгнул замок. Что ж, все могло быть намного хуже. А так... главного я добились: избавилась от печати. И теперь могу выспаться.

Зевок вырвался изо рта помимо воли. У стены валялась куча прелой соломы. Судя по всему — кровать. В углу стоял ночной горшок. Интерьер был украшен настенной живописью, а о чистоте воздуха и свете заботилось оконце под самым потолком, столь маленькое, что через него едва бы пролезла моя голова. Но все равно оно было забрано решеткой. Видно, проштрафившиеся кадеты все же как — то да через него утекали.

Я опустилась на солому. Полюбуюсь на местное искусство потом. А пока — спать. Но сначала... Я сняла с головы картуз. Волосы рассыпались по плечам. Но мне было не до этого. На затылке, в копне пышной шевелюры спряталась маленькая заколка-птичка. Размером — с четверть мизинца. Вестник. Я поднесла ее к губам и подула, делясь теплом. Универсальный амулет. Простенький и доступный не только магам.

Птичка увеличилась в размерах, отмерла, встряхнулась.

— Передай отцу, что у меня получилось, — шепнула я пичуге и, вытянув руки над собой, поднесла ее к решетке. Вестница напружинила лапки, присела, а затем резко оттолкнулась и сорвалась в полет.

С мыслями о родителях и задремала. И проспала почти сутки. А утро... Оно редко бывает добрым.

Разбудил меня удар колокола. Резкий. Надрывный. Внезапный. Я вскочила, еще не успев толком открыть глаза. Помотала головой, приходя в себя.

Вокруг был сумрак. А еще — туман. Из зарешеченного окошка донеслось:

— Построение. Пробежка. Живо, живо.

Я задрала голову. Глаза уже начали привыкать тому, что вокруг — насыщенная серость, щедро разбавленная тьмой.

В оконце промелькнули чьи — то сапоги. Много сапог. Кадеты спешили. Судя по всему, на это самое построение.

Я потянулась, чувствуя, как за ночь задревенели мышцы. Еще не сильная, терпимая боль, но если вовремя не размять, то будет хуже. К тому же ночь выдалась прохладная. Не хватало еще простыть.

Я заплела косу и начала разминку с приседаний — отжиманий. Потом — прыжки, растяжки. Когда я стояла на одной ноге, прогнувшись в спине и пяткой второй пытаюсь достать до затылка, в решетку поскреблись.

Вздвогнув, я на миг потеряла концентрацию, а за ней — и равновесие. Благо, успела в последний момент выровняться и не упасть.

За решеткой стояла Кара. Промокшая, грязная, растрёпанная, но воинственная зая.

— Ты обещала меня не бросать! — обвиняющее пискнула она и дернула носом.

— Как я могла тебя не бросить, когда ты удрала в кусты. Вместе с чемоданом, кстати...

— Я не удрала! — рассердилась Кара. — Это было стратегическое отступление. И пусть в этом облике даже магу не опознать во мне демона, но все же... — она придирчиво осмотрела меня, и уточнила: — понимаешь?

У меня имелся лишь один вопрос: как перед прыжком ко мне в руки она собралась протаскивать свою упитанную хвостатую попку через прутья? Но Кара протискиваться меж железяк не стала. Она закусила ими. Как пирожными. А потом, прогрызя себе дыру, аккуратно пролезла в нее.

Я подставила ладони, в которые и упал увесистый комок меха. Судя по всему, пушистая ночью сильно нервничала. И сточила изрядно и всего. Я даже боюсь представить, чего именно. Но она весьма потяжелела.

И тут я услышала, как лязгнул засов на соседней двери.

— Завтрак! — зычное эхо полетело по коридору, отражаясь от сен.

Я схватила с пола свой картуз, убрала под него косу. Заю тоже спрятала, задвинув ее в угол за ночной горшок. Не сказать, чтобы Кара этому обрадовалась...

Когда в мою камеру вошел уже немолодой мужчина в форменной одежде, я была примерным проштрафившимся кадетом: безмятежно дрыхла на сене.

Села, нарочито потянувшись, зевнула.

— Вот, смотрю, ничего вас, сорванцов, не берет, — беззлобно пробурчал он, ставя на пол миску с кашей. — Еще, поди, и высался всласть.

Я в ответ хитро улыбнулась.

— Карцер, карцер... Надо было туалеты послать драить, или репу чистить на всю академию. А то бока тут отлеживаешь, на дармовых харчах... — чувствовалось, что он говорил беззлобно, скорее по привычке.

Я и не стала возражать. А чего на правду-то скажешь? К тому же я действительно высалась...

— Плошку в обед заберу и кружку тоже!

Я беззаботно кивнула. Надзиратель ушел, а я с радостью принялась за еду. Ячменная каша оказалась клейкой и пресной, на зубах песком скрипели магические приправы, отвечающие за вкус и аромат. Но то ли они были просрочены, то ли магу, что их составлял, стоило податься не в кулины, а в отравители... И тем не менее у меня к каше был преотличнейший соус, который может сделать изумительно вкусным даже отвратительное блюдо — это голод.

С учетом того, что последний раз я ела сутки назад, мне было глубоко наплевать и на специи, и на то, что еда холодная. Главное — ее можно было съесть. Зая смотрела на меня как-то жалостливо.

— Что, тоже хочешь? — я протянула к ней ложку с варевом.

— Нет, — Кара отшатнулась и спряталась за горшок, из-за которого только — только вылезла. — Просто думаю, может тебе нормальной еды принести...

— Если это будет не сабля, или чей-нибудь ботинок — то я согласна.

Кара ускакала за добычей. А пока она доставала для меня провиант, я успела сначала поперестукиваться, а потом и вовсе поговорить со своим соседом по камере. Оказалось, что в стене между камерами есть местечко, где с каждой стороны один из камней можно аккуратно вынуть. Главное, потом их так же аккуратно втиснуть обратно.

В итоге Рейзи смотрел своим не заплывшим глазом на меня, а я — на него. Правда, отверстие получилось с его стороны чуть больше золотой монеты, а с моей — с добрую ладонь. Но так или иначе, дырка между камерами, проковырянная поколениями кадетов, имелась. И Рейзи, как частый клиент сих апартаментов, о ней был осведомлен.

Узнать у соседа я успела о многом. И о самой академии, и о том, как здесь темные «любят» светлых. Так любят, что если бы не соглашение между императорами, то поубивали бы всех к Бездне.

Ректор, к слову, тоже не питал особого расположения к белым магам, но поскольку Темный Владыка приказал... А вот привечать ведьм и чародеек в академии — такого приказа не было. Чем Анар беззастенчиво и пользовался, стараясь не допускать к отбору магинь. Правда, самые упорные нет — нет да и прорывались. В основном — темные. То ли более упорными были, то ли более независимыми, может, просто в кого-то влюбленными.

— В ректора что ли? — ляпнула я.

За стеной чем-то подавились и закашлялись.

— Ты, главное, ему это не скажи. Он у нас жуткий женоненавистник. Не без причин, правда, — начал трепаться за стеной Рейзи.

— Это как?

Делать было особо нечего, я ждала Кару и скрашивала время, выуживая информацию.

— Так. Он считает, что бабам, пусть и магам, на войне не место. А порубежники — это ведь воины, причем элитные, которые с самыми опасными тварями бездны борются! — в голосе Рейзи послышалась гордость и превосходство.

Мне стало чуточку обидно. Интересно, смог бы этот «элитный» без своей магии добыть саблю из аллурийской стали, протаскив ее под носом у пограничного контроля? Или смог бы нырнуть на запредельную глубину с утеса, уходя от преследователей, и при этом не напороться на острые скалы? Или... Впрочем, вслух я сказала другое:

— И что, если магиня, то в порубежники не берут?

— Берут. И в атакующих магов берут, и в защитников, и в артефакторов боевых амулетов, и в военные летные отряды, если дракон или гарпия. Ну и в порубежники, знамо, тоже берут. Хотя и очень редко, — буркнул Рейзи. За этим его неохотным ответом чувствовалось что — то свое, личное. — Но только самых сильных, хитрых и настойчивых. На моем курсе тоже учится одна... такая. Статия. Стерва редкостная. И зараза. Так что Крис, держись от нее подальше.

— Запал? — догадалась я.

— Да иди ты... — послышалось недовольное в ответ.

Я усмехнулась. Как успела выяснить, мой сосед — с третьего курса. И вроде ему уже стукнуло двадцать лет, но вел он сейчас себя как мальчишка. Хотя если чувства искренние, то мужчины часто ведут себя словно дети. В этом я убедилась, глядя на отца. Да и мама от него в этом плане не отставала, и дурачились они на пару.

— Куда я пойду, тут четыре стены и эта... живопись.

Я мотнула головой на один из шедевров, хоть Рейзи не мог увидеть и оценить прелесть «фрески».

— А, ты же в любимой камере Рига...

— Кого?

— Ригнара. Он, наверное, во всей академии один нормальный светлый.

— Это ещё почему? — мне стало любопытно.

— Потому что сам поступал. Без этого ... императорского назначения. Наравне с нами. Правда, его тогда ректор брать не хотел. Не знаю уж, почему... В общем, запутанная история. Но если что, знай: Риг, он нормальный. Хотя и на всю голову ушибленный, но нормальный.

— А ушибленный-то почему?

— Потому что светлый, — выдал прописную для темных истину Рейзи. — Вот ты — нормальный. Поступил по — темному: пришел, выгрыз свое место зубами у светлого. Еще и в карцер угодил... Погоди, послезавтра выйдешь отсюда героем.

В последних словах темного я сильно усомнилась. А он между тем продолжал:

— Только я не понял... У ректора там, в кабинете... Почему у тебя три круга было? Ты дуал? У тебя две стихии? Когда я присягу принимал, от меня черный круг разошелся. От светлых — белый идет. А от тебя — красный и темный. Мне правда, показалось, что еще белый, но такое только у рода Блеквудов возможно... Но ты явно не из них.

— Не из них, — открестилась я. — И не обзывай меня дауном.

— Дуалом, балда! — развеселился Рейзи. — Это маг, которому сразу две стихии подвластны.

И тут я услышала, как по коридору кто-то идет.

— Шухер! — скомандовал темный, и мы без лишних слов закрыли наше «слуховое окно».

Спустя несколько ударов сердца в мою камеру пожаловал гость. Да такой, что я поняла: рано обрадовалась зачислению.

Ректор вошел без слов. Хмурый. Озадаченный. Глянул на стену, но то ли эпическая картина его не впечатлила, то ли он был занят своими мыслями... Зато я удостоилась пристального внимания.

В тишине было слышно, как где-то капает вода. Кап. Кап. Кап. Капли ударяли размеренно, убийственно-монотонно. Казалось, что их сводящий с ума звук ввинчивается мне в мозг.

— Лэр Стронкер, вот последние двое кадетов, — с этими словами Анар посторонился, пропуская в камеру еще одного гостя. — Остальных вы уже видели. А этих не было на смотре, поскольку отбывают наказание за дуэль.

Мне стоило невероятных усилий не вздрогнуть при виде белого мундира инквизитора. Я медленно подняла взгляд. Передо мной стоял немолодой воин со шрамом, рассекавшим наискосок правую щёку. Он подошел ко мне и, цапнув за подбородок стальной хваткой, заставил задрать голову.

— Кадет? — в меня впился жесткий взгляд.

— Да, — я сглотнула и разозлилась на себя. Да что это я оцепенела, как Кара перед виувиrom. Еще сейчас и мутить начнет.

«Крис, соберись!» — скомандовала себе. Но собраться не получилось. Зато разозлиться... Я ушла от погони. На спине морского дракона пересекла четыре дневных перехода корабля за пару ударов колокола. Избавилась от печати в конце концов! Так что я чиста. А если этот беломундирный вздумает меня схватить — без боя не дамся.

Я сжала челюсти. Руки сами собой начали наливаться силой и тьмой.

— Крисрон, контролируйте свой дар, — голос ректора заставил вздрогнуть и меня, и инквизитора. — А вам, лэр Стронкер, я бы посоветовал не прикасаться к пожирателю душ. Мальчишка ещё не совсем стабилен после дуэли и может нечаянно... вам навредить.

— Мне? — усмехнулся инквизитор и его рот исказился гримасой: шрам, располосовавший щеку сковывал мышцы. Впрочем, руку от моего подбородка он все же убрал.

— Десять единиц из десяти. Абсолютный темный дар при неполной инициации... Так что смотрите сами, с огнем играете... — предостерег гостя Анар.

— Занятные у вас ученики... Один другого интереснее...

— Помнится, пять лет назад я тоже слышал эту фразу. Правда не от вас, а от вашего главы.

— Мессира Бранда? — удивился инквизитор.

Меня же эта фамилия ожгла, словно удар кнута. Черный ворон. Верховный инквизитор.

— Да, он приезжал сюда по личной надобности... И тоже уехал ни с чем.

Это был такой толстый намек, что беломундирный выпрямился, как от пощечины.

— На этот раз у нас есть прямые доказательства. К тому же мы ищем беглого преступника.

— Вы уже говорили. И даже показывали свиток.

Я благоразумно не вмешивалась в этот разговор. А ректор меж тем продолжил:

— А ещё вы утверждали, что беглый преступник немолод, и ему чуть больше сорока. Этот же мальчишка без личины, и ему всего двадцать один. К тому же на нем нет следов взломанной печати... Или есть?

— Нет, — нехотя пробурчал инквизитор и отвернулся.

На этом гости из моей камеры отчалили. Я выдохнула и прислонилась спиной к стене. Сползла. Обхватила колени. Руки мелко дрожали. По вискам тек холодный пот. Экзамен. Внезапный. От которого зависела моя жизнь. И я его прошла.

За соседней стеной дверь ударила о стену. Пробыли ректор с его спутником там недолго, а потом удалились.

Я так и осталась сидеть на полу. Вот теперь точно все. Но избавившись от проблемы печати, я обрела новую: как не стать монстром. И судя по всему, помочь мне в этом могут только те, кто знает о пожирателях гораздо больше меня. Маги. Учителя. И убежать из академии мне враз расхотелось. И дело даже не в принесенной присяге, а в том, что только здесь я смогу обуздать тьму, которая внутри меня.

За своими мыслями не заметила, как в камеру просочилась Кара. Встрепенулась, когда на пол упал кусок сыра, а за ним шмякнулась и зая.

— Ты чего меня не ловишь. Я уже себе все лапы отбила!

— Извини.

Она еще долго ворчала. А я, обдув добычу и отряхнув ее, начала жевать. Есть хотелось зверски. Пока работала челюстями, рассматривала картину, которая красовалась на стене напротив.

Судя по всему, рисовал ее мастер своего дела. Внизу была изображена куча и вылезший из нее в шлеме крот с выражением полного изумления на морде. Очки на «землекопе» сползли на самый кончик носа, а сам он был настолько похож на человека, что даже не просвети меня Рейзи, что крот — карикатура на преподавателя тактики, я бы наверняка догадалась: где-то на свете бродит реальный прототип. Сверху над кротом нависала акула в форме спортивного судьи. При этом она свистела в свисток и показывала карточку нарушителя. Глумливо ухмылялась во все свои два ряда клыков, да и вообще выглядела типичным мордоворотом. Рядом с этой парочкой красовался конь, стоявший на задних копытах. Он был в пальто и курил трубку.

— Занятные, — хмыкнула кроля, разглядывая шедевр вместе со мной.
Нет, на стене было множество и других рисунков. Но этот... впечатлял.
Зая, решив, что ночных приключений с нее хватит, захотела вздремнуть. Потопталась по сему и, зарывшись в него наполовину, легла.
По коридору загрохотало. Оказалось, принесли обед. Я прикрыла Кару сверху пучком соломы. Вошел тот же надзиратель, плюхнул новые миски и забрал старые. После сытного сыра пустая тушеная капуста не казалась мне уже такой питательной и замечательной.
А я сидела. Ждала. Известия от родителей и... ректора. Что-то мне подсказывало, что лэр Анар ко мне придет. Один, уже без инквизитора. И оказалась права. Ну что у меня за чуйка на неприятности? Хотя бы раз ошиблась.
На этот раз дверь открылась бесшумно. Да и шагов по коридору не было слышно. Однако он появился. Уже под вечер, когда даже зарева закатных лучей не было видно.
Присягу первокурсники давали под вечер. С плаца, который хоть и находился от нас далеко, все же долетали отсветы вспышек особенно сильных магов, когда артефакт сжигал их первородные магические меты, меняя на единую для всех: два скрещенных меча — символ боевых магов.
У меня сейчас на плече вместо языков черного пламени красовался такой же знак: два меча.
Правда, пока лишь блеклые контуры. Как объяснил Рейзи, только по окончании академии мета станет полноцветной и дополнится деталями. А пока...
А пока на пороге моей камеры стоял ректор. В руках у него были то ли наручники, то ли магические браслеты.
— Ты ничего не хочешь мне сказать, Крисрон?
— О чем именно?
— Почему тебя искали инквизиторы? Правда при этом утверждали, что тебе больше сорока и ты — беглый преступник, удравший с рудников. Я не выдал тебя этим ищейкам лишь потому, что хочу сначала разобраться сам.
Он говорил, но явно чего-то не договаривал.
— Могу вас заверить, господин ректор, что я не каторжник. К тому же мне до сорока лет ещё бегать и бегать...
— И ведь не врешь, — задумчиво протянул Анар, глянув на перстень, камень которого светился зеленым. — Но мне полуправда не нужна. Ты выкладываешь все здесь и сейчас.
— Тогда поклянись, что вы не нанесете этими знаниями мне вреда, — я упрямо глянула в глаза ректору.
— Нагле-е-ец, — протянул он то ли осуждающе, то ли восхищенно. — Его к стенке приперли, могут размазать, а он ещё условия выдвигает. Ну что же, Крис, знай. Я своих не выдаю. А ты успел дать присягу... К тому же ты темный, а значит — подданный Черного Владыки. И тебя преследует светлая инквизиция, утверждая, что ты уничтожил светлую печать...
И я рассказала. Об отце, о матери. О том, как сломалась печать... Ректор впечатлялся.
А потом все произошло в один миг: Анар приблизился ко мне и, резким движением схватив одно из запястий, защелкнул браслет.
— Вторую руку, — требовательно приказал он.
— Нет!
Я разозлилась. В один миг моя вторая кисть окуталась тьмой. Мгла клубилась, бесновалась, готовая сорваться с кончиков пальцев.
Ударить не успела. То ли ректор был очень опытным, то ли я не столь проворной. А может, мне изменила удача. Но моя сила словно замкнулась на эти бездновы наручники.
Мысль, что меня все же поймали, забилась в мозг, как птица в силках. Поймали и крепко держали за плечи. Стальной хваткой. Такой, что не вырваться.
— Браслеты Дианары. Они измеряют уровень магического дара, — пояснил между тем ректор, неотрывно глядя на мои оковы.
Я ошеломленно опустила взгляд вниз. Первая искра. Вторая. Третья... Десятая.
— Я был прав, предполагая... Едва ты вошел в кабинет, — удовлетворенно заключил ректор. — Десять из десяти... Силен. Даже для пожирателя — силен.
Я, наконец — то, догадалась. Вот она — причина, по которой меня оставили. Десятый уровень дара. Максимальный. Отец говорил, что в империи таких магов не больше пары дюжин. И все они находятся под пристальным контролем императорской службы безопасности. Ведь большая сила — большое искушение. В том числе и искушение пошатнуть трон.

— А если бы у меня была шестерка, как у Гарди? Все бы вышло по-другому?

— Если бы ты сумел его победить с шестью единицами — так же. Академия ценит сильных воинов. Духом, телом и... — мою щуплую фигуру окинули критическим взглядом и добавили: — ... и даром. Тех, кто сумеет стать живым щитом от диких тварей глубин бездны. Как выйдешь из карцера — займешь комнату Гарди. Она в общежитии светлых.

С этими словами ректор снял с меня браслеты и развернулся к выходу. А я только было хотела сказать, что слегка не мальчик... Ноглянула на мрачного Анара и захлопнула рот.

Обрадую его как-нибудь в другой раз.

Уже в дверях ректор, обернувшись, бросил:

— И мой тебе совет, не как ректора, а как мага: будь осторожен. Стронкер не нашел того, кого искал, но мне пришлось пойти на некоторые уступки...

Ночь обрушилась на академию резко и затопила все вокруг. А вместе с ней пришел холод. Кара заявила, что в этом каменном мешке она задрогнет, и потребовала выпустить ее на волю. Я не возражала.

Когда колокол ударил двенадцать раз, ознаменовав полночь, я встретила новый день приседаниями. То ли вчера устала до состояния трупа, то ли погода была потеплее... Но сегодня я мерзла. Основательно.

Это будет трудная ночь, и не все доживут до рассвета. Изрядно покусанный кусок сыра, спрятанный в соломе — так точно. С такими мыслями я вгрызлась в остатки трофея, добытого Карой.

Последующие два дня пролетели, как выпущенный из арбалета болт. Разговаривая с Рейзи через дырку в стене, я узнала много нового и интересного.

Например, о том, что после зимних экзаменов создавались боевые четверки. Причем наставники старались сформировать их так, что бы в каждую входило два темных и два светлых мага. В идеале — с разными направлениями стихий. Но это желательно. А обязательно — чтобы четверка была стабильной, уравновешенной магически.

— Это как? — не поняла я.

— Ну, если у тебя девятка, то и у кого-то из светлых в твоей четверке тоже должна быть девятка, что бы уравновесить. Иначе при построении защитных и атакующих углов перекося будет в твою сторону... — тут из-за стены раздался смехок. Рейзи явно веселился. — Судя по тому, как ты раскатала этого беленького... У тебя потенциал явно не маленький. Могут привесить трех светлых.

Я и вовсе приуныла.

— Хотя об этом рано задумываться. Экзамены ещё через четыре месяца... А пока вас мессир Эйк, тот самый, что в виде акулы намалеван у тебя на стене, будет ставить в пары, тройки... Иногда, чтобы натаскать, проводятся тренировки по атаке и защите, совместные со старшими курсами. Они отрабатывают щиты. Первокурсники — атаку.

— А зачем? Ведь от неумелого мага-первокурсника защититься легко... — не поняла я вывертов преподавательской логики.

— Неумелого, вот именно! Нет ничего опаснее, чем первокурсник, который сам не знает, чем он атакует, — выдал темный.

А у меня создалось ощущение, что он кого — то цитирует. Может этого... акулу?

Кара эти два дня не появлялась. Я даже забеспокоилась, не сожрал ли ее виуви. Хотя это ещё большой вопрос, кто кого там съест. А вот письмо от родителей пришло как раз перед окончанием моего заточения. Пичуга принесла всего несколько слов. Прочитала их и ... лопнула, как мыльный пузырь.

Но я была счастлива: мама и папа сумели сбежать и сейчас на свободе. А это — главное.

Выпустили меня и Рейзи с утра. Темный, пожав руку, бросил: «Бывай!» — и умчался на занятия. Мне же предстояло заселение. А ещё надо было получить форму, учебники, оружие... Но сначала — найти чемодан. Зая, перед тем как удрать на вольные академические просторы, сообщила, что спрятала его в кусты.

Искала я долго. Не будь я потомственной контрабандисткой — не нашла бы ни в жизнь. Но мне нужны были мои документы, деньги и прочие милые сердцу мелочи. К тому же моя торба была зачарованной и выдержала купание в море. И сейчас лежала на дне чемодана.

Добыв свои вещи я направилась к коменданту. Вселяться. Занятия уже начались, и коридоры общежития были пусты. Но я оказалась упорной и отыскала-таки уже немолодого дракона, который, едва я озвучила, что собственно от него хочу, проревел:

— Слушай, кадет, как там тебя... — у него даже чешуйки на скулах проступили.

— Крисрон, — подсказала я разозленному ящеру, который разве что огнем не плевался.

— Крисрон, от тебя тьмой несет за десять локтей. Не стоит так шутить. Или ты на всю голову бесстрашный?

— Нет, не бесстрашный. Просто у меня запоздалая реакция, — я нагло улыбнулась и повторила вопрос: — Так что там с заселением?

— Принесешь бумагу от ректора — выдам ключ.

Пришлось идти к главе академии, а точнее к его секретарше-гарпии. Та недовольно пощелкала клювом, но бумагу настрочила. И даже на подпись к ректору отнесла.

Я решила заодно и форму забрать, пока у меня на руках был официальный документ с автографом Анара. И вот тут вышла вторая заминка. Кладовщик — тихий сутулый, с длинными тощими руками гоблин, который ростом доходил мне едва до пояса — посетовал что у него нет моего размера мужской формы. Ни портов, ни кальсон...

И тут я поняла: вот он, мой звездный час.

— А мужскую и не надо. Я девушка.

Чего я не ожидала, так это бурной реакции кладовщика на мое заявление. Он прижал руку к голове и протяжно застонал:

— Не-е-ет. Опять! За что?

И ушел. Не было его долго. Я уже начала волноваться. Решила пройти за стеллажи с одеждой, куда удалился гоблин.

Нашла его между двух ниш.

— Простите, с вами все порядке? — спросила я, глядя на решительно настроенного карлика.

— Да, в полном, — запыхтел кладовщик.

— Тогда, может, вы слезете со стула и снимите петлю с шеи?

— Нет. Вы меня достали! — с этими словами гоблин оттолкнул ногами табурет.

Я действовала быстро. Все же форма мне нужна была позарез. Потому не стала подбегать с висящему карлику и пытаться удержать его на руках. И вовсе не оттого, что мелкий весил, несмотря на свою субтильную фигуру, изрядно (это я знала по опыту общения с другими гоблинами), и не потому, что он наверняка стал бы отбиваться и брыкаться, что бы ему не мешали умирать. Нет. Просто рядом со мной была ниша. А в ней — акинаки. Заточенные короткие мечи, которые, как выяснилось чуть позже, входят в экипировку кадета.

Я схватила клинок и рубанула по веревке. От души так. Гоблин упал на пол кулем.

Возмущенным, к слову. Закашлялся, схватившись за горло.

— Господин кладовщик, будьте добры мне сначала выдать форму, а потом умирайте дальше на здоровье.

— Что? — судя по тону, гоблин уже передумал умирать.

— Извольте умирать в свободное от работы время. А пока на службе — не филоньте.

— Ну нету у меня формы. Нету! Мужскую ещё найти могу, на пару размеров побольше, а вот бабской... Тьфу! Ректор ведь говорил, что в этом году девок не будет. Я уже вздохнул с облегчением, — бубнил гоблин, снимая с шеи петлю. — Как раз ревизию провел, всю негодную сдал, новой не завезли...

Он брызжал, а я по обрывкам его фраз начала понимать, отчего такая бурная реакция. Дело в том, что все кадеты после присяги были обязаны ходить в форме. А обеспечить их оной — задача кладовщика. Если же тот не справится со своими обязанностями, получит взыскание. И, судя по всему, очень строгое. А с учетом того, что бедного плешивого карлика уже порядком издергали, то... Гоблины же существа нервные, с тонкой душевной организацией. Правда, обычно они в нервическом припадке громят все вокруг и готовы начистить морду даже каменным троллям, а мне уникам попался с манией самоустранения, не иначе.

Кладовщик все бубнил себе под нос, пытаясь найти мне форму. Не скажу, что у него это особо получалось. В итоге я стала обладательницей мужских штанов, что были велики мне на пару размеров. Сапоги, выданные кладовщиком оказались ещё хуже чем те, что были на мне но это не помешало мне взять и казенную обувь. Рубашки увы, и вовсе не нашлось, зато обнаружился колет, который сносно на мне сидел. Хорошо, что для занятий с оружием мечи выдавались всем

одинаковые. Одежда для тренировок — свободные порты и такая же рубаха — болтались на мне, как мешок из-под картошки на палке. Но все же это лучше, чем ничего.

Гоблин дотошно снял с меня мерки и скрипучим недовольным голосом заявил:

— Держи пока это. Через месяц зайдешь. Как раз и сапоги для тебя стачают, и форму сшить должны. А пока ходи так. И не зыркай зенками. Нет у меня размеров на таких задохликов. Тебя же в поединке любой перешибет без магии... Как поступить — то сумела?

— Поспорила, — призналась я нехотя.

— Что сумеешь жениха отхватить здесь, что ли? — хмыкнул гоблин.

Я поперхнулась и закашлялась.

— А что? Знамо, сколько тут у ворот каждый конец седмицы девок стоит? Тю... Гурьба. А самые наглые ещё и поступить нороят. Только наш ректор — мужик толковый. Баб поганой метлой метет. Ведь девка-то мужика слабее... Особливо в открытом бою. А тут воинов учат! — он назидательно поднял крючковатый палец вверх.

Еще один женоненавистник на мою голову.

— И что, неужели магичек среди кадетов нет? — поддела я гоблина.

— Есть, — нехотя признался тот. — Но это такие... Исключения из правила. В смысле, заразы они исключительные! Не всякий опытный порубежник пересилит. Потому их господин Анар и берет в кадеты.

— Значит, я тоже исключение.

— Да тебя перешибить, что плюнуть, — усомнился гоблин.

— Ну... Это часто говорят пожирателям душ. Когда видят их в первый, он же последний раз ... — я изогнула бровь.

Кладовщик нарек понял. Сглотнул и заверил, что форма будет готова через седмицу. Видать, раздумал умирать окончательно.

С формой и чемоданом я направилась в общежитие. Когда комендант узнал, что я девушка, а заселить меня нужно в мужское крыло... Ну хотя бы реакция была не столь бурной, как у гоблина. Он лишь дернул глазом. Глубоко вдохнул. Потом ме-е-едленно, очень медленно выдохнул и уточнил:

— Еще сюрпризы будут?

— Какие? — насторожилась я, вспомнив о Каре, которая усакала на вольные хлеба и сейчас где-то носилась.

— Беременность? Тайный муж? Двойник? Костер инквизиции? — начал он перечислять.

Ух ты! А комендант-то — дракон подкованный. Видимо, всякое в его жизни было, раз он так резво перечислил варианты, до которых еще додуматься не всякий сумеет.

— У вас богатая фантазия, прямо как у сказителя.

— Дознавателя, — поправил дракон.

Да что же такое?! Мне в последнее время прямо-таки неприлично везет на эту братию.

— Могу заверить, что ни один из перечисленных сюрпризов вас не ждет.

— А другие? — комендант оказался на редкость проницательным.

Я решила, что этот дотошный ящер без поживы меня не отпустит, потому придав своему лицу самое невинное выражение, произнесла:

— Еще я немного пожирательница душ...

Дракон отвернулся и процедил что-то сквозь зубы. Видимо, сейчас он боролся с главным врагом каждого человека (и нелюдя тоже) — собственной нервной системой. И судя по тому, что ко мне спустя некоторое время ящер повернулся с абсолютно невозмутимым лицом, он сумел успокоиться. Я бы сказала, что его сразу посетили все четыре вида полной невозмутимости: цветовая, когда все фиолетово, геометрическая, когда все параллельно, музыкальная, когда все по барабану (и по бубну тоже), ну и агрономическая...

— Что же, кадет Каржецкий, — иронично протянул он. — Вот вам ключ. Кстати, у нас нет женского крыла. Только на последнем этаже несколько комнат.

И тут раздался стук.

Комендант раздраженно бросил:

— Да?!

Дверь распахнулась:

— Господин Дронир... — начал было вошедший кадет и замер на полуслове, ошарашено переводя взгляд с меня на дракона, и добавил: — Понял. Зайду попозже.

— Что ты понял, Митиш? А ну вернись! — рыкнул дракон.

Я подавилась смешком. А что ещё мог подумать кадет, увидев меня, вытянувшуюся во фронт? Правильно: дракон распекает какого-то адепта. Так зачем лезть под горячую руку? Правильно, незачем!

Митиш вернулся. Да не просто вернулся. Щелкнул каблуками, вскинул голову и отчеканил, преданно (на мой взгляд — излишне) глядя в глаза:

— Наряд выполнен! Туалет на втором этаже отдраен! Разрешите идти?

— Нет. Не разрешаю.

Лицо русоволосого парня, что так бодро рапортовал о чистоте клозетов, погрузнело. На нем прямо-таки крупными буквами читалось: «Не пронесло». А комендант между тем продолжил:

— Проводите кадета Крисрона на верхний этаж, в одиннадцатую комнату.

— Верхний этаж? Но он же... к тому же он темный!

И такое справедливое возмущение во взоре.

— Выполнять! — рявкнул дракон.

Надо ли говорить, что и меня, и русоволосого буквально сдуло из комнаты. Едва за нашими спинами захлопнулась дверь, как мой провожатый выдохнул, а потом смерил меня неприязненным взглядом.

Я невозмутимо подхватила чемодан, свёрток с формой и, изогнув бровь, предостерегла кадета:

— Вот не зря говорят, что общение с темными противопоказано светлым со слабой нервной системой.

— Ты откуда такой вылез? — без обиняков начал Митиш, в несколько торопливых шагов догоняя меня. — Тебя ведь и обратно туда же утрамбовать могут.

— Это воспринимать как вызов на дуэль? — невозмутимо осведомилась я.

У Митиша дернулся уголок губ.

— Много чести для благородного поединка.

— А... То есть предпочитаешь нападать со спины и устраивать «темную» — все в лучших традициях светлых... — растягивая слова, словно только что познала сакральный смысл бытия, произнесла я.

И буквально услышала, как у кого-то соскребается зубная эмаль.

— Устав почитай, тогда узнаешь, — процедил мой провожатый. — Дуэли запрещены.

— Боишься карцера? — я откровенно наслаждалась, отводя душу.

Вот коменданту хамить было нельзя, а тут... Митиш сам напросился.

Кулак разминулся с моим носом буквально на пядь — успела в последний момент уклониться.

Я резко присела на одной ноге, и пяткой второй точно заехала по вражьему колену.

Митиш охнул и начал падать, теряя равновесие. И надо было именно в этот самый момент начать открываться двери. Не иначе комендант решил проверить, что там за подозрительный шум. Выпрямилась я еще быстрее, чем присела, и успела в последний момент поймать падавшего Митиша за руку.

В итоге перед драконом мы предстали парочкой, крепко держащейся за руки.

— Что здесь происходит? — подозрительно повел носом ящер.

— Дружим, — выдала я.

— Беседуем, — светлый был настроен не столь оптимистично.

— Ну-ну, дружите, — произнес дракон с интонацией «я вам не верю ни на медьку» и захлопнул дверь.

— Надо же... А ты не полный ырка. Что не нажаловался-то?

— А ты этого прямо жаждал? — усмехнулась я, отпуская руку.

Светлый ничего не ответил, но перестал на меня смотреть, как на личного врага, и наконец вспомнил, что он, вообще-то, должен меня проводить.

По лестнице мы поднимались в молчании.

— Слушай, а тебе что понадобилось на женском этаже? — спросил он меня, когда любопытство одержало победу над чувством неприязни. — Форму, что ли, передать кому пришел?

М-да... Далеко этому кадету до дракона. Ой, далеко. У ящера фантазия явно богаче.

— Я здесь буду жить.

Выпученные, как у ночного жирлита, глаза уставились на меня.

— Что-о-о? — вопль тоже был грандиозным.

Я пожала плечами и сняла картуз. Волосы рассыпались по плечам.

А Митиш... У него было такое выражение лица, словно он в полной темноте налетел на фонарный столб.

— Я-то думал, что ты нормальный темный... — выдохнул он.

Вот она какая, мужская логика...

А светлый между тем ткнул пальцем в одну из дверей и, буркнув, что постельное белье в комнате в шкафу, поспешил удалиться.

Я зашла в свою комнату и осмотрелась. Узкое стрельчатое окно, койка, жесткая и ровная (прямо как горбыль), стол, табурет и ниша, благодаря дверке успешно маскирующаяся под шкаф, — все это помещалось в клетушке, которая была длиной четыре шага, а шириной — семь.

Но я и этому была рада. Хотя бы не казарма. Поставила чемодан на пол, форму положила на стол, сметя с него пыль. Интересно, сколько придется ждать?

Как оказалось — недолго.

Я не успела застелить постель, как в окно начал долбиться вестник. Распахнула створки, впуская птицу. Черный ворон буквально выплюнул из клюва послание и с видом «как меня задолбали эти кадеты» возмущенно каркнул и улетел прочь.

Еще не развернув записку, я уже примерно знала ее содержание.

Прочитала и усмехнулась. Оперативно, однако, начальство в курс ввели...

Я шустро переоделась в форму. Вернее, в то, что от нее мне досталось. Оставила свою рубашку, раз уж казенной мне не досталось, нацепила штаны, колет. Всунула ноги в сапоги, которыми разжилась на корабле. Хлябали они изрядно, но к ним я хотя бы притерпелась, в отличие от выданных кладовщиком. Кепку со смехом бросила на кровать и заплела волосы в косу — раз ректору уже доложили, то теперь нет смысла скрывать.

Я спешила по лестнице, когда снизу донеслось:

— Идет...

— А вдруг не он.

— Сказали же, что наверх поселили.

И в тот же миг мою лодыжку обвил ремень кнута. Тело резко дернуло вперед вниз. Я вцепилась в перила в последний момент и лишь чудом не упала.

— Вали темного!

— Из-за него Гарди отчислили!

Слухи всегда распространялись быстрее морового поветрия. И по умам их разносят не только беззубые старухи... Это факт. А вот сейчас, судя по всему, я буду пожинать их плоды. Да, боевой магией в академии пользоваться было нельзя, как меня просветил Рейзи. Но что, например, помешает прижечь мне лицо ладонями, на которых искрится заклинание горячего утюга? Или заморозить в глыбу льда руки-ноги, а потом методично поработать кулаками по печени и почкам?

Эти мысли пронеслись в моей голове в один миг. Зато тело, привыкшее убегать, действовало само: удар сердца — и нога выскользнула из голенища сапога, что был велик. Второй удар — и я с низкого старта припустила вверх по лестнице. Забежала на мужской этаж. Все двери закрыты. Да и искать помощи за ними бессмысленно. Зато в самом конце коридора из распахнутой двери то ли душевой, то ли прачечной валил пар. Туда я и устремилась, по пути потеряв второй сапог.

На середине коридора чутье ударило не хуже хлыста. Обернулась. Как раз вовремя. В меня летел здоровенный пульсар. Огненный шар был такой мощный, что уклониться в сторону не имелось никакой возможности: все равно бы зацепило. Взыла тревожная сирена, оповещающая о злостном нарушении. Но какое мне дело до этой пугалки, если меня сейчас вот-вот поджарят до углей?

— Шарх! — выругалась я, на полном ходу подгибая ноги в коленях.

Тело отклонилось назад, и я упала на спину. К счастью, скорость я набрала приличную, коридор оказался недавно помытым, и пол еще был мокрым. Потому остаток пути я проскользнула на спине, наблюдая, как в пяди от лица, опережая меня, проносится здоровый огненный шар, оставляя после себя черную копоть на стенах с обеих сторон коридора.

Мой впечатляющий забег, превратившийся в заезд, окончился не менее феерично: я ударилась во что-то твердое и мокрое, больно припечатавшись коленом.

А надо мной завис огненный шар. И не просто завис: его удерживала чья-то сильная рука, заставляя бешено вращаться вокруг своей оси.

— Что. Здесь. Происходит? — чеканя каждое слово, произнес полный сдерживаемой злости голос.

Знакомый такой голос. Я ведь его недавно слышала. И примерно с такими же интонациями. Сглотнула, стараясь понять, кому он принадлежит. Признаться, когда ты спиной и согнутыми ногами протираешь пол, а над тобой крутится здоровенный сгусток огня, удерживаемый лишь силой мага, соображать слегка тяжеловато. Глаза слепило. Кожу пекло. Но я все же смогла увидеть сильное мужское запястье, которое было частично в пене. В оной же были широко расставленные для устойчивости ноги. Да и вообще, судя по всему, мужик мылся и выскочил из душевой по тревоге, поскольку на нем не было ничего, кроме пены и полотенца, наспех накинутаго на бедра.

К слову, и затормозила я как раз об ногу этого недомывшегося.

Огненный шар, дико вращаясь, начал уменьшаться, словно его силу пили мелкими глотками. И пульсару это не нравилось.

— Я жду ответа, — злой рык пронесся по этажу.

ГЛАВА 4

И тут в коридоре раздался топот, начали распахиваться двери, а на все общежитие прогремел голос, который я точно ни с чьим уже не спутаю:

— Кадеты Ригнар, Крисрон, Лармор, Нартон, Ролло, Свейн, Тормод — ко мне в кабинет. Немедленно!

Огненный шар наконец исчез, полностью уйдя в ладонь моего нечаянного спасителя, и я наконец смогла увидеть лицо того, в кого врезалась. Несмотря на пелену и неожиданный ракурс, я моментально узнала своего недавнего знакомца: того самого столбоносца, с кем мы не поделили ворота.

— Ты? — изумленно спросил он, словно не веря увиденному.

— Я, — подтвердила очевидное.

В темно-синих глазах полыхнула злость. Похоже, он сильно пожалел, что спас меня. Впрочем, вслух светлый ничего не сказал. И в этот самый момент полотенце решило, что раз опасность миновала, то и его работа по прикрытию завершена. Маг, подхватив наглый кусок ткани, все же выругался сквозь зубы, развернулся и потопал обратно в душевую.

Я поднялась. Резко, как учил отец: чуть высвободив и напружинив ноги, прыжком приведя тело в вертикальное положение. Обернулась.

Пятерка светлых магов стояла в начале коридора. И тут до них начало доходить, что я не только «тот, из-за кого вылетел Гарди».

Спустя четверть удара колокола мы, семеро, стояли в кабинете ректора. Мой нечаянный спаситель уже был не в пене, а вымыт и одет по всей форме. Хоть портрет настенный пиши. Во весь рост. Я смотрела на застегнутый на все пуговицы мундир, на аккуратно зачесанные почти черные от влаги волосы — и завидовала. Не могла не поразиться тому, как шатен быстро привел себя в порядок. Ему хватило всего дюжины ударов сердца, чтобы выйти из душевой при полном параде. Да... Такому таланту перевоплощения у контрабандистов цены бы не было... Зато остальные шестеро, слегка подкопченные, разгоряченные убеганием и преследованием, выглядели не так презентабельно. Я вообще стояла в одном сапоге, потому что второй, оставленный в петле на лестнице, найти не удалось. Ни сапога, ни петли. Как сквозь землю провалились.

Когда я вошла в кабинет Анара, то первое, что услышала:

— Крисрон, неужели так сложно дойти до моего кабинета? Потрудись объяснить, что произошло?!

Когда ректор потребовал объяснений от меня, пятерка нападавших помрачнела. Хотя, казалось бы, куда дальше-то?

Я же решила, что на вопросы стоит отвечать в хронологическом порядке, потому бодро отпартовала, слегка подредактированную мысль коменданта:

— Кадет Крисрон по вашему приказанию прибыла. Разрешите доложить: не беременна, замуж выйти не желаю, готова приступить к учебному процессу немедленно.

Шатен сдержанно хмыкнул. Квнтет моих почитателей закашлялся.

Ректор, по лицу которого стало понятно, что он готов спустить на меня не только всех собак, но и вурдалаков, поджал губы. Но если мнение светлых мне было безразлично, то реакция Анара внушила сдержанный оптимизм. Ректор оказался отчасти дезориентирован. Такого проще увести в сторону от мыслей о самых строгих способах дисциплинарного наказания...

Но увы. Мне попался матерый стратег и тактик, который быстро пришел в себя. Он лишь изогнул бровь, то ли осуждающе, то ли одобрительно.

— Знаете, Крисрон, вы — очередной пример того, что делая добро, всегда стоит помнить: отомстят.

— Вы про то, что я — девушка? — я вскинула голову, глядя прямо в глаза. — Но я никогда вам не лгала. Да, не договаривала. Но не лгала. Если бы вы меня напрямую спросили, то я бы ответила... А то, что не уточнила — так мне нужно было поступить. Любой ценой. И скажите честно, вы бы подписали мое заявление, если бы знали, что я — магиня, а не маг?

— Нет, — разозлился ректор. — Но об этом мы еще поговорим. Позже. А пока ответьте мне, как можно было разгромить целый этаж общежития?!

Вообще-то, разгромила не я. Да и какой это погром?! Так, лишь слегка подкоптили стены и двери. Уж если бы ответственное дело поджога поручили не этим хилым недокадетам, а контрабандистке, то я бы все обставила в лучшем виде... И точно не хуже, чем в том ангаре, который взорвался — это гарантированно.

А вот что сказать ректору... Только я начала мысленно нанизывать слова, как бусины на нить, собирав их в полуправду, которую стоило бы озвучить, как рядом со мной раздалось:

— Господин ректор ...

— А вас я вообще не спрашивал, Ригнар! С вами у меня тоже будет... отдельный разговор. Я скостила глаза в сторону, разглядывая своего спасителя. Вот как его зовут. Риг-нар... Имя захотелось покатасть на языке, как карамельку.

— И все же, — не сдавался светлый. — Из того, что я успел увидеть: это темного... — тут он осекся и исправился: — темную хотели поджечь пульсаром. А она, к ее чести, не стала использовать боевых заклинаний.

«Потому что их не знала. Ну, кроме одного, которым Гарди приложила... Вот только мне, удирая, было малость не до него», — подумала я. И удостоилась столь скептического взгляда ректора, что поняла: мысли Анара были недалеки от моих...

— То есть, Ригнар, вы хотите сказать, что пятеро кадетов второго курса, используя боевое заклинание четвертого уровня, не смогли справиться с одной первокурсницей, которая даже к своему дару не обращалась? — и он тут же обернулся к отважной пятерке светлых и, уже не скрывая злости, уточнил: — Это действительно так?

Слаженное «да» было хоть и не громким, но таким синхронным, будто они готовились. Вот честно, прямо всю ночь репетировали.

— Вам есть что сказать в свое оправдание? — Анар удостоил каждого из пятерки внимательным взглядом. — Лармор? Нартон? Ролло? Свейн? Тормод?

Светлые молчали. Кстати, пятерка отличалась белым оттенком не только магии, но и шевелюры: Ролло и Лармор оказались блондинами (правда, первый был пепельным, а второй — янтарным), Тормод и Нартон — русыми, а Свейн слегка отдавал медью.

— Так... — очень нехорошо начал ректор. — За нарушение дисциплины и устава, применение боевых заклинаний, вам пятерым — по три наряда вне очереди!

Мне показалось, или эти «светлячки» облегченно выдохнули? Но ректор бы не был ректором, если бы не добавил:

— А за плохую организацию диверсионного мероприятия, низкую боевую подготовку, отвратительную разведку и недооценку потенциального противника — на следующей неделе отправитесь в Эйгушские топи. Будете помогать магистру Чоткару в сборе учебных пособий. Там и отработаете слаженные действия команды в условиях, максимально приближенных к боевым, — Анар глянул на побледневшие лица парней и добил: — Ну, или умрете... Вот теперь я поняла, почему Рейзи говорил, что из академии не отчисляют. Здесь несданный практикум — это не отметка в таблице, а целая запись. Запись на могильной плите. Твоей.

Но как говорится, пошел учиться на порубежника, получай по шам, как элитный высокоуровневый маг.

— Господин ректор, — все же не выдержал кто — то из пятерки... Кажется, Лармор — янтарный блондин. — Мы осознаем свою вину и готовы понести наказание. Только ответьте, почему место, которое по распределению должен был занять светлый, вы отдали темной? В голосе светлого звучала затаенная злость. М-да... Как тут все сложно. Но что удивительно: я кожей ощущала, что Лармор не один так считает.

Его молчаливо поддерживали все светлые. И даже Ригнар.

Ректор повернулся медленно. Молча. А затем буквально пригвоздил каждого из нас тяжелым взглядом.

Казалось, сам воздух стал невозможно вязким, плотным, сминающим грудь, жгущим не хуже, чем кислота, кожу.

— Я бы мог за такие мысли, — последнее слово ударило набатом, хотя ректор и не повысил голоса, — отправить вас на верную смерть. За то, что вы посмели усомниться в правильности моих решений. Но я позволю вам убедиться в глубине ваших заблуждений. Поэтому в качестве исключения разрешу одну дуэль. Смертельную. Любой из вас, считающих, что светлых в моей академии притесняют, может сейчас вызвать Крисрон на поединок. Но учтите, в случае проигрыша вы лишитесь не только жизни, но и души. Поскольку отнимать у пожирателя его законную добычу никто, и даже я, не в праве.

Я похолодела. Вовсе не потому, что сейчас меня мог вызвать на бой кто-то из светлых. Нет. Мне стало страшно оттого, что ректор осознанно подводил меня к краю, к обрыву моей личной бездны. Я помнила то искушение выпить душу Гарди... И понимала, что второй раз могу не устоять.

Это было испытание в исконно-темных традициях. Жестокое. С двойной подоплекой. Когда мало не покажется никому.

Пауза затягивалась. Светлые не спешили вызывать на бой не простого мага, а пожирателя душ. По моей же спине тек холодный пот, а пульс стучал в ушах.

— Госп... — нарушил тишину Ригнар.

Ректор хищно улыбнулся и перебил:

— Не ожидал... Не ожидал, что это будете вы.

И тут уже вмешалась я:

— Нет. Я не принимаю....

— Господин Анар, я приношу извинен... — синхронно со мной заговорил Ригнар.

И вот странность, Анар был доволен. Прямо как моя зая, слопава саблю.

— Надеюсь, теперь вы усвоили урок: не стоит недооценивать противника. Что же до причин, по которым кадет Крисрон получила свое место... Вы должны бы уже уяснить, что я выше всего ценю уровень дара, — ректор говорил и смотрел прямо в глаза Ригнару. — И ради этого я могу пойти даже против правил. Поскольку моя задача — выпустить из стен академии сильнейших магов. Тех, кто станет щитом от тварей бездны. А какая масть магии будет при этом у порубежника — мне плевать. Это понятно?

— Так точно! — на этот раз мы все грянули разом.

— Тогда свободны.

Я уже вслед за остальными собиралась выйти, когда услышала:

— Крисрон, оставайтесь.

Что ж, моя личная попытка только началась.

— А теперь поговорим о твоих... недоговорках, — ректор перешел на доходчивое «ты». — Знаешь, Крис, почему я взял тебя в академию, почему не выдал инквизиторам и... почему ты ещё стоишь тут?

— Десятый уровень дара? — полувопросительно ответила я.

— Да. А еще — ты пожиратель. У меня в академии сейчас, не считая тебя, всего один кадет с таким же уровнем... Но десятиуровневых порубежников история знала несколько сотен. Да, они были сильными магами. Но сильнейшими из них становились пожиратели. И таких за восемь тысяч лет было всего трое. Ты можешь стать четвертой...

«Или стать трупом», — он не сказал, но я это отчетливо услышала между строк.

— Поэтому, Крисрон, сегодня было последнее предупреждение. Не потеряй моего доверия. Потому как упавший в моих глазах разбивается насмерть.

— Я вас не подведу, господин Анар, — сглотнула я.

— Постарайся. А теперь — свободна.

Из кабинета я вылетела стрелой. В приемной наткнулась на гарпию-секретаршу, которая шутила в исконно темной манере. Ведь всем известно, что темные и светлые веселятся по — разному: инквизиторы — зажигают, некроманты поднимают людям настроение, шаманы бьют в бубен, а вот гарпия — колола иголки в куклу, которая подозрительно напоминала белочку. Секретарша была так увлечена своим занятием, что даже не удостоила меня своим фирменным надменно-уничижительным взглядом.

Я же поспешила покинуть приемную. А в коридоре меня подкарауливали... светлые. Ну кто бы сомневался!

— Мне ждать продолжения беседы по душам с пульсарами прямо здесь? Или хотя бы за угол отойдем? — невозмутимо осведомилась я.

Признаться, невозмутимой я была только внешне. А внутри... Все кипело, бурлило и бесило. Особенно то, что я была в одном сапоге. В том, который обронила в коридоре, удирая от пульсара.

— Не ждать, — цедя каждое слово, произнес Ригнар. — Не будет. Вылететь отсюда не хочется никому... Поэтому сейчас парни извинятся перед тобой, ты — перед нами, и все мирно разойдутся.

Отважная пятерка стояла, словно набрав в рот воды.

— Так... Я чего — то не поняла? За что я должна извиняться?

— За Гарди! — судя по выражению лица, светлый уже дюжину раз пожалел, что спас меня сегодня. Его кулаки сжались, и по костяшкам начали пробегать маленькие разряды. — Это вы, темные, на всю голову помешанные, и готовы на все, чтобы стать порубежниками. А для нас, светлых, — это обязанность. Честь, — он выплонул это слово со злостью, — от которой нельзя отказаться, иначе опозоришь весь род.

Все же жутко неудобно, когда ты мелкая и не можешь посмотреть на противника сверху вниз. Ну, или хотя бы не задирая головы. А мне попался здоровенный экземпляр светлого мага, которому моя макушка была по плечо.

Я вскинула голову и голосом, в котором теплоты было не больше, чем в заснеженных ледниках Трезубца Смерти, процедила:

— Значит, для светлых ничего не стоит предать себя? Главное, что подумают окружающие...

— Да как ты смеешь! — не выдержал Лармор, перестав изображать немоего. — Гарди...

— Отказался от своего места добровольно, потому что понял, что жизнь у него одна, и ее стоит прожить так, как считает нужным он сам, а не по чьей-то указке. И если до ваших светлых голов не доходит эта простая истина, то мне проще разговаривать с бревном, чем с вами.

Я развернулась. Кончик косы, судя по ощущениям, хлестнул кого-то из светлых по лицу. Но я этого уже не видела. Я была занята архиважным делом: гордо удалялась. А делать это, когда у тебя одна нога обута, а вторая — нет, весьма тяжело.

Направилась я в свою комнату, где вошла в выданные гоблином сапоги. Пусть они были еще больше, чем украденные на корабле, но ходить ведь в чем-то да надо... В них, попеременно слетающих, я дошкандыбала до библиотеки, где получила... только одну книгу. И та — не учебник, а устав.

— Все остальное выдадут на занятиях, — сварливо прошипел наг, поправляя съезжающие с крючковатого носа очки.

Полузмей был в шورتке. Его внушительный хвост уходил куда-то за стеллажи. Зато такому библиотекарю не нужна была стремянка, чтобы добраться до верхних полок. Достаточно было лишь напрячь свое чешуйчатое тело...

Судя по всему, приближалось время обеда. Надо бы было узнать, где столовая. А ещё — где моя группа... Да и расписание занятий не помешало бы хотя бы увидеть.

Я размышляла о том, что последнее наверняка висит на каком-нибудь видном месте, когда прозвенел колокол. Пара мгновений, и двери коридора, по которому я шла, распахнулись.

Хлынула лавина. И вроде никто (хорошо, почти никто) не бежал, но у меня создалось ощущение, бурлящей толпы. Не сказать, чтобы в ней я чувствовала себя неуютно...

Единственное, раньше на меня не пялились столько глаз и с таким явным интересом.

Но тут в толпе я увидела знакомую макушку. Рейзи.

Ужом протиснулась между спинами, растолкала локтями неповоротливых, и встала за спиной темного, который что-то со смехом рассказывал своим друзьям.

— Ну, привет, сосед по карцеру, — я несильно хлопнула его по плечу, заставляя повернуть голову в мою сторону.

— Крис? — надо было видеть изумление в глазах темного. — Ты... девушка?

Я пожала плечами. Мол, что тут такого.

— Бездна меня раздери! Ты — девушка?

Казалось, этот факт был самым невероятным. Даже то, что у меня десять единиц темный воспринял куда как спокойнее. И то, что я пожиратель — тоже.

— Обалдеть. Я тут рассказываю, как один пожиратель в лепешку раскатал светлого и сумел занять его место... А ты оказывается, магиня... Блин, а я тебе ещё не советовал к Сей подкатывать... Да я же тебе там за стенкой столько всего понарасказал...

Стоявшие рядом с темным кадеты загоготали. Видимо, хорошо знали Рейзи и в красках представили, чем он мог со мной поделиться. Я тоже улыбнулась, вспомнив, как он тоном бывалого просвещал меня, как в увольнительной провести время с пользой, и как уболтать симпатичную горожанку на необременительные кроватные приключения.

— Крис, ты раньше сказать не мог...ла? — с какой-то детской обидой произнес Рейзи.

Я пожала плечами. А потом было знакомство с его друзьями. И если светлые жаждали свернуть мне шею, то для темных я была чуть ли не героем: утерла нос этим распределенцам. Зато ни с расписанием, ни со столовой проблем не возникло. Меня охотно просветили о том, где найти и первое и вторую. Правда, когда мы пошли по коридору, то один из чернокнижников, кажется его звали Орс, усмехнулся, дескать, какие у меня симпатичные сапожки. Я тут же ехидно ответила, что если они ему так нравятся, то так и быть, уступлю за золотой... Поносить на день. Темный шутку оценил и поудивлялся, отчего меня, такую умную и предприимчивую, в детстве цыгане не украли. Я ответила, что пытались и не раз. Но потом почему-то всегда возвращали отцу... За такой дружеской перепалкой мы и добрались до столовой.

А потом я узнала, что раз я заняла место Гарди, то и заниматься буду вместо него во второй группе первого курса.

Когда же я увидела свое расписание, то первая мысль у меня была: а тут вообще слышали о таком понятии, как сон?

— Да не бойсь! — оптимистично утешил меня Рейзи. — Всех первоодков так гоняют, чтобы подтянуть. У кого — физическую подготовку, у кого — магическую.

— А светлых — чтобы вправить мозги, — подхватил Орс.

Я удрученно смотрела на расписание. Сегодня после обеда и до шестого удара колокола значилась та самая физическая подготовка на третьем полигоне. Что же. Бегать и прыгать я хотя бы умею. Значит, начнем с малого.

Спустя три удара колокола поняла, что сильно ошибалась, говоря о «малом». Преподаватель, наставник Эйк, был сущей акулой, хотя на первый взгляд показался мне обычным человеком. Он нещадно гонял нас по полигону, заставляя перепрыгивать то через расщелины, внезапно возникающие под ногами, то уворачиваться от ядохрылов, то просто материться сквозь зубы, когда твой сосед рядом, запнувшись, падает на тебя, и вы оба летите лицом в грязь. А у меня еще к тому же жутко хлябали на ногах сапоги. Завтра, наверняка, на ногах будут кровавые мозоли...

Пока мы бегали по полигону, наставник менторским тоном декламировал:

— И запомните, порубежник — это не просто маг. Это тот, кого должны бояться даже демоны Мрака. А пока вы кадеты. А кадета от обычного адепта отличает что? Знания? Подготовка? Нет. Кадета отличает умение быстро и точно реагировать в самых непредсказуемых ситуациях. А ещё — изворотливость, находчивость и отвага. Вы должны уметь просчитывать все, всегда и везде. Уметь выполнять большие объемы умственной и физической работы в сжатые сроки, выживать в любых условиях, питаясь подножным кормом...

Судя по тому, что говорил этот Эйк, кадеты вообще были страшные люди, которым под силу все. А потом я поймала себя на мысли, что такое описание подойдет и для контрабандистов. И даже приободрилась.

Рядом со мной отчаянно пыхтел эльф. Вот натуральный ушастый эльф. Он закусил губу и нарезал со мной один круг за другим, пока вещал наставник.

Правда, половина нашей группы уже хрипела, кто-то держался за бок, кто-то малодушно просил его убить...

А Эйк между тем невозмутимо читал лекцию о кадетах и порубежниках. Закончил он ее словами:

— Но вы пока не кадеты, хоть и дали присягу. Вы пока личинки, опарыши, из которых я воспитаю достойных магов, — потом он глянул на меня, прибежавшую третьей, сплюнул, и добавил: — и магинь. На сегодня все. До завтра.

С этими словами наставник удалился.

А две дюжины полутрупов так и остались лежать на полигоне и хрипеть, как загнанные лошади. Что же, в такой тренировке был один большой плюс: если до нее светлые одноклассники и хотели свернуть мне шею, то сейчас на это у них просто не было сил.

— Акула сегодня просто озверел, — просипел кто-то.

До нас тут же донеслось:

— Я все слышу...

Говорун тут же замолчал. А мне вспомнилась карикатура на стене карцера. А ведь точно, сущая акула, этот Эйк. Сожрет и не заметит...

Впрочем, наставник не вернулся. Да что там, даже не обернулся, но все равно мы струхнули.

Я лежала на голой земле, холодившей спину, и мечтала о телепорте до комнаты в общежитии.

Ноги гудели. Ноги болели. Да и в целом, я только сейчас поняла, что мне срочно нужна инструкция, как не подохнуть в этой академии.

Усилиям воли села. Стащила с ног выданные гоблином новые сапоги, взамен полупотерянной своей пары, и едва не застонала от облегчения. Ну это надо же: сколько удовольствия может доставить просто избавление от предмета униформы...

А вот зрелище меня не порадовало. Пятки и большие пальцы на обеих ногах оказались стерты в кровь, которая проступала через ткань.

Сбоку раздался свист:

— Ого, да тебе к целителям надо, — присвистнул эльф, что всю тренировку бежал то рядом, то чуть обгоняя.

— Угу. Да только до них ещё дойти... — я поморщилась от боли, представив, что сейчас опять нужно будет обуваться.

— Хочешь — помогу, — неожиданно предложил ушастый.

Я с сомнением посмотрела на нечаянную «добрую фею». Ну — ну. Если учесть, что вот только недавно пятеро светлых пытались меня если не убить, то госпитализировать... В общем, верила я однокласснику не больше, чем наперсточнику на базаре.

— Слушай... — замялась я, не зная, как обратиться к парню.

— Эландиэль, — искривив губы в печальной усмешке подсказал эльф, будто уже зная, что я отвечу. — Можно просто Эл.

— Слушай, Эл... Спасибо за предложение, но... я как-нибудь сама.

— Это потому что я эльф? — без обиняков спросил он.

Я чуть не ляпнула «потому что ты — светлый». Но подумала и прикусила язык. Вдруг он и правда хотел если не помочь, то хотя бы не навредить...

— Нет. Это потому что я темная, — честно призналась я и с любопытством спросила: — А при чем здесь твоя раса?

На этот раз ушастый обиделся. Судя по выражению лица — сильно и конкретно. Но я смотрела на него и молчала. Он же буравил меня взглядом, будто пытался добраться до моих мыслей.

Остальные курсанты со стоном поднимались и медленно ползли на кладбище... в смысле, к себе в общежитие. Но выглядело это так, словно они мечтали накрыться белой простышкой и по — пластунски двинуться к погосту, пока их не отловили и не заставили ещё раз преодолеть полосу препятствий. Хотя, маневр не пройдет, поскольку наш Акула — некромант, так что даже посмертие не избавит от тренировок. Вплоть до самого выпуска. Так и будем бегать скелетами по полю, греметь костями...

— Ты и вправду не в курсе?

Тут я вспомнила, как нет-нет да и косились на ушастого светлые. Впрочем, темные тоже усмехались, но в адрес уже всех имперцев, особо не выделяя Эла.

— Просвети — и буду, — я задрала голову вверх, разглядывая и серое небо, готовящееся расплескаться дождем, и эльфа, поднявшегося с земли и собравшегося уходить.

— Тогда правда за правду, — он усмехнулся и, отряхнув руки от земли, протянул мне ладонь:
— Я рассказываю о себе, а ты — о себе.

Я подумала, что в принципе ничего не теряю, ведь в этой сделке была отличная лазейка: хоть и нужно было рассказывать только правду, но не всю же... и не обязательно по порядку.

— Идет, — я пожала руку ушастому.

И не прогадала. Рассказ Эла вышел весьма познавательным. А пока он посвящал меня в особенности межрасовой политики, все же залечил мне ногу. Хотя на последнее я согласия не давала. Но ушастый заявил, что вид кровавых мозолей оскорбляет его эстетический вкус и тонкую душевную организацию. Хотя, как я убедилась позже, этой его ранимой психикой можно было свои забивать. Причем в гранит.

Но то чуть позже, а пока со слов Эла выходило, что в светлых землях не все так прекрасно, как пытались описать печатники новостных листков. Мы, жители южного порта на окраине империи, знали гораздо больше о том, как идут дела на островах Шим Вуй или в свободных землях, да даже в тех же степях, чем в столице.

А выходило интересно. Некогда в борьбе с темными светлые маги разных рас объединились. Сначала это был союз земель, потом — целая империя. Но спустя тысячу лет очередной правитель эльфийских земель решил, что полная независимость — это не только модно, прогрессивно и современно, но и денежно. Ведь не нужно будет платить налоги в императорскую казну. Да и вообще, когда это перворожденные подчинялись презренным людям?

В общем, мало этого эльфийского владыку в детстве ремнем пороли, вот и возгордился.

Ну нет бы ему, как тем же гномам, экономику подтягивать. К слову, подгорный народ, проведя хитрые расчёты и сопоставив продолжительность жизни людей, драконов, эльфов и прочих рас, разработал такую систему кредитования и ссуд, что сейчас «гном» был едва ли не синонимом «богача». И эти полурослики ни о каком суверенитете не помышляли и лишь посмеивались над гордецами-эльфами.

Драконы же, со своими долинами, были и вовсе государством в государстве. Впрочем, ящеры вели столь мудрую политику, что их земли ныне облагались смехотворными налогами, и об отделении речи не шло.

Леса дриад, по слухам, вообще были на имперских дотациях... А вот эльфам в составе империи не сиделось. Вернее, простых остроухих все устраивало, а вот их правителя, принявшего ясеневого венца из рук предыдущего владыки, не очень. Потому он выставил светлейшему императору ультиматум: или признание независимости эльфийских земель, или...

Войны не случилось. Потому как правитель перворожденных все же осознал: эльфы хоть и сильнее, и мудрее и вообще — светлейшие, и круче драконов, но... людей банально больше. И размножаются они быстрее перворожденных. А ресурсов у эльфов не так уж и много. Так что решительное форсирование приведет лишь к тому, что протест остроухих подавят и обложат земли ещё большими налогами, что бы впредь не повадно было восставать.

Но эльфы не были бы эльфами, если бы не решили добиться своего иным способом. В ход пошли интриги и борьба за умы. Расчёт был прост: чтобы люди сами захотели отделиться от пресветлых. И все бы ничего. Но оказалось, что за тысячу лет многие остроухие покинули исконные земли и расселились по империи. В том числе и родители Эла. А когда двадцать лет назад тщательно разжигаемая вражда вспыхнула ярким пламенем, то мой новый знакомый на своей шкуре почувствовал, что значит быть нежеланной персоной в высшем свете. Его семья начала стремительно беднеть: люди отказывались заключать сделки с его отцом, лишь увидев острые уши.

Подозреваю, что и в землях эльфов происходило то же самое, но уже с человеческими торговцами.

— Так ты попал в академию, потому что твоя семья обеднела? — шевеля полностью зажившей ногой уточнила я.

— Нет, — огорошил меня Эл, — Здесь я очутился от большой любви.

— От любви (причем ее размер не важен: большая, маленькая) обычно дети появляются... — я усмехнулась.

— Да что ты понимаешь. Дети-дети... В любви главное — чтоб без брака, — Эл озорно улыбнулся. — Хотя отец Люсинды уверял меня в обратном. И я тебе скажу, убедительно так у него получалось. Может потому, что в это самое время он приставил к моему горлу меч.

Солнце, на миг выглянувшее в рваный просвет между туч, заиграло в его серебристых волосах, и я поймала себя на мысли: а хорош, бездна его раздери, этот ушастый. Несмотря на утонченность, его красота не была жеманной, напускной. Мне даже на миг показалось, что чуть заостренные черты лица — это отличная личина мягкого юноши. Но, стать, такой вряд ли смог бы выдержать здесь. Хотя... Если вспомнить Гарди...

— Меч к горлу — это, конечно, весьма убедительный аргумент. Другой вопрос: как ты напоролся на такую интересную лекцию?

— Как и большинство парней: через окно женской спальни. Люсинда была девушкой хорошей. Я — ещё лучше. И у нас случилась удивительная ночь...

— Ты рассказываешь это таким тоном, будто себя рекламируешь, — я невольно хихикнула.

— Как ты могла подумать!

Эл возмутился столь искренне, что я поняла: нагло врет. И причем столь виртуозно, что сразу становилось понятно: этот перворожденный живет среди людей очень давно. Потому что сородичей у него была разве что внешность, а вот манера общения — исключительно человеческая. А не как водится у этих остроухих, когда от каждого сказанного ими слова вымораживает ветром, который дует с вершин эльфийской надменности.

А мой лекарь между тем продолжил:

— В общем, у меня рано утром был отец Люсинды и ультиматум: либо я буду мертвым (а, к слову, перерезанное горло мне не идет, да и с моим гардеробом плохо сочетается), либо я женюсь на его опороченной дочери. Я, правда, не стал тогда возражать отцу Люси, что я был не первым, кто порочил его невинный цветочек, и, подозреваю, далеко не последним... В общем, мне пришлось согласиться.

— Но свадьба так и не состоялась? — я начала натягивать на ноги сапоги: все же вечерело, и пора было идти на ужин и к себе в комнату.

— Увы, — печально выдохнул эльф.

— Паяц, — хмыкнула я, пытаясь встать.

Эл протянул мне руку, помогая подняться.

— Не без этого. Тем и нравлюсь девушкам...

— К тому же скромняга... — усмехнулась я.

— У меня ещё есть много достоинств.

— Только мне их все не показывай! Договорились? — я, смеясь, тут же отреклась от сомнительной чести.

Эл прищурился, а я подумала: вот так, шутка за шуткой и рождается дружба. Ведь чувство юмора объединяет людей гораздо лучше, чем политические взгляды или раса.

— И ты права, моя пифия, свадьба не состоялась. Мне повезло: пришел приказ императора.

Правда, вестник отчего-то слегка запоздал в дороге... Но главное — мне надлежало немедленно прибыть в магическую военную академию объединённых земель. А сама же знаешь — курсанты до выпуска не имеют права жениться, впрочем, как и после... Ну разве я мог послушаться воли Владыки?

— Полагаю, что ты был самым радостным светлым, который поступил в академию?

— И самым последним, — усмехнулся Эл.

Мы незаметно дошли до столовой, грязные после полигона и голодные, как целая стая саранчи. Но вот на ужин нас ждало блюдо пустой пшеничной каши.

Я поставила перед собой миску с липкой массой и чашку с травяным взваром. Эл сел напротив меня.

— Здесь всегда на ужин так кормят? — расстроилась я.

— До сегодняшнего дня — нет. Да, еда простая, но вкусная и сытная.... — судя по тону, ушастый был изрядно удивлен.

— Ну, значит, сегодня из всего перечисленного осталась только простая. А вкусная и сытная — закончилась.

Но тут из кухни раздался истеричный мужской голос:

— Ну нечем мне кашу заправлять. Нету масла, совсем нету. Украл кто-то.

— Так разберитесь и найдите этого кого-то! — грянуло в ответ.

Дверь кухни распахнулась и из нее решительной походкой вышел Анар, злой, как все демоны Бездны.

Мы все притихли. Даже ложки о тарелки стучать перестали.

За ректором семенил, заламывая руки, упитанный коротышка, в котором я с трудом узнала... вампира. Хотя, если рассудить с точки зрения хищения продуктов, коим грешат некоторые повара, то сын полуночи — идеальный вариант. Ведь клыкастые ели до неприличия мало (особенно если сравнить с теми же троллями). Вампиры больше по питью специализировались. — Господин ректор, — между тем причитал повар. — Я найду, непременно найду вора! Ночью у склада буде дежурить, глаз не сомкну...

— Лучше сделайте так, что бы каша была кашей, а не крупой на воде, — отчеканил Анар и вышел из столовой.

Хлопнула входная дверь. Портрет императора, висевшей на одной из стен покачнулся. Потом словно задумался, а не мало ли, и... упал на пол в абсолютной тишине.

Повар вздрогнул, а затем обвел столовую злым подозрительным взглядом красных глаз:

— Я знаю, что это сделал кто-то из вас. И когда я тебя, найду, гадёныш, то пушу на гуляш!

Кто-то из кадетов закашлялся, видимо, вспомнив съеденное.

Я машинально повернула голову и поняла: не кадет, а молодая магиня в лекторской мантии.

Она сидела, чуть скрытая колонной, в абсолютно пустой зоне для преподавателей, оттого повар ее сразу не увидел. А когда клыкастый понял, что его пламенную речь услышали не только адепты, покраснел до корней волос, и поспешил удалиться.

А я глянула в миску с кашей и, кажется, поняла, кого мне стоит благодарить за постный ужин.

Распровавшись с Элом на лестнице общежития, я пошла на верхний этаж. Надо бы было сходить в умывальню, постирать грязную форму, в которой я сегодня вспахала весь полигон, и наконец лечь спать. Завтра меня ожидал напряженный день.

Этаж был на удивление пуст и тих. А вот перед моей дверью стоял он: потерянный сапог, в который был воткнут букет из маков.

К сапогу я отнеслась подозрительно. К цветам — тем паче. К тому же они стояли на удивление бодро, не пожухли... Может, на них проклятие висит? Или ещё какая пакость. Да банально — блох в сапог подкинули. Или клещей... Ведь добру, в смысле светлым, не обязательно быть с кулаками. Есть и другие виды оружия. Например, тактическая хитрость.

А с другой стороны — та пара сапог, которой я разжилась на корабле, была гораздо удобней, чем выданные кладовщиком. В итоге я открыла дверь, перешагнув через импровизированную вазу, а потом, аккуратно прихватив сапог краешком полотенца, что бы не дотрагиваться голыми руками, затащила его в комнату.

Приставила подношение рядом с собратом. Смотрелись они симпатично. Особенно правый. Тот что с маками.

Время было уже позднее, но не настолько, что бы не решить два насущных вопроса. Помыться и ... протестировать сапог. Причем последнее желательно не на себе.

С первым пунктом плана справилась быстро: душевая была свободной. А вот со вторым... У меня был десятый уровень дара, но на кой он мне, если даже не могу увидеть, есть ли какой магический «сюрприз» в обычном сапоге.

Эх, раз уж расписываться в собственной несостоятельности, то хотя бы перед тем, кто к тебе очень враждебно настроен. В общежитие темных нужно было идти через двор, а вот Эл... Он обмолвился, что живет на третьем этаже, то ли в седьмой, то ли в семнадцатой комнате.

Что ж, была — не была. Я напялила свою самую милую улыбку на лицо и отправилась в гости.

Эл обнаружился в двадцать седьмой комнате. Правда перед этим...

Хозяин семнадцатой, заспанный и злой, ещё не открыв дверь, тут же кинул в меня благословением. Не попал. Видимо, его до этого момента доставали исключительно парни. А может, у засони оказалось заготовлено только одно, универсально — базовое светлословие:

— Благословляю стать тебя столь богатым, что бы следующему мужу твоей вдовы не пришлось думать о том, на что жить, — выпалил он одним махом и только тут, проморгавшись, разглядел кому он это пожелал.

— Учту. Жениться не буду, — тут же ответила я и поспешила извиниться: — Прощу прощения, промашечка вышла, спите дальше.

— Я не сплю, я линяю, — невеста зачем начал оправдываться кадет.

Я пригляделась. И вправду у него были клыки, а на щеках проступали клоки шерсти. Запоздало вспомнилось, что сегодня полнолуние... Извинилась еще раз, контрольный. Так, на всякий случай. Перед нервным оборотнем сей ритуал никогда не лишний. А затем поспешила ретироваться.

Дверь за моей спиной закрылась спустя несколько мгновений. Я выдохнула, когда спину перестал сверлить взгляд перевертыша.

Но судя по всему ко мне невезение сейчас не просто пришло в гости, а прямо набросилось из — за угла. Коварно и решительно. Иначе чем объяснить, что обитатель семнадцатой комнаты, увидев меня на пороге, заскрипел зубами, прошипев не хуже змеи: «Опять ты?» Правда, в этот раз он был абсолютно одет. Я подтвердила, что таки да, опять я, но совершенно нечаянно и по ошибке.

Резко схватила ручку, чтобы самой захлопнуть дверь. С учетом того, что хозяин комнаты держал ее с другой стороны, задуманное не получилось. Я с таки же успехом могла взять на буксир горы водораздельного хребта.

— Что тебе нужно?

— Я Эландриэля ищу. Случайно дверью ошиблась.

— А ты зря времени не теряешь, — искривил уголки губ Ригнар.

— Как и ты. На шее симпатичный засос... — язвительно усмехнулась я.

Светлый машинально потянулся рукой к кадыку и, не доведя ладони до горла, видимо, сообразил, что отметины страсти там быть не должно.

Я не сдержала широкой улыбки. Теперь уже у светлого от злости закаменело лицо.

— Эльф в двадцать седьмой комнате, — отчеканил Ригнар.

— Благодарю, — я склонила голову на светской манер.

Еще немного учтивее — и будет откровенная издевка, а так... Ну воспитанная я, да...

Светлый же сегодня бременем этикета не страдал: дверь оглушительно захлопнулась перед моим лицом, едва не щелкнув по носу.

Наконец, с третьей попытки на пороге я увидела Эла с мокрой головой, в одних штанах и босиком.

— Ты мне нужен. Пошли в мою комнату. Тестировать сапог.

Эльф, не ожидавший меня столь скоро, да ещё с таким предложением, переспросил:

— Делать что?

Мда, судя по всему, такого предложения в практике ушастого ловеласа еще не было.

— Проверять сапог на наличие проклятий, — пояснила я Элу.

Он посмотрел на меня, как на заслуженную и почетную обительницу дома скорби.

— Крис, я понимаю, что темным плохо дается целительство, но чтобы ведьма не могла распознать, наложено ли на вещь проклятие, и просила сделать это светлого...

— Проблема в том, что я — не ведьма. Но если... — заговорила я, но поняв, что идея была дурацкой, сама себя оборвала на полуслове: — Впрочем, извини.

И развернулась, чтобы уйти. Но эльф, то ли из благородства, то ли из любопытства, бросил многообещающее:

— Подожди, я сейчас!

Метнулся за чем-то в комнату и спустя несколько мгновений уже стоял в коридоре, поправляя ворот рубашки, в которую только что занырнул. На ногах эльфа красовались тапочки. И хотя цвет оных был вполне себе брутальным — насыщенно — синим, я не смогла сдержать улыбки. Пушистые помпончики умиляли.

— Это подарок, — предостерегающе прищурился Эл.

— Люсинды? — я из последних сил старалась не расхохотаться.

— Нет, Бальтазары. Она была очень заботливой. И переживала, как бы я не простудился.

— Ну вот, хорошая же девушка была, чего тебе ее не любилось-то?

— Слишком заботливая... Она еще беспокоилась, чтобы я не только не ходил налево, но даже не смотрел в ту сторону...

— М-да, видимо, в твоём перечне женских благодетелей это серьезный недостаток.

— Скорее слишком утомительный. Но зато тапочки очень удобные, — предпочел сменить щекотливую тему эльф и тем выдал себя с головой.

К тому же сказал он последнюю фразу с такой теплотой, что я поняла: думает он сейчас отнюдь не об обуви, а о той, кто их подарил. Неужели и ловеласы иногда сожалеют о расставаниях? Впрочем, это не мое дело. Мое — сапог, над которым эльф долго колдовал во всех смыслах этого слова.

— Знаешь, Крис, я ничего не чувствую. Вот совсем. Ну кроме заклинания, которое не дало завясть цветам.

Я осторожно взяла свою обувь. Вынула маки. Повертела в руках. Понюхала. Потрясла и даже перевернула. Пусто.

— Там точно ничего нет? — я никак не могла поверить, что презент без подвоха.

Я бы обязательно какую-нибудь пакость, да сделала. Не смогла бы удержаться.

Меня смерили взглядом из разряда «как ты можешь мне не верить!», и эльфийская нога решительно ринулась в голенище.

— Ну что? — поинтересовалась я, увидев, как лицо Эла перекошило.

— Больно, — выдохнул он.

— Ты же сказал, что там нет магии?

— Но я не сказал, что он мне по размеру. Твоя обувь мне чудовищно жмет! А так — все отлично.

— Снимай. Спасибо, — поблагодарила я стонущего эльфа.

Лицо ушастого, к слову, было полно муки и страданий, словно он не обычный сапог с ноги стащил, а минимум — инквизиторский. Из тех, которые так любят примерять своим жертвам палачи.

— А теперь, пережив эти муки, я просто обязан узнать, как так получилось, что ты, темная, не разбираешься даже в основах магии?

— Потому что я темная меньше седмицы. Во мне дар проснулся совсем недавно.

Глаза Эла стали совершенно круглыми и даже полезли на лоб. Понимая, что от вопросов не отшутиться, я выдала кастрированную и полностью законопослушную версию того, как во мне проснулся темный источник. В отредактированном варианте выходило, что я, едва не угодив в большой костер, так испугалась, что провалилась в бездну. Сразу на двадцатый уровень. Безо всяких пентаграмм.

А когда выбралась в наш мир... Едва отец узнал, что в его семье теперь есть темный маг, то повелел немедленно отправляться в магическую академию, чтобы я научилась управлять даром. Я, как девушка послушная, послушала-послушала, да и поступила по — своему. Отправилась не в столицу темных земель, где светское обучение для ведьм и некромантов, а вдохновленная рассказами родителя о прорыве, решила податься в порубежники.

— Хорошо, что твой отец не повелел тебе срочно выходить замуж. Иначе с твоим подходом к делу и размахом ты бы решила притащить к алтарю императора, — ошеломленно выдохнул эльф.

— Темного или светлого? — уточнила я, незаметно ища рукой, чем бы запустить в этого зубоскала.

— Неразбавленного пенного, — хохотнул ушастый, уворачиваясь от летящей в него подушки.

Увы, если Эл и унаследовал от своих сородичей такую черту, как любопытство, то вот ловкости мама с папой ему не доложили. Ушастый, уходя от обстрела, запнулся и здорово долбанулся лбом о спинку кровати.

— Ой, ё! — совсем не по-высокородному прошипел Эл, присаживаясь на мою скрипящую на все лады постель.

— Давай холодное приложу, а то раздует, — предложила я и напоролась на озорной взгляд ушастого.

— Крис, ты чудо. Причем в перьях. Я же эльф. И вполне сносно владею магией целительства, — и смеющиеся глаза враз посерьезнели: — А вот тебе, если ты не владеешь даже азами магии, придётся очень тяжело. А уж учитывая уровень дара...

Что не так с уровнем дара, ушастый пояснил, пока залечивал свой фингал. Оказалось, что чем сильнее маг, тем он должен быть точнее, аккуратнее со своей силой. И если с теорией мне мог помочь любой преподаватель, то с практикой — лишь тот, кто сможет себя защитить от заклятий девятого уровня. А уж о противостоянии магии пожирателей речи вообще не шло.

— Если ты не сможешь сдать экзамен в конце осени, то тебя отчислят.

— Пошлиот на практику, с которой живыми не возвращаются? — я посмотрела на Эла исподлобья.

— С любой практики можно вернуться, если есть голова и магия при тебе, — сейчас передо мной сидел не балагур и повеса, а воин. — Но согласно уставу академии, при отчислении кадетов, которые уже успели принести присягу, запечатывают дар. Слишком опасно отпускать прикоснувшихся к артефакту Мрака просто так. Но вот выдержать запечатывание дара могут не все. Ты, например, не сможешь.

Кто бы знал, каких усилий мне стоило не вздрогнуть при этих словах.

— При запечатывании источника практически все девятиуровневые умирали. У тебя — десятый. Так что...

— Мда... За вход — золотой. За выход — весь кошелек, — я побарабанила пальцами по подоконнику. Подумать было о чем.

— Крис, я постараюсь тебе помочь, — Эл выпрямился, вставая с кровати. — Ты мне понравилась...

Я нахмурилась, и ушастый поспешил заверить:

— Как маг и как человек. За то, что с первого мгновения не смотрела с презрением. Что ты в чем-то похожа на меня: вроде не совсем чужая, но и не своя... — он выдохнул и продолжил уже спокойнее: — я помогу тебе с теорией. Но практика...

Ушел от меня Эл незадолго до одиннадцатого удара колокола, озадачив списком того, что стоит прочитать по магии в первую очередь. А я... Я осталась наедине со своими мыслями и нехорошими предчувствиями.

В постели вертелась долго, не могла уснуть. Наконец, когда колокол пробил полночь, и я вроде как смежила веки, в окно поскреблись. Проникновенно так, выразительно.

Миг — и я была уже у подоконника. Все же навыки просто так не исчезают. В том числе и молниеносно просыпаться, и двигаться бесшумно. Когда я очутилась у окна, даже занавеска, которой некогда подзакусил с большой голодухи моль, не шевельнулась.

Пригляделась, ожидая увидеть на такой высоте над землей летуна на метле. Как-никак все же последний этаж общежития. Он был хоть и ниже, чем шпиль главной башни академии, но чтобы разбиться в лепешку, случись выпасть из окна, — хватит. Причем после приземления таким способом будет весьма сложно понять даже расу трупа, не говоря об остальном, ибо отбивная получится ну очень качественной.

Но никого не было. Ни на метле, ни просто парящим. Зато имелась отчаянно вонзившая клыки в карниз зая.

Я поспешила открыть окно.

— Фых... Еле до тебя добралась, — выдохнула Кара, усаживая свой упитанный зад на подоконник.

На мои «ты где была?» и «зачем было жрать все масло у повара?» пушистая лишь мечтательно закатила глаза и произнесла:

— Ты ничего не понимаешь... Я влюбилась....

— И что с того?

— И у меня слегка разыгрался аппетит...

— Слушай, а когда твой аппетит пройдет? — меня интересовали проблемы более насущные. Каша без масла все же так себе.

Но вместо ответа Кара выдохнула:

— А какие у него глаза... Какие уши... Я влюбилась в этого эльфа!

Я закашлялась, но Кара и ухом не повела, мечтательно глядя на луну. А я поняла, что если не лягу сейчас спать, то завтра буду почти трупом. И потому, оставив влюбленную медитировать на подоконнике, легла в постель. Что удивительно, в сон провалилась мгновенно. А вот утром меня разбудил не набат, а удар в дверь. Ощутимый такой удар, от которого петли вырвало с корнем. Я успела вскочить с кровати, когда сильные руки схватили меня за рубашку, приподняв от пола так, что даже ступни беспомощно болтались в воздухе.

— Надо было дать им тебя спалить! — раздался злобный рык и меня встряхнули, как кутенка.

ГЛАВА 5

Я была в корне не согласна ни с такой постановкой вопроса, ни с положением... тела. Хотя меня схватили и не за самую шею, а за грудки, но ворот нательной рубашки здорово врезался в горло, мешая дышать.

Ех... Была бы я приличной барышней, Риг отделался бы расцарапанным лицом. Ну, может, парой синяков на ногах. Или куда достали бы мои дрыгающиеся в воздухе ступни. Но светлому не повезло. За моими плечами был многолетний опыт удирания. Да, дралась я не очень, а вот бегать и выворачиваться из захвата...

Пальцы, сведенные и напряженные, пикой ударили в горло светлому, заставив его на миг потерять концентрацию. Кулаком второй руки я саданула по подставившейся челюсти. Хватка ослабла, и, едва мои ноги коснулись пола, я не преминула еще что есть силы врезать пяткой по колену. Противник, увы, попался крепкий, и вместо того, чтобы ожидаемо упасть и взвыть от боли, ринулся на меня, прижимая к окну.

Миг — и я оказалась с заломленной рукой в позе бабки, полющей грядку. Моя щека впечаталась в подоконник, а сверху ещё и светлый навалился. Демонски злой светлый.

Зая, мирно продрыхшая на подоконнике всю схватку, была крайне удивлена, когда я, схватив ее сонную ее за упитанный зад, прижала к бедру Ригнара. Но мне повезло. Кара, то ли спросонья голодная, то ли все же сориентировавшись, чего от нее хотят, сделала коронный «ням!».

А что? В борьбе за свободу все средства хороши, в том числе и клыки. И неважно, свои они или чужие. Главное, чтобы кусь был хорошим.

Риг вздрогнул от боли. Я бы, может, посочувствовала ему, если бы он так не выламывал мне руку. И ведь не отпускал, несмотря ни на что.

Я была в бешенстве. И где это таких непрошибаемых только делают? Любой дознаватель уже бы орал благим матом и разжал руки, а этот лишь отшвырнул Кару в дальний угол комнаты, где она подозрительно затихла.

Локтем свободной руки я наугад двинула назад. Попала. Знать бы еще куда. Судя по тому, как дернулся Риг, — в очень болезненное место.

Я повторила удар с удвоенным рвением и смогла-таки выкрутиться из захвата.

Вот только к двери мне было не прорваться. Но я и от окна сейчас не отказалась бы. Кара ведь как-то сюда залезла. Значит, и я слезть смогу. Наверное.

Не успела вскочить на подоконник, как меня с него резко сдернули, и я полетела на пол головой вниз. Ноги автоматически согнулись в коленях и ... обвили шею наклонившегося светлого.

Риг с таким оригинальным ожерельем в виде меня не успел распрямиться, когда я изо всех сил стиснула бедра и принялась душить его ногами. А что, раз руки у меня до этого паразита коротки, то, как говорится, чем богаты, с тем и в бой.

Светлый отчего-то был решительно против умирать. Захрипел. Попятился и... запнулся об собственноручно выбитую дверь. Упали мы вместе.

Причем, приложились знатно. Оба. Хотя мне относительно повезло, я оказалась сверху. Правда, ненадолго. Меня тут же подмяло под себя тяжелое накачанное тело. Безднов светлый! Да ему никакой магии не надо, чтобы отправить меня к праотцам.

Горло схватила рука, и силпый после короткого (всего-то дюжину ударов сердца занял!) боя, произнес:

— Дернешься — сломаю шею.

Я сразу поверила и даже трепыхаться перестала. И дышать тоже. На всякий случай.

— А теперь ответь мне: зачем ты отправила их в бездну?

— Кого? — прохрипела я.

— Не притворяйся!

Мою голову чуть приподняли от пола и приложили. Пока не сильно, но ощутимо, предупреждая: не говоришь — будет хуже.

— Я не знаю, о чем ты! Мне вообще в бездну нельзя соваться! Клянусь! — я сипела из последних сил, а перед глазами уже кружили черные мошки.

Хватка ослабла, и я смогла сделать глубокий вдох.

— Поклянись, что ты не имеешь никакого отношения к тому, что Лармора, Нартон, Ролло, Свейна и Тормода несколько ударов колокола назад утащили в бездну!

Лицо Ригнара нависало над моим. Синие глаза почти почернели.

Я сглотнула, буквально всей кожей ощущая, как в нем клокочет ярость. Одно мое неверное слово, движение — и она выплеснется наружу, сметет, изломает...

Но клясться, что я вообще не имею никакого отношения к случившемуся, было бы опрометчиво и глупо. Ведь одно то, что эти пятеро угодили куда-то вместе сразу после нападения на меня, говорило само за себя.

— Я не утаскивала их никуда. И не знала, что кто-то задумал такое. А слышу об этом впервые от тебя. Клянусь. И если я лгу, то пусть умру сейчас же.

Риг напряженно замер, его тело словно превратилось в камень. Тяжелый такой камень. Еще немного — и он станет моим надгробным. Светлый цепко вглядывался в мое лицо, ища признаки мучительной смерти, и... не понимал, почему она не наступает.

— Ну, убедился, что я не причастна к тому, что твои дружки где-то всю ночь шлелись? — в моем голосе было столько яда, что его можно было сцеживать ведрами.

— Да, — выплюнул светлый.

— Мог бы сначала у этой «великолепной пятерки» спросить, кто на них напал, а не врываться ко мне, громя комнату.

— Не мог, — сквозь зубы процедил Риг. — Они сейчас без сознания. В лазарете. Выживут или нет — целители пока сказать не могут.

Вотдохлый гаак! Ну почему мое везение, как необъезженная виверна: несет недолго и все сбросить норовит.

— Слушай! Я, конечно, понимаю, что тебе удобно, и все такое. Но, может, ты все же слезешь с меня?

Я уставилась на Рига, который проходил стадии осознания от «нет, врет!» до «неужели, правда?». Любопытно, дойдет ли до раскаяния? Увы. Вместо этого он поднял взгляд куда-то выше моей головы. А потом резко скатился на пол. Я выдохнула, села и, насторожившись, обернулась ко входу.

М-да... Проем моей двери украсил венчик из любопытных лиц. Заспанных, с всклокоченными волосами (у кого они были), но с азартно блестящими глазами.

Ясно! Кадеты ждали развития событий, затаив дыхание. В полнейшей тишине.

Какие тут, однако, деликатные зрители... Боялись потревожить.

А потом сообразила, в какой позе нас застали. А с учетом того, что друг другу мы сипели и шипели... Интересно, удушение могло сойти со стороны за предварительные ласки?

— Представление окончено, — отчеканил Риг, распрямляя плечи.

— И ты ее не убьешь? — разочарованно спросил чей-то голос.

Кажется, все всё поняли правильно. А жаль. На репутацию мне было плевать, а вот на выволочку от ректора — нет. Второй день подряд...

— И не думал. Мы уже все выяснили.

И этот... паразит уверенно пошел к выходу. Ага. Сейчас!

— Нет не все! — я тоже встала.

Одернула рубашку, которая была хоть и длинной, почти до середины бедра, но грязной и частично порванной.

Светлый на мое заявление медленно обернулся.

— А кто мне дверь чинить будет?

Тут из глубины коридора донеслось:

— Какой хороший вопрос, — в проеме нарисовался комендант.

При появлении этого драконистого типа кадеты побледнели и моментально растворились в воздухе. Пара вдохов — и в коридоре уже никого не было. Я могла бы поспорить на золотой, что сейчас все бывшие зрители резко залегли в кровати и досматривают последние утренние сны.

— Итак, что произошло? — дракон перевел взгляд с меня в мятой рубашке, на Рига, чей вид тоже был далек от идеального.

— Я хотел поговорить и ... — хмуро начал светлый.

— ... И нечаянно вынес дверь, — перебила я.

Нет, как пострадавшая, я не отказалась бы от мести светлему. Но если комендант сейчас начнет разбираться и задавать множество вопросов, я могу не успеть спрятать Кару. Зая как раз начала приходить в себя. А я не думаю, что демоны бездны, пусть и в пушистом облинии, разрешены кадетам в качестве домашних питомцев.

Потому я бочком-бочком начала аккуратно пятиться к углу, в котором лежала длинноухая.

— Нечаянно? Вынес? — меж тем зарычал комендант, повернувшись к удивленно вскинувшему брови светлему.

Едва дракон показал мне свой затылок, я попыталась изобразить мимикой Ригу простую просьбу «подыграй». А сама тем временем постаралась незаметно подобраться к форме для

тренировок, которая до фееричного появления в моей комнате светлого мирно сохла на спинке стула, а ныне валялась на полу.

Маневр удался. Подцепив форму пальцами босой ноги, я незаметно набросила ее на заяу.

— Да. Мне показалось, что в комнате кричали, — нашелся Риг.

— И ты решил выбить дверь? — допытывался дракон. Судя по его виду, он ни на миг не поверил услышанному.

— Да, — хором отозвались мы со светлым.

— А сейчас он хочет ее починить, — тут же добавила я.

— Очень хочу, — заверил светлый.

— Ну, раз так... — начал комендант, которому в столь ранний час тоже, видимо, претило разбираться в этой истории. — Инструменты вот, — тут он совершил пасс кистью руки, и на пол грохнулся ящик, из которого торчали рубанок, долото, молоток и еще много чего. — До побудки будь добр все починить. И впредь не шляйся по женскому этажу в поисках подозрительных шумов. А тем паче не создавай оные. И да: обоим три наряда на кухне! Ворча себе под нос: «Шум ему послышался... Вот не нужно баб в порубежники. Один разврат от них», комендант удалился.

— Он ректору доложит? — задала я вопрос, мучивший меня.

В абсолютной тишине он прозвучал особенно громко.

— Нет. Не думаю. Применения магии не было. И... спасибо...

Благодарность от светлого прозвучала так неожиданно, что я поперхнулась вдохом. А Риг между тем счел своим долгом пояснить:

— Могла бы и не выгораживать.

Вот теперь я могла наблюдать, как выглядит мужское раскаяние во всей красе. Суровое такое раскаяние. Когда он сам на себя злится от осознания промаха.

Просвещать же Рига, что мне самой нужно было избавиться от коменданта побыстрее, не стала. Вместо этого аккуратно, вроде бы невзначай, подхватила с пола форму и заяу вместе с ней и прижала охапку к груди.

Риг поморщился и отвернулся. Я не удержалась и хихикнула. Нет, с широкими плечами, со спиной все было как надо. А вот ниже... Все же зая не зря была такой острозубой. Она не просто прокусила штаны, она разодрала их, оставив кровавые следы резцов на бедре.

Кара, словно почуяв, что я люблюсь делами зубов ее, закопошилась. Я ласково прижала ее, мол, подожди немного, подруга.

— Пожалуй, пока ты ремонтируешь дверь, я схожу в душ.

Полотенце, которое шло в комплекте с постельным бельем, было хоть и старым (с аж тремя оттисками магической печати общежития), зато большим.

Его я сняла со спинки кровати и положила на руку, в которой держала форму и Кару. А затем поспешила ретироваться. Уже в душевой аккуратно развернула форму.

Зая была живой. Правда, слегка контуженной. Выяснилось, что она цела. Во всяком случае, ничего не сломала.

— Что это вообще было? — спросила она, осоловело мотая башкой.

— Мое невезение.

В памяти тут же всплыл образ Ригнара, и я коротко пересказала Каре, что, собственно, произошло. Она, как потерпевшая, имела право знать, за что пострадала.

— Хм... Какое оно у тебя импульсивное, однако, это невезение. Хотя на вкус вроде ничего...

Мелькнула крамольная мысль: дать Каре сожрать этого светлого. А что? Может, каждый уважающий себя демон за свою жизнь должен сжечь дракона, принять подношение в виде девственницы или девственника (тут уж по предпочтениям) и сожрать хотя бы одного светлого мага...

Кажется, размечтавшись, последнее я произнесла вслух. Иначе отчего зая замерла на месте, потрясенно глядя на меня.

— Знаешь, я в бездне ничего подобного не слышала, но лозунг очень соблазнительный... — восхитилась она. — А я ещё сомневалась, темная ли ты... Но сейчас поняла — ты настоящая черная пожирательница душ. Жаль, что твой план по поеданию провальный. Этого Ригнара сразу же хватятся. Он тут это... подучетный, — она издевательски протянула последнее слово, будто светлый был полотенцем для душа: проштампованным и принадлежащим академии.

— А жаль, — подытожила я.

— А мне-то как жаль, — пригорюнилась Кара.

Впрочем, она была не из тех, кто долго предается унынию. Миг — и ее усы зашевелились, а ушки встали торчком:

— Который удар колокола?

Я зевнула и, прислушавшись к себе, уверенно ответила:

— Пятый.

Отец всегда поражался и говорил, что у меня внутри живет элементарь хронос, который обычно подсеяли в колокола, чтобы те звонили всегда вовремя и не сбивались с ритма. Мне не нужно было дожидаться набата, я всегда знала точное время. А иногда в моем мозгу словно зажигалась лучина, что отсчитывала мгновения, которые оставались, например, до момента, когда заглушка выпадет и сработает охранное заклятие...

— Пятый?! — ахнула зая, подскочив на месте. — Я тут с тобой прохлаждаюсь, а мой возлюбленный вот-вот проснётся. А вдруг вокруг его постели эта рыжая хвостатая зараза уже вертится?

— Какая зараза? — не поняла я.

— Такая. Эйта! Она тоже на него глаз положила. И ладно бы этот... профессиональный, — презрительно выплонула пушистая, — так нет, она его, видишь ли, влюбить в себя вздумала, чучело плешивое! — с этими словами Кара спрыгнула с подоконника и шустро поскакала.

— Ты куда? — я ринулась вслед за ней.

— Куда-куда... Убегаю от тебя. Не видишь, что ли... — буркнула Кара и скрылась за дверью.

Мне стало искренне жаль Эла. Ушастый ловелас, судя по всему, допрыгался: на него глаз положили сразу и демонесса и дарящая безумие Эйта — дева, которая приходила к спятившим в образе рыжей белки.

Из коридора раздавался ритмичный стук и аккомпанемент ругательств. И вроде бы они были тихими, но... я бы предпочла не высовывать носа из комнаты, дабы попросить не шуметь в столь ранний час. Кадеты, судя по всему, были со мной солидарны. Потому весь этаж усердно спал. Во всяком случае, недовольных тем, что кто-то столярит в такую рань, не нашлось.

А я подумала, что раз все равно оказалась в душевой — грех не умыться.

В комнату вернулась в почти благодушном настроении. Даже не хотелось никого убить. Ну, почти.

Удивительно, но дверь Риг починил так, что она стала даже лучше, чем была: больше не скрипела и открывалась легко. То ли у светлого был талант столяра, то ли большой опыт установки дверей. Судя по тому, как он лихо их выбивает — второе.

— Все, — Риг указал на дело рук своих.

— Спасибо, — я пару раз закрыла и открыла дверь. — Неплохо.

— Ну, раз работу ты приняла, то... — Риг зачем-то потянулся к ремню, а потом и вовсе начал снимать штаны. — Я жду ответной благодарности.

— Э-э-э-э... Я пас, — я выставила ладони в предупреждающем жесте. — Могу оплатить тебе ночь в доме терпимости...

Светлый так и замер, недосняв штаны.

— Что?

— Две ночи, — решила я поторговаться за свою честь.

— Крис, — буквально прорычал маг, справившись со штанами. — Просто зашей!

Я ненавидела краснеть. Да и заставить меня чувствовать себя неловко — это надо было постараться. Но Ригнару это удалось. Я ощущала себя идиоткой. Полной.

— Угу, я удар колокола назад был в такой же роли...

Только тут я поняла, что он сделал это нарочно! Глаза светлого откровенно надо мной смеялись, в то время как лицо было абсолютно серьезным. Что же, видимо, в этой комнате не я одна была язвой.

— А если нет? — я изогнула бровь, глядя на рослого Рига, гордо стоявшего в подштанниках.

— Так. Та пакость, которая покусала меня — твоя. И тебе за нее отвечать.

Я хранила предгрозовое молчание.

— Кстати, если найдут твоего зверька, то согласно уставу его тут же убьют. Животных на территории академии быть не должно. Только в тренировочных катакомбах. И только твари Мрака. Но я о той милой зверушке, которую ты старательно спрятала под одеждой при появлении коменданта, заметь, промолчал...

— Сволочь, — я выхватила штаны из руки Рига. — Дохлый пошляк!

Светлый закашлялся.

— Знаешь, так на меня ещё не ругались... Дохлый светлый и то привычнее.

Но я уже не слышала Рига. Я инспектировала магический ящик с инструментами. Если в нем было все для ремонта, то, может, и швейные принадлежности найдутся?

Я оказалась права. Вытащила иголку, вдела в нее нитку с веселенького желтого цвета и так шустро залатала дыру, прогрызенную зайей, что Риг опомниться не успел.

— А быстро ты, — он развернул штаны и...

И переменялся в лице. Ай-ай-ай, вышивка не по вкусу? Ну подумаешь, петушок... Это, между прочим, свадебная вышивка у приморцев, бережная. Не пропадать же навыкам золотошвейки? Не зря же я в помощницах у госпожи Морон ходила, изображая порядочную горожанку.

— Ведьма, — выдохнул светлый, поняв, что шантаж удался, но вот результат того — не очень.

И тут раздался набат. Побудка. Через четверть удара колокола — построение на плацу и пробежка. В расписание академии меня посвятил Рейзи, когда мы сидели в карцере.

Риг прыгнул в штаны и, подхватив ящик, поспешил из комнаты. Видимо, хотел успеть отдать инструменты коменданту до утренней переклички.

Я тоже не стала задерживаться. Одеюсь — и вон из комнаты.

На плацу я оказалась далеко не первой. Эл, увидев меня, радостно помахал рукой.

А дальше были перекличка и пробежка. Легкая, не чета тренировке. За ней — завтрак, а потом я познала всю пропасть своей магической безграмотности: в моей биографии случилось первое занятие по атакующим заклинаниям.

Началось все с того, что едва отзвучал последний удар колокола, как в аудиторию вошел преподаватель — магистр Джурс. Высокий, светловолосый, с загорелой кожей и серыми глазами — в общем, типичной светлый. Но, как выяснилось, внешность — штука обманчивая.

Такой паскудный характер у темных нужно было еще поискать.

Занятие он начал с того, что с издевкой осведомился, не ошиблась ли я аудиторией. А точнее, академией. Дескать, таким субтильным барышням самое место на факультете искусников, что в столичной магистерии. Иллюзорных бабочек создавать, да в притирания для лица розовой воды добавлять. В общем, оскорбил, как мог.

Я стерпела.

Магистр поджал губы, словно ожидал другой реакции.

Началась лекция. Увы, не вводная, а самая обычная. И далеко не первая. Джурс рассказывал об аркане «Ронго» и его структурных особенностях. О вариациях преломления в зависимости от плотности магического потока, которым то было сформировано, и исходного каркаса.

Удивительно, но такой мерзкий в общении, Джурс был прекрасным лектором. Объяснял доходчиво и понятно, но увы, не для меня.

Я видела, как скрипели перьями мои одноклассники, косилась на Эла, в глазах которого горел огонь. Эльф ловил каждое слово магистра. А я... Я понимала лишь отрывки. Да и то интуитивно.

Джурс, заметив, что я не успеваю следить за ходом его мыслей, ещё раз прошелся по теме неприспособленности женского мозга, увы, для чего-то серьезного. А вот кружева-бантики-чулочки — другое дело.

Я тем временем медленно закипала. Одноклассники сжегивали смешки в кулак. Эл смотрел с сочувствием. Джурс, странное дело, тоже злился. О последнем свидетельствовали его тонкие поджатые губы и сведенные к переносице брови.

Но все же лирическое отступление закончилось, и лекция продолжилась.

— Для первичной структуры аркана
«Ронго»

оптимальный угол поляризации не более сорока пяти градусов. Вброс силы производим, когда аркан полностью сформирован. И задаем ему левостороннее вращение аркана вокруг собственной оси, — наставник повернулся к доске и застучал мелом, изображая, как должен выглядеть завершенный каркас.

Я старательно перерисовывала это на учебный свиток, который мне выдал наг-библиотекарь, когда я уже думала отчалить из обители книг в обнимку с уставом. Оказалось, что в академии,

помимо общей формы, практически все у кадетов должно быть одинаковым, в том числе и свитки для лекция. Никакой дорогой одежды и знаков отличия, которые могли бы отделить бедных от богатых, светлых от темных... Исключения касались лишь тела. Тут уж кому что послала природа.

Но и в этом правиле курсанты нашли лазейку. Светлые принципиально не делали себе татуировок, не носили в ухе серьгу, не выбривали виски. В общем, вели себя образцово-показательно. А ещё не заплетали кос. Да и вообще их шевелюры были не длиннее плеч. Зато темные, особенно если они уродились русоволосыми или тем паче светлокожими блондинами, могли проколоть себе не только ухо, но и губу. У кого-то в татуировках была вся шея и даже часть лица. Дабы никто не усомнился, что это некромант или чернокнижник, а не какой-нибудь презренный светлый.

В общем, идея начальства о равенстве кадетов провалилась.

Да и сидели в аудитории темные и светлые отдельно.

Джурс между тем рассказывал об аркане и даже продемонстрировал нам его.

— А теперь Нэштон Брумс покажет нам, как он усвоил плетение «Ронго»

, — чуть повысив голос, проговорил наставник.

Все обернулись к кадету, который в этот момент изображал полную невозмутимость.

Но я буквально миг назад краем глаза видела, как он чертил на руке какую-то руну, что потом исчезла. Но то я, сидевшая с ним рядом. А вот как это заметил Джурс? Ведь перед Нэшем было несколько широких спин, надежно скрывавших его от очей магистра.

Тем не менее он все увидел. И теперь темный стоял перед доской.

— А щит против его атаки выставит... — Джурс мельком глянул в табель — Крисрон

Каржецкий. Судя по тому, что напротив ваших имени и фамилии стоит руна Гебо, сила вашего дара позволит это сделать без проблем.

Ну кто бы сомневался!

Я вышла к доске, мысленно прикидывая, куда лучше удрать, когда в меня засветят заклинанием.

Когда мы встали друг напротив друга: я и высокий, широкоплечий Нэш, то на лицах курсантов вновь замелькали сдержанные улыбки. Я бы и сама посмеялась, ведь со стороны мы наверняка смотрелись комично.

Мелкая тощая я и скала-некромант с длинными волосами, заплетенными в особую косу, на конце которой красовались два лезвия.

— Крисрон, даже у своих одноклассников вы вызываете лишь улыбку... — между тем ещё раз прошелся по мне магистр, капая на нервы. — Все же место женщины отнюдь не на войне...

Я закричала зубами и мысленно пожелала Джурсу, чтобы ему самому, раз он такой поклонник иллюзионисток, попалась девушка дивной красоты, от которой бы он потерял голову. А наутро, проснувшись с ней в одной постели, понял бы, что делит ложе со страшненькой магичкой, которая просто мастерски пользуется гламуреей. И причем он не только провел с ней ночь, но ещё и женился.

Не успела я додумать столь искреннее пожелание, как в магистра устремился сгусток тумана.

Аудитория замерла.

Джурс молниеносно выставил зеркальный щит, словно этого и ждал. Проклятие отразилось и полетело прямо на меня.

— Чем выше дар, — удовлетворенно произнес он, — тем сильнее должен быть над ним контроль. Даже если вас планомерно выводят из себя, вы обязаны...

Чего «обязаны» курсанты, мы так и не узнали. Вернувшееся обратно проклятие обожгло холодом мое лицо и... И вдруг в последний момент отпрянуло, словно кот, угодивший лапой в лужу и... Полетело напрямик в магистра.

Тот лишь в последний миг успел выставить щит. Мое пожелание вновь ударило о него и уже не столь резво, но поплыло ко мне. А я начала догадываться о причине столь странного поведения проклятия: мне при всем желании было не под силу жениться. Лишь выйти замуж. Потому-то, как говорится, отмычка и замок не совпали...

Джурс уже не выглядел таким безмятежным. Он напряженно всматривался в серый сгусток, в котором клубком влюбленных змей сплелись черный и белый туман...

— Как интересно, — задумчиво проговорил он. — Скажите, чем вы меня так искренне прокляли. Причем не пожалели на злословие десятого уровня силы. Обычно столько вкладывают в проклятие мучительной смерти целого рода, не меньше.

— Я пожелала вам любви, — я тоже неотрывно следила за туманом, который лениво подплыл ко мне и оттолкнувшись, вновь направился к своему законному владельцу.

— Я боюсь даже предположить какой... — пробормотал магистр.

Похоже, его пытались проклясть не единожды. Но, если учесть, что он все ещё жив, здоров и не расстался со скверными манерами, — безуспешно.

— Любви большой, светлой, единственной и внезапной, — отчиталась я.

И ведь не солгала ни единым словом. Сама поразилась своей честности.

— И все же это скорее проклятие, чем благословение... — заключил магистр и ... развеял чернословие.

Правда, судя по тому, как дрожала от напряжения его рука, кастовавшая заклинание, не без усилий.

— Что же... — выдохнул Джурс. — За то, что вы умеете сдерживаться, ставлю удовлетворительно. Обычно пожиратели закипают гораздо раньше. Это особенность их дара. А вот за то, что прокляли меня, и за то, что чернословие не достигло конечной цели — неуд. А теперь вперед, продемонстрируйте мне щит.

Увы, я продемонстрировала лишь ещё одну возможность проставить мне двойку. Щит я выставить не могла по той простой причине, что не знала как. Потому просто уклонилась от кривенького аркана, который атаковал вместо меня преподавательский стул.

Удар колокола ознаменовал конец занятия. Магистр уже ушел, когда я складывала в торбу лекционный свиток. В этот момент кто-то из светлых, вроде бы в дружеском жесте хлопнув меня по плечу, негромко произнёс:

— Так держать, темная. Еще один неуд — и наряд тебе обеспечен.

Тело среагировало быстрее разума. Удар сердца, и светлый лежал на парте с заломленной рукой.

И темные, и светлые, что стояли вокруг, встрепенулись.

— Спасибо за дружеский совет, — так же негромко сказала я. — Позволь дать ответный: не приближайся!

— Да если бы не запрет Рига, мы бы тебя за наших по стенке размазали!

— Я. Не. Отправляла. Их. В бездну. — отчеканила я, отпуская из захвата светлого.

— Так тебе и поверили, — потирая кисть, проворчал кадет.

— Если бы я утонула их в бездну, они бы не вернулись, — ровно произнесла я, глядя ему в глаза.

И светлый поверил. Может потому, что я не лгала. Если бы действительно мне каким-то чудом удалось затащить их во Мрак, они бы навряд ли вернулись. И я, впрочем, тоже. Во всяком случае, сейчас, когда я знала лишь одно заклинание...

Напряжение, разлитое в воздухе, схлынуло волной. Светлый отступил. Кадеты засуетились, торопясь на следующее занятие. А Эл, подойдя ко мне, задумчиво произнес:

— Крис, знаешь, в одном Торос прав: ещё один неуд — и тебе светит наряд.

— Да я и так уже нарядная до безобразия, — вздохнула я.

И в двух словах рассказала эльфу о случившемся утром. Правда, о его поклонницах умолчала.

Зачем портить ушастому такой сюрприз от госпожи Фортуны? К тому же... Кто я такая, чтобы вмешиваться в дела сердечные? Во всяком случае, пока Эла связанным не потащат к алтарю — все идет нормально.

— А насчет Джурса не переживай, — сказал Эл. — Он ко всем высокоуровневым цепляется.

Знала бы ты, как он на первой паре буквально одной фразой довел Карлоса до того, что тот взбеленился и волной сырой силы снес все парты. А Кар — всего лишь восьмерка. От твоей десятки Джурс наверняка психанул.

— Ну-ну... Интересно он психует. То-то у наставника лицо было столь же выразительным, как посмертная маска.

— Джурс всегда, когда злится, становится язвительным и невозмутимым.

— Учту... — кивнула я.

А для себя решила, что я буду не я, если не доведу Джурса до тихой истерики. Вдруг он тогда и вовсе в соляной столп превратится, став эталоном невозмутимости как в светлых, так и в темных землях?

Следующим предметом была алхимия. Вел ее магистр Ежец, веселый полугном с трубкой в зубах, при виде которого я моментально вспомнила укуренного коня в пальто. И только тут поняла, что то было не пальто, а халат. Магистр, казалось, излучал столько жизнелюбия и энергии, что можно было ослепнуть. Потому его стоило принимать исключительно в малых дозах. А ещё лучше вовсе не встречаться. Потому как он имел специфический подход к процессу обучения. По принципу: кто умер, тот на следующее мое занятие может не приходиться. Кадеты выглядели крайне напряженными.

— Сегодня мы проходим нервно-паралитические яды замедленного действия, — радостно возвестил Ежец, попыхивая трубкой. — Поэтому для начала выпейте содержимое своих колб. Кадеты без энтузиазма начали заглатывать «угощение».

Я с сомнением посмотрела на мутную жидкость, потом понюхала. Пить категорически расхотелось. Потому как я поняла, что это. Я в свое время имела несчастье многое узнать о яде керемета. Причем не из учебников, а, так сказать, на практике: отец перевозил через границу небольшой ларец, в котором как раз было несколько колб этой гадости. Мне тогда было десять. И папа, принеся домой контрабанду, за хранение которой аристократам отрубали руки, а простолудинам — головы, подробно объяснил, что это за отравы. Ну да, стряпуха учит дочек как печь пироги, а бывший маг... В общем, что знает — тому и учит.

Между тем по аудитории разнесся голос преподавателя:

— А теперь, когда вы выпили яд, мы разберем, как готовится к нему противоядие... Кстати, а вы чего ждете, лэрисса?

— Извините, но я плохо перевариваю яд керемета.

— Отрадно, что у вас... — он на миг замолчал, явно выжидая, чтобы я назвала свое имя.

— Крисрон.

— Отрадно, что у вас, Крисрон, столь глубокие познания в алхимии, но все же советую не отрываться от коллектива.

Я, сцепив зубы, выпила. Жидкость обожгла глотку, комом упав в желудок.

— Ну-у, лэрисса Крисрон, если вы сразу определили яд, может, просветите остальных, сколько у нас времени?

— Четверть удара колокола, — отчеканила я.

— Верно. Поэтому советую слушать внимательно и готовить противоядие быстро, — выдал магистр, попыхивая трубкой.

Понятно, почему здесь все учатся столь прилежно. Прогрессивная методика преподавания темных земель, демон ее за ногу!

На удивление, противоядие у меня получилось точно таким, каким и должно было быть. И это не могло не радовать. Правда, не все оказались сильны в кулинарии ядов. Кто-то из светлых захрипел, но его сосед успел влить в синеющие губы действенный отвар.

После дегустации на алхимии идти в столовую не хотелось. А от последующей тренировки с Акулой и вовсе стало тошно.

Когда же дежурный подошел и радостно сообщил, что меня ждет наряд на кухне, я готова была взвыть. Но сцепила зубы, повторяя про себя: я выдержу, я выдержу, я выдержу... Или сдохну. И пошла отрабатывать.

Последней каплей стало то, что наряд мне предстояло отрабатывать с Ригнаром. Тот самый повар-вампир, в чье временное рабство я поступила, заявил, что мне и еще одному штрафнику надо перебрать овощи на складе.

Светлого я застала в кладовке сортирующим овощи. Глянула на стеллажи с ящиками моркови, свеклы, картошки, которую надо было перебрать, откинув гнилую, и вовсе приуныла.

Я всегда подозревала, что магам проще изобрести боевое заклинание десятого уровня, чем простую волшбу, которая бы отделила зерна от плевел. И, судя по всему, оказалась права.

Риг уже всю стаскивал ящики. Сильные уверенные движения. Перекатывающиеся под тонкой рубашкой мышцы. Он замер, словно почувствовав мой взгляд. Обернулся.

— Ты? — прищурился он.

— Я. И тоже безумно счастлива тебя здесь видеть. Прямо сияю.

— Я заметил. Зеленое такое свечение... Как у первосортного умертвия.

— Тем не менее это умертвие будет сегодня работать с тобой.

Риг усмехнулся и поставил передо мной ящик с морковью.

Какое-то время мы перекладывали овощи молча. А напряжение все нарастало. Я кожей чувствовала, как между нами буквально натягивается струна. Воздух начал давить на виски. Я не выдержала:

— Слушай, не нервируй меня.

— Я молчу, — скрипнул зубами светлый.

— Ты так выразительно молчишь, что бесишь!

— Вас, темных, все бесит. Да, ты поклялась, что не отправляла тех пятерых в бездну. Но это сделал кто-то из вас, черных магов. Из-за тебя сделал! У Лармора сожжено все лицо и правая рука до кости. Нартон все ещё без сознания. Ролло ослеп и долго будет восстанавливать зрение. Свейн истощен магически. Тормод отделался ожогами кистей. И все это после того, как нас семерых вызвали к ректору. Скажи, что мне думать? Что думать всем кадетам? — он говорил, а у меня создавалось ощущение, что Риг вколачивает гвозди в крышку моего гроба. Теперь я в полной мере осознала причину, по которой светлый ворвался ко мне. Понимала, но не принимала.

— Слушай, а тебе не приходила в твою светлую голову мысль, что моего согласия на эту вендетту могли и не спрашивать? — я со злостью откинула морковку, вставая — Я в этой академии только и слышу, что мне здесь не место...

— Так зачем же ты сюда так рвалась? — Риг тоже поднялся.

О печати я говорить не могла. Но и лгать не хотелось. И я сказала правду. Правду, почему я должна здесь остаться:

— Я не хочу становиться монстром. Скажи, ты знаешь, каково это, бояться, что твой дар окажется сильнее тебя? Что ты не сможешь контролировать свою силу? — я говорила, а мой голос звенел.

Казалось еще миг — и я сорвусь, не сумею удержать на привязи ту тьму, что бушевала сейчас внутри меня. Она стенала, она требовала выпустить ее, дать разгуляться, обещая с бурей — покой.

Я прикрыла глаза, борясь с собой. И тем неожиданное стали руки, крепко обнявшие меня.

— Тише, Крис. Тише. Я тебя понимаю...

Тьма внутри меня начала медленно сворачиваться клубком. Странно, но в объятиях светлого было на удивление спокойно, тепло, уютно.

Я медленно открыла глаза и запрокинула голову. Надо мной склонился Риг. Он так внимательно смотрел на меня, будто видел впервые.

— Успокоилась? — голос мага отчего-то сел.

Я сглотнула, прислушалась к себе, к тому, как внутри меня медленно, нехотя, тьма начала отступать. Втягивать свои щупальца.

— Вроде бы, — хрипло сказала я.

Во рту отчаянно пересохло. Я всем телом ощущала жар, который шел от светлого, стоявшего рядом.

— Крис, ты — сильный маг. Пожирательница. Ты должна держать свои эмоции под контролем. Чародей обязан уметь управлять своими эмоциями, иначе они начнут управлять его даром... А у тебя глаза заволокло тьмой.

Он говорил это вкрадчиво, спокойно, продолжая прижимать меня к себе.

— Так не проще бы было дать мне сорваться?

— Знаешь, я еще хочу пожить. Ну, или хотя бы умереть не так глупо.

— Не так глупо?

— Не на складе с гнилой морковкой, — усмехнулся светлый.

— Значит, ты не меня успокаивать ринулся, а себя спасать? — я решила расставить точки над рунами.

— Увы, но одно без другого было невозможно...

Светлый как-то нехотя отстранился.

— Знаешь, я не мечтала об этом даре. Я рада была бы, если бы у меня его и вовсе не было, но меня никто не спросил... — я обессиленно присела к ящику, чувствуя, как все еще подрагивают руки.

Риг опустил на корточки с другой стороны ящика и тоже, не глядя на меня, начал перебирать овощи.

Мы снова молчали. Но теперь в воздухе уже не было того напряжения.

— Знаешь, — спустя какое-то время задумчиво произнес светлый. — Однажды мой отец сказал: чем сильнее дар, тем большим придется пожертвовать его обладателю. Мне кажется, что он отчасти прав.

— А чем пришлось пожертвовать тебе? — ляпнула я, не подумав, и тут же пожалела: все же Риг мне не друг, а вопрос личный.

— Верой в людей, — ответил светлый, не заметив моего замешательства.

Задумавшись каждый о своем, мы одновременно схватили одну и ту же морковку. Отдернули руки тоже синхронно. Я подняла голову и увидела, что Риг улыбается.

— Я, как благородный мужчина, уступаю ее тебе.

— А почему не лэр? — усмехнулась я и увидела, как нахмурился Риг. Пришлось пояснить: — Ну, обычно говорят, благородный лэр...

— Потому что я не лэр. Зато мужчина.

— Ну да, в тебе сложно заподозрить девушку...

Светлый фыркнул.

Мы уже перебрали ящик с морковкой и потянулись к следующему, когда на пороге склада появился один из работников кухни:

— Все, заканчивайте. А то отбой уже скоро.

— Да, сейчас! — за нас двоих ответил светлый.

И вправду, с оставшимся ящиком управился быстро. Риг попрощавшись, скрылся.

Я выдохнула и с хрустом потянулась. Все, на сегодня мои физические мучения закончены.

Остались лишь моральные: дать себе выспаться или совершить подвиг и поучить основы магии, которые я успела в большой перерыв взять в библиотеке.

За учебником просидела почти до утра. Спать легла, когда на горизонте забрезжил рассвет. Но следующий день показал, что все мои ночные усилия — это капля в море.

Неуды удалось не схватить лишь чудом. Но я понимала, что чем дальше, тем больше будет мое отставание.

Прошло ещё несколько дней. Мне больше так не везло, и я через раз получала двойки. А за ними — и наряды. Мне срочно нужна была помощь, причем не Эла. Тот хоть и старался мне объяснить азы, но... Этого было мало.

Как-то куратор нашей группы, магистр Мых, заглянувший после занятий, чтобы сделать объявление, попросил меня подойти к нему в кабинет.

— Крисрон, я хочу поговорить с вами об успеваемости, — без обиняков начал он.

Это был уже немолодой порубежник. Поговаривали, что во время великого прорыва он почти выгорел, но был одним из немногих, кто стоял в первой линии обороны и уцелел. Сейчас этот маг изучал меня своим пристальным взглядом.

— У меня нет успеваемости, — ответила честно.

— Отрадно, что вы это осознаете. Может откроете мне причину, почему ее нет? — чуть ироничный голос не выражал ни сочувствия, ни укора.

— Потому что нет знаний, — твердо сказала я.

Не стала объяснять, что отец не учил меня магии потому, что был свято уверен: печать не даст проявиться дару, так зачем душу травить?

— Я это заметил. По немагическим дисциплинам у вас все в порядке. К сожалению, сейчас я сам слишком занят, но... — он встал и подошел к стеллажу. — Возьмите эти книги и ознакомьтесь с ними в выходной. Вам ведь все равно увольнительная не светит.

Он положил передо мной три здоровенных фолианта. Я взяла их с благодарностью.

А куратор между тем продолжил:

— И вам бы отработать навык обращения со своим источником. Но обязательно — в паре с кадетом, равным по силе... — он побарабанил пальцами по столу и добавил: — Хотя бы примерно равным. Чтобы вы его не покалечили.

Тут маг на миг замер, а потом, пробормотав под нос: «А почему бы и нет», быстро что-то написал на бумажке и положил ее, даже не свернув, под телепортационный камень. Послание исчезло.

— Вы свободны, — он вскинул кустистые седые брови, дескать, вы все еще тут?

Я поспешно попрощалась и выскочила из кабинета, держа книги у груди. От куратора я шла озадаченная. До полуночи просидела у себя, штудирова «Элементарную магию темной материи», а заснула над главой «Роль демонов в воспитании мага».

ГЛАВА 6

Утро началось не с набата (по причине выходного дня побудки не было), а со стука в дверь. Почти деликатного. На пороге стоял дежурный с запиской.

Развернула. Это оказалось послание от куратора.
«Ригнар Аро поможет вам с отработкой. Договоритесь с ним о времени».
Коротко и по существу.

Я понимала, что помощь мне нужна. Но все равно визит оттягивала до самого вечера. Как оказалось — не зря. Я выдохнула, собираясь с мыслями, зажмурилась, и постучала в дверь семнадцатой комнаты. Открыли сразу же. Когда я распахнула глаза — передо мной, опершись на косяк и скрестив руки на груди, стоял Риг, не сводя с меня синих холодных глаз. В одних штанах, босой, с каплями влаги на коже и мокрыми волосами. Судя по всему, после душа. Стало понятно, что светлый провел этот выходной с удовольствием. Насчет пользы не скажу, но вот с удовольствием — это точно. О последнем свидетельствовали характерные царапины на плече. Такие обычно оставляют когти хищниц, что ведут охоту в кружевных доспехах.

— Пришла... Долго же ты собиралась.

Я смотрела на мага, полностью инициированного мага, на груди которого мета уже была цветной. Он же смотрел на меня, как на неприятность, которая обычно случается, когда все было хорошо, но тут ты решил проверить. И обнаружилась она — проблемка. Мелкая, досадная, но мешающая, как крошки в постели.

— Прости... Кажется, эта была неудачная идея, — пробормотала я и развернулась, чтобы уйти. Меня тут же схватили за локоть.

— Куда? — сильная рука буквально втащила меня в двери.

А потом я оказалась прижатой к стене. С обеих сторон от моей головы уперлись ладони, а прямо напротив лица нависло лицо Рига.

— Так. Давай определимся раз и навсегда...

Наши носы почти соприкасались, я чувствовала, как от его тела исходит жар. Дыхание перехватило. А светлый, словно не замечая ничего, сконцентрировавшись лишь на моих глазах, продолжил, чеканя каждое слово:

— Тебе нужна помощь?

Гордость кричала о том, что самый лучший ответ: «не от тебя». Но порою гордость — сестра глупости, и если ты подашь им руки, то ваш путь вдвоем будет прямым и коротким: до могилы.

Я прекрасно понимала, что если скажу «нет», то у меня будут неплохие шансы провалить осенний экзамен, вылететь из академии, а следовательно и умереть, ведь по словам Эла, я вряд ли перенесу, если мне запечатают дар.

Выдохнув, я тихо произнесла:

— Да.

— Я не слышу. Громче, — Риг давил. Не прикасаясь ко мне, он давил, заставляя вжиматься в стену.

— Да, мне нужна помощь, — крикнула я ему в лицо, — доволен?

— Нет.

Я опешила. Вот, спрашивается, где светлый и где логика? А Риг, чуть отстранившись, произнес:

— Я недоволен, Мрак раздери, тем, что должен помогать тебе. Темной. Пожирательнице.

— Если не хочешь, тогда отпусти, — я попыталась оттолкнуть руки Рига.

— И не подумаю. Я помогаю не тебе. Я отдаю долг Анару. Поэтому, хочешь ты того или нет, мы будем заниматься. В академии не так много адептов девятого уровня, а десятого — тем паче. А если тебя попытается тренировать кто-то с меньшим уровнем дара, ты можешь при выбросе силы его просто размазать по полю.

С этими словами он отстранился, развернулся ко мне спиной и подошел к кровати. Подхватил рубашку, натянул ее на еще мокрое тело, накинул куртку и бросил мимоходом через плечо:

— Учти, в следующий раз, если не явишься до седьмого удара колокола, я приду к тебе в комнату сам и поволоку на полигон. И мне будет плевать, в каком ты при этом виде.

Словно вторя его словам, на улице колокол пробил ровно семь раз. М-да... Интересно, что за долг такой у Рига перед ректором, что светлый наступил на горло собственным принципам и согласился заниматься с темной?

Когда мы пришли на полигон, тот был пуст. Только поле, вечернее небо, на котором закатное солнце выкрасило облака пурпуром, и мы — двое энтузиастов. Ну, ещё столб. К слову — знакомый такой столб. Не его ли нес Риг во время нашей первой встречи?

Проследив за моим взглядом, светлый подвел меня поближе к столбу с нарисованной на нем мордой (она же мишень) и, не скрывая сарказма, даже представил нас друг другу. Так и сказал: «Йеж, знакомься, это — Крис. Крис — это Йеж». К слову, рожа была нарисована очень талантливо. Совсем как та карикатура в карцере. Так вот кто автор шедевра в карцере!

Я поежилась под мрачным взглядом светлого, но потом вскинула подбородок:

— Начнем?

— С чего именно? — уточнил маг. — Для того, чтобы тебя натренировать, мне нужно знать, что ты уже умеешь.

Я вспомнила о тумане, который смогла материализовать на занятии по атакующим заклинаниям:

— Проклинать.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул Риг. — А еще?

Я была вынуждена признать, что больше ничего. Судя по тому, как на меня посмотрели, Риг решил, что я над ним изощренно издеваюсь. Пришлось его разочаровать. А заодно объяснить, что мой источник проснулся совсем недавно, а в семье, где магии ни у кого нет, не могли и предположить, что я стану пожирательницей.

— Хорошо. Тогда начнем с азов. Вызов источника. Чтобы он откликнулся, и ты брала ровно то количество силы, которое тебе нужно для заклинания. Заметь, не сколько ты можешь взять, а сколько нужно.

На словах это было просто. Но на деле... Простейшее упражнение — создание светящейся искры меж двух ладоней — я завалила дюжину раз. И вроде бы чего сложного: на уровне груди расположить ладони друг напротив друга и представить, как между ними появляется сгусток энергии.

Первые несколько попыток у меня выходила столь слабая искра, что не успев возникнуть, гасла. Один раз она вырвалась и пищащим комаром взвилась ввысь, чтобы там лопнуть.

Я краснела под насмешливым взглядом Рига, пытаюсь сосредоточиться. Наконец, у меня получилось. Свет между моих ладоней вышел ровным, ярким, но... Тут возникла другая проблема: искра начала разрастаться, стремительно превращаясь в пульсар.

— И до какого времени мы будем тренироваться сегодня? — решила я задать резонный вопрос.

Сумерки вокруг густели, до отбоя оставалось не так уж и много.

— До полного офонарения. Ну, или пока у тебя не получится.

Светлый во время моих потуг достал от нечего делать метательный нож и сейчас подкидывал его в ладони. Давал тому совершить несколько оборотов и ловил за рукоять. Но когда он увидел, что происходит, выкинул нож и закричал:

— Бросай!

Я тут же бросила. И попала. Когда дым рассеялся, даже могла сказать, в кого именно: в Йежа. Распрямившись и опустив руку, которой машинально прикрыла лицо, я смогла разглядеть хорошую такую воронку, оставшуюся на месте столба. Да уж...

— Йежу конец, — констатировала я.

А ведь ещё пару мгновений назад это был высоченный чурбан с нарисованной на нем мордой... Риг в данный момент взирал на мини-кратер, оставленный на месте столба.

— М-да... Крис. Главное, запомни: столб взорвали не мы, и нас вообще тут сегодня не было.

— Иначе заставят новый нести? — догадливо уточнила я, изобразив раскаяние.

И вроде бы была убедительна. Вот только отчего мне показалось, что светлый не поверил ни на медьку?

— Вот именно. И давай еще пару раз, — Риг глянул на вызвездившее небо и передумал: — Нет, пожалуй, один раз.

Я согласно кивнула. Прислушалась к себе, отсекая все внешнее. Выпрямилась, чуть развела ладони, нахмурилась, стараясь унять напряжение внутри: это дичился, бурлил источник, рвался наружу.

И тут поверх моих пальцев легли руки Рига. А сам он оказался у меня за спиной.

Он чуть наклонился, отчего его волосы коснулись моего уха, щекоча.

— Твоя сила — в спокойствии, Крис, — теплое дыхание скользнуло по шее. — Ты контролируешь силу, а не она — тебя.

Риг говорил, а я смотрела на его аккуратные пальцы, жилистые руки, отмеченные еле заметной паутиной белых шрамов. Едва уловимо пахло мятой и кедром.

Спиной я ощущала, как близко он стоит. И что на светлом распахнута куртка... И он почти прижимается ко мне.

Первый раз я чувствовала себя будто подросток: щеки пылали, в горле пересохло.

«Ты просто перенапряглась, Крис. Успокойся, возьми себя в руки», — уговаривала я сама себя.

Ведь и до этого меня обнимали. И даже целовали. С другими золотошвейками мы ходили на вечерние танцы раз в седмицу. Ко мне, игравшей роль приличной горожанки и послушной дочери, подходили знакомиться. Провожали до дома, назначали свидания. Не то, чтобы я задумывалась всерьез о семье... Скорее, чурайся я парней, затворничай, — это вызвало бы вопросы и подозрения. А так Крис, помощница золотошвейки, была такой же, как и все, а значит, незаметной.

— Расслабься, — голос прозвучал над самым ухом, чуть насмешливый, уверенный. —

Пропусти силу через себя. Через ладони. Медленно. На выдохе.

И я почувствовала, нутром осознала, ясно увидела, что сила... Она словно кудель, из которой я медленно тяну клоч, скручиваю его в нить и выпускаю из ладони.

Искра в этот раз получилась ровной, яркой. И, самое главное, я ее контролировала. Так же медленно втянула силу, и она ушла в ладони. Я ликовала. Первый раз. Осознанно!

Получилось!

Получилось!

Получилось!

В эйфории я порывисто повернулась к Ригу, обняв его. Но вот чего я не учла, это того, что он все ещё стоял, чуть наклонившись. Краткий миг, когда я вскользь коснулась своими губами его теплых губ, заставил вздрогнуть. Я отпрянула. Впрочем, и светлый тоже отшатнулся.

— Извини... — прошептала я.

— На сегодня занятие закончено, — сухо ответил Риг.

Я пошла прочь, не оглядываясь. Да что там пошла, я бы побежала, если бы это не выглядело откровенным паническим отступлением. А потому я, все ускоряя шаг, покидала поле.

Вздернутый подбородок, прямая спина, в которую между лопаток уперся взгляд.

Мне стоило больших усилий не оглянуться. А себе дала зарок: во время тренировок держаться подальше.

В комнату вернулась уставшая и разбитая, а потому и уснула мгновенно. Но вместо черноты и пустоты, которые обычно бывали у меня при сильной усталости, в этот раз в мире грез меня ждало яркое зрелище. Наверняка небесный странник, что по легенде рассыпает на подушки песок из сновидений, ошибся кроватью.

Я вновь стояла на полигоне. Риг так же — за мной. И радость от осознания того, что я смогла создать искру была точно такой же. Вот только когда я повернулась... Касание губ было не мимолетным.

Светлый сглотнул, притянул меня к себе, не давая отстраниться. Это было сумасшествием, чистой воды сумасшествием. Мы пробовали друг друга, пили до дна, до последней капли. Мне казалось жизненно важным, чтобы Риг меня целовал.

Я вцепилась пальцами в его плечи, кожей ощущая жар его сильного тела. Голову дурманил запах кедра и мяты. Риг проник языком в мой рот, завоевывая, утверждаясь... И я ответила. Со всей страстью и отчаянием. Сейчас он был мне нужен больше, чем воздух.

Риг застонал, глухо, сдавленно. На миг отпрянул и шумно втянул воздух. Я затуманенным взором увидела, как обозначились мышцы шеи, дернулся кадык. Почувствовала его закаменевшие мускулы.

А в синих глазах Рига плясал огонь, который меня манил, завораживал, сжигал... И я хотела сгореть в этом огне.

— Крис... — хриплый голос вызвал в моем теле дрожь.

Сильные руки обхватили мои бедра. Я зарылась пальцами в жесткие волосы, выгибаясь навстречу и шепча:

— Риг...

А потом... резко проснулась. Села, распахнув глаза. Кожа пылала жаром, а сердце так бешено колотилось, что было удивительно, как оно вообще не выскочило наружу и не покатилося по полу. Приснится же такой кошмар. Определенно, это — кошмар. И последнее даже не обсуждается!

Выдохнула, провела ладонью по лицу, стирая испарину, и откинулась на подушку. Вот к чему приводит переутомление. Нужно просто спать. Желательно — не два удара колокола в сутки.

Утро началось с жизнерадостной зай, сидевшей на подоконнике.

— Тыфу, — она выплонула клок рыжей шерсти из пасти. — Ты, конечно, высоко забралась, и я даже благодарна, что в этот раз окно было открыто, и не нужно было тебя будить, но все же спать с настезь распахнутыми створками не стоит.

Я ошарашенно посмотрела на подоконник на котором отпечатались грязные лапы зай. Судя по всему, она только что залезла. Но вот что я отчетливо помню — это то, что окно было закрыто.

— Ты теперь охотишься на лис? — я кивнула на клок рыжей шерсти, валяющийся на полу.

— Нет. Я сражаюсь за свою любовь! — пафосно заявила Кара. — И побеждаю.

И что-то мне подсказывало, что «сражаюсь» в данном случае было отнюдь не фигурой речи. А потом я заметила проплешину на боку у воинственной зай. Но указывать пушистой на боевое ранение и умалять тем самым ее победу, не стала.

В первый день седмицы меня ждала радостная новость: наконец-то была готова моя форма. Об этом сообщил дежурный, принесший записку от гоблина.

К кладовщику после построения я бежала едва ли не вприпрыжку. А уж сколько вертелась перед зеркалом в парадном кителе. Всего курсантам было положено три комплекта: для тренировок, для учебы и парадный. Плюс меч и походный мешок со всем содержимым.

Впрочем, и учебный комплект был хорош: черная куртка и штаны сидели как влитые, облекая, но в то же время давая простор движениям. И, самое главное, сапоги оказались точно по ноге!

Когда я пришла в обновке на занятие по тактике, то сразу заметила, как подозрительно тихо стало в аудитории. Но даже не это заставило меня внутренне напрячься. Взгляды. Меня пристально рассматривали три дюжины пар глаз. И я могла поспорить на что угодно: интерес их был чисто мужским.

— Эл, что происходит? — шепотом спросила я, усаживаясь рядом с эльфом и доставая лекционный свиток.

— Крис... — ушастый тоже таращился на меня. — Знаешь... Ты, оказывается, красивая...

— Я всего лишь умылась и не успела заплести в косу, — фыркнула я.

Мои черные густые волосы сейчас действительно свободно рассыпались по спине. М-да...

Подумать только, для местного поголовья кадетов всего-то и нужно, чтобы на тебе не было мешковатой старой одежды. И все, ты уже прекрасная дева, а не оборванец из трущоб!

От пристального внимания меня спас Лоррденховен — преподаватель с заковыристой фамилией, которая мне напоминала полоза, свернувшегося под корягой.

Впрочем, не одно родовое имя у преподавателя напоминало об аспидах. Помимо всего прочего лэр Лоррденховен мало того, что не был магом, так ещё имел наглость родиться в светлых землях. А если учесть, что он, простой человек без дара, преподавал тактику ближнего боя не только светлым магам, но и темным, и при этом чувствовал себя вполне неплохо... Да что там неплохо — отлично, и с энтузиазмом пил кровь из курсантов и ректора (в переносном смысле, хотя порою мне казалось, что лучше бы в прямом). В общем, чтобы простому человеку Лоррденховену выжить среди недружелюбно настроенных магов, нужно было иметь поистине змеиный характер. И он таки им обладал.

На занятия он приходил, по заверению Эла, обвешанный амулетами, как помойная собака блохами. Потому его не брали ни проклятия, ни благословения, ни даже случившийся один раз

удар летающей наковальни. Короче, Лоррденховен при всей пакостности своего характера подтвердил, что тактик он отменный и предмет свой отлично знает не только в теории, но и на практике.

— Итак, мои дорогие дубы, начнем. Берите в руки перья и шелестите своими листочками. Записываем тему сегодняшней лекции: «Строительство стены между гномами и василисками в период раздробленности светлых земель».

Мы начали усердно выводить руны. Лоррденховен расхаживая между парт, диктовал, причем слова произносил он так, словно молотком их в наши головы вколачивал. Захочешь — не забудешь.

Предмет был нудным, и веда его другой преподаватель в какой-нибудь светской академии, наверняка половина студентов спала бы. Но тут, в военной магистрии, все бдели. И лектор, и кадеты, и даже портреты великих полководцев на стенах.

— А сейчас вопрос: почему ныне, спустя почти десять тысяч лет после этого противостояния, василиски стыдятся дворцов, возведенных в центре столицы своего княжества? К слову, очень красивых зданий, которыми ныне восхищаются все гости города. Их строили далекие предки нынешних василисков...

Мы все крепко задумались.

— Эландриэль, ваши предположения?

— Возможно, эти здания напоминают о том, что василиски были в свое время зависимы от гномов? — отрапортовал ушастый.

— Крисрон. Ваше мнение на сей счет?

Так, значит, Эл не угадал. Я поднималась с места, а мысли в моей голове носились с бешеной скоростью. Из лекции выходило, что противостояние между гномами и василисками — это пример войны, выигранной без единого выстрела. Лишь перьями и договорами. И после нее экономика василисков пришла в упадок... И посреди этого разорения — вдруг великолепные дворцы? Но построить их гномам на своей земле проигравшие бы не позволили... Или...

— Возможно, гномы выкупили землю в столице, где ныне стоят эти здания? — полувопросительно ответила я и увидела, как довольно улыбнулся Лоррденховен.

— Вы почти угадали, Крисрон. Только земля была не выкуплена, а отдана в аренду гномам. На пятнадцать тысяч лет... На ней-то горные жители и построили свои так называемые дворцы: торговые дома, гостиницы, банки. Сейчас каждый приезжий, восхищаясь архитектурой столицы василисков, нечаянно напоминает тем о проигрыше и унижительном положении, когда их правитель, Гусмонд IV, был вынужден ради пополнения обедневшей казны отдать землю в центре столицы в аренду. Такой тактический шаг был лучше, чем любые взятки историкам и летописцам. Свитки переписать легко, а память о позоре, увековеченном в дворцах, которые каждый день видят глаза тысяч обывателей — лучшее напоминание о том, что не стоит замахиваться на грозного соседа. К слову, больше василиски никогда не рисковали идти войной на гномов. И о пограничных залежах аллурия не спорили. Это была действительно победа гномов. Без единого выстрела и обнаженного меча, без отрубленных голов на пиках и сожженных поселений. И договор, подписанный чернилами, а не кровью, оказался нерушимее клятв. Любая война, любой бунт, рождается не от притеснения, а от забвения, — такими словами завершил лекцию Лоррденховен.

Когда я одной из последних покидала аудиторию, он окликнул меня:

— Крисрон.

— Да, лэр Лоррденховен.

— Крис, а вы не думали о том, у кого в этом году будете писать курсовую работу?

— Нет, — растерялась я.

До защиты первых курсовых было ещё два года. Да и я здесь ещё только вторую неделю.

— Подумайте насчет моего предмета. Я за вами наблюдаю все лекции и хочу отметить, что у вас очень интересный склад ума. Идеальный для ученого, полководца или преступника... Преступника? Вот же ж... тактик эдакий. И ведь наверняка большинство преподавателей ещё только начали присматриваться к кадетам, которые вообще пока не думают над курсовыми, а этот — уже.

— Спасибо, можно я подумаю с седмицу? — я склонила голову в благодарном жесте.

Глаза Лоррденховена на миг блеснули, словно он знал о том, что спустя семь дней я дам положительный ответ. Ну да, с практикой по заклинаниям у меня было мягко говоря не очень. А вот в его предмете и магом-то быть не обязательно...

— Конечно, — лэр Лоррденховен улыбнулся тонкими губами. Он был немолод, въедлив, но умен: чего не отнять, того не отнять. — Думаю, вы примете правильное решение. У вас хорошо получается, — тут он на миг замолчал, подбирая слово: — думать, решать загадки. Так что я в вас не сомневаюсь.

Я вышла из аудитории с мыслью о том, что хоть кто-то если не мне, то в меня верит. Потому что за неделю достали злобные взгляды и шепот в спину от светлых. Та пятерка счастливиц все ещё была в лазарете. Всех темных, чей уровень дара позволил бы проверить подобное, допросили. Меня тоже. Но камень истины горел зеленым, подтверждая правду. Виновного так пока и не нашли, но все кадеты были убеждены в том, что это сделала я. Темные гордились. Светлые ненавидели.

Причиной, по которой меня ещё не придушили за углом, был Риг. Я поклялась ему, что не утаскивала пострадавших во тьму, а он в свою очередь заявил, что вызовет на дуэль того, кто свернет мне шею. Правда, потом он добавил, что хочет это сделать лично... Но это уже мелочи. Ситуация откровенно бесила. И сейчас слова Лоррденховена натолкнули меня на мысль... А что если разобраться во всем самой? Тем более подозрения уже были...

Следующее занятие по руническому письму стало интересным, не успев начаться. Хотя бы потому, что на моей парте обнаружилось сразу два букета. Оба гербария были с невинными записками и приглашениями провести вечер.

Я мысленно застонала. Судя по всему, у меня имелись все шансы схлопотать наряд за обдирание клумб: на одном из цветочных веников даже были комочки земли, выдавая происхождение букетов.

«Ты свободна после шести? Я за тобой зайду. Нэш» и «Прогуляемся вечером? Лекс» гласили бумажки. На меня с интересом смотрели не только потенциальные кавалеры, но и остальные кадеты, ожидая, чей букет я приму, сказав тем самым «да».

Колокол уже давно пробил, ознаменовав начало лекции. Лэрисса Мейн, дама глубоко «за», с крючковатым носом и горбом запаздывала. Но вот в коридоре послышался стук ее каблучков. Я тут же вспомнила навыки закидывания крючьев на стену, и... букеты приземлились на стол преподавателя ровно в тот момент, когда открылась дверь.

В гробовой тишине магесса Мейн прошествовала к своему столу, и тут... Были и изумление, и неверие, и внимательное чтение. А потом — благосклонные взгляды в сторону двух грабителей клумб. Да и само занятие в целом прошло на удивление спокойно, нервничали разве что авторы записочек. А так даже неудов никто не получил. Только после окончания занятия магесса попросила двух кадетов: Нэштона и Лекса задержаться...

Но если я думала, что с букетами покончено, то сильно ошиблась. Это было только прелюдией. В коридоре ко мне подлетел Рейзи. Правда, третьекурсник, в отличие от первокурсников, оказался уже более подкованным, и ободрал не клумбу, а оранжерею.

— Это тебе! — радостно протянул он мне букет из музыкальных лилий.

Цветы возмущенно шелестели лепестками, а один бутон и вовсе вздумал браниться на варвара, что сорвал их.

Но Рейзи лишь крепче сжал букет, встряхнул его как следует и тихо прошепел:

— Пойте, пока вас не переломал и в мусор не выкинул!

Венчики лилий тихо завозмущались таким произволом, но потом звонким речитативом произнесли:

— Крис, ты удивительна, ты хороша, твоя душа прекрасна и черна...

Рейзи буквально всучил мне в руки это поющее безобразие и спросил:

— Крис, через три дня ты пойдешь со мной на свидание?

— А почему именно через три? — ошарашенно спросила я, думая, как бы заткнуть музыкальный веник, который старался всюю, громко голоса бред про романтическую прогулку по кладбищу под луной...

— Потому что до этого я буду сидеть в карцере, — ничуть не опечалившись, заявил Рейзи.

— А как же твоя... — я забыла имя девушки. — К которой не приближаться? — и иронично вздернула бровь.

— Ну, это было до тебя, — оптимистично заявил темный. — А сегодня я увидел, что ты невероятная...

Я не смогла удержаться от улыбки. И тут на всю академию раздался усиленный голос:

— Кадет Рейзи Ромс!

Как выяснилось чуть позже, темный угадал не только с видом, но и со сроком наказания.

Пока же Рейзи, подмигнув мне, крикнул:

— Дождись меня, малышка, — и, смеясь, убежал.

А я осталась с дурацким поющим венком в руках.

Опустила лицо и, несильно сжав цветы, тихо прошептала: «Хватит уже!» Лилии тут же замолкли. А когда подняла взгляд от букета, то первое, что увидела — Риг, стоявший дальше по коридору. С виду он был абсолютно невозмутим. Вот только ладони, сжатые в кулаки, искрились молниями.

Он пристально смотрел на меня. И я могла поспорить на что угодно, что враз смолкшие лилии в моих руках тоже чувствовали этот взгляд. Ведь сколько я раньше не сжимала их в кулаке, они, паршивки, и не думали затыкаться. А тут — как по команде.

Впрочем, неважно. Я поправила сумку, собираясь развернуться, когда Эл громко окликнул меня:

— Крис, ну сколько тебя можно ждать!

Эльф, смеясь, подбежал ко мне и шутя заявил, что если я так и буду тут торчать, то скоро в оранжерею обдерут ещё и герберы, которые выпускают салют из золотой пыльцы, и тогда уже мне точно попадет. Причем не от ректора, а от госпожи Хламидис, что заведовала теплицами. Эл тархтел, а я украдкой оглянулась. Рига в коридоре уже не было. Так и не поняв, с чего взбеленился светлый, я пожала плечами и отправилась в столовую. Букет лилий сунула под мышку: уж больно неудобно его было нести перед собой.

Эльф сегодня был крайне воодушевлён: размахивал руками, смеялся. Причина его энтузиазма была проста: у нас изменилось расписание. Из командировки наконец прибыл магистр Вонс, и первому курсу сегодня после обеда не нужно было идти на полигон на тренировку. Вместо нее нас ожидал загадочный практикум «Примитивные твари Мрака».

— Крис, ты предоставляешь, мы попадем в пещеры, где содержат тварей бездны! — энтузиазм Эла можно было использовать вместо тарана для крепостных ворот.

Я его радости не разделяла. Может потому, что была слегка знакома с уроженцами бездны, особенно с одним. С тем далеко не низшим представителем этого самого Мрака, который вообще нацелил клыки на самого ушастого. Вот только наивный эльф об этом пока не догадывался.

— Ты зануда, — вынес вердикт Эл, поняв, что во мне он не найдет единомышленника. —

Магистр Вонс часто уезжает, он еще несет службу. Еще бы! Он — один из семерки верховных порубежников. А это, я тебе скажу, не палочка для ковыряния в носу! — подняв указательный палец, гордо заключил Эл, словно в том, что Вонс имел столь почетную должность, была его, эльфа, конкретная заслуга.

Видать, не только от нежеланного брака утек ушастый в академию. Похоже, если он не найдет здесь своего призвания, то все равно будет где-то близко.

— Слушай, ну практика и практика. Что такого-то? — пожала плечами я, не разделяя бурного восторга приятеля, который сегодня даже про уху и жаркое забыл.

Кстати, вкусное жаркое... Я его уже почти доела и собралась по-быстрому сбежать к себе.

Нужно переодеться в тренировочную форму и поставить букет в воду. Все же раньше ради меня никто в карцер не попадал и оранжерей не грабил. Да и цветов жаль. Красивые. Завянут же.

— Что такого? — возмущенно завопил Эл. — Я специально спрашивал: на практикум только с третьего курса отправляют. А в этот раз — первогодок.

Слова ушастого заставили меня задуматься о таком кардинальном изменении учебного плана: уж не из-за того ли, что пятерых светлых уволокло в бездну?

— А нам вообще знаний хватит? — вслух выразила я свои опасения, зная точно: мне — нет.

Эл призадумался. Таким я его и оставила, договорившись, что встретимся в зале переброски.

Спустя удар колокола я, переодевшаяся в форму для тренировок, стояла вместе с тремя дюжинами первокурсников в здоровенной комнате, что находилась на нижнем, подземном, ярусе академии — зале переброски. Свое название оный получил не зря.

Сама магистерия находилась у подножия горной гряды, что разделяла светлые и темные земли. А вот пещеры, где содержались пойманные твари Мрака — в самих горах. И до них вел длинный тоннель, по которому нас и должны были перебросить.

Я поежилась, глядя в черную здоровенную (выше меня в несколько раз) дыру, которая больше всего сейчас напоминала мне глотку здорового дракона, прокурившегося до потрохов. Оттуда несло сгоревшей серой. Ажурные чугунные ворота, что закрывали вход, не давая самым любопытным кадетам сунуть нос в тоннель, лишь усиливали контраст светлого зала и грубо отесанного хода.

Первокурсники переглядывались, шептались и ждали легендарного Вонса. И он явился. Правда, не один, а с ... другой группой. И что здесь забыли кадеты старшекурсники, я не поняла.

Впрочем, магистр, попыхивая трубкой, тут же дал ответ на мой так и непрозвучавший вопрос: — Сегодня у нас спаренное занятие. Младшие будут учиться защищать себя от огненного гребневика, а выпускники — следить за тем, чтобы во время защиты первокурсники не самоубились. Вопросы есть?

Вопросов не было. Ни у кого.

Я почувствовала на себе взгляд. Еще не обернувшись, знала, кому он принадлежит. Не ошиблась — Риг.

Светлый был так же невозмутим, как и в коридоре. Но его мрачный взгляд наталкивал на мысль: а не пора ли мне, на всякий случай, сшить белое платьишко? То, чтобы померить которое, нужно помереть.

— Разбейтесь на пары, — провозгласил магистр.

И едва он договорил, ко мне ринулись сразу двое темных. Успел тот, кто использовал не только силу и ловкость, но и одно из вернейших средств в достижении цели — подножку.

Соперник не упал лишь благодаря невероятной ловкости, но замешкался.

— Привет, крошка. Сегодня я буду твоим куратором, — заявил смуглый некромант. В его ухе поблескивала серьга с черепом, длинные волосы были собраны в хвост.

Что-то, а самоуверенность темные могут давать взаймы. Фамильярно легшая на мое плечо рука стала последней каплей. Похоже, зря я так радовалась новой форме: проблем от нее не меньше, чем удобств.

Уже прикинула, как половчее заломить хваталку и проникновенно объяснить, кто тут крошка, в кто — черствый каравай, о который и зубы можно обломать, как в мой план бесцеремонно вмешались.

— Сансар, Крисрон со мной, — Риг выразительно глянул на темного.

Жаль, что тот не проникся.

— А если нет?

— Нет, так нет, — на удивление покладисто отступился Риг. — Но если что, я тебя предупредил: десятый уровень. Пожирательница. Силу дара контролирует плохо. Так что если тебя слегка размажет по пещере...

— Вмазать бы тебе, да не за что... — отходя, буркнул темный.

— Угу. А ещё я ответить могу, — сквозь зубы прошипел Риг.

Судя по милой беседе этих двоих, вражда между ними была давней, обоюдной и напоминала бородавку на колене: вроде и бесит, но и не сильно мешает...

— И часто отвечал? — заинтересовалась я.

— Семь дуэлей на мечях, без магии. Это не считая простых драк, — машинально ответил Риг, с прищуром глядя на удаляющуюся спину.

— А почему без магии? — спросила я, догадываясь об ответе.

— Потому что у Сансара восьмой уровень. С моим десятым это было бы бесчестно.

— Разбираем крючья и перчатки. Они в сундуке, — между тем скомандовал Вонс. — Старшие, объясните малышам, как пользоваться.

Малышня (к слову, некоторые — здоровенные лбы, типа Нэша) проглотила реплику магистра молча. Риг, подойдя к сундуку, достал оттуда искомое для нас обоих.

— Держи, — мне всучили странного вида то ли скобу. — Крюк всадишь в кожу, а правой рукой в перчатке ухватишься за шип, — кратко пояснил Риг, натягивая на свою кисть защиту из дубленой кожи, а потом небрежно спросил: — что у тебя с тем темным, который лилии дарил?

Больше книг на сайте —

Он вроде бы произнес вопрос мимоходом, но по тому, как внимательно светлый посмотрел на меня, я поняла: ждет ответа.

— Мы с ним в карцере вместе сидели.

— Что-то мне после карцера никто букетов не дарил, — фыркнул светлый.

— Слушай, с чего тебя это должно интересовать, что у меня с Рейзи? — прищурилась я.

И вроде сказала чистейшую правду, но ответ Ригнару не понравился: губы сжались в тонкую линию.

— С того, — с тщательно контролируемой злостью начал светлый, — что меня просили подтянуть твою успеваемость. А если ты будешь бегать на свидания вместо занятий...

— Построиться парами! — перебил окрик преподавателя. И уже в глубину тоннеля: — выпускайте пещерную нереиду!

Петли на воротах закрипели, и мы увидели, как из бокового ответвления в основной туннель, извиваясь и перебирая гигантскими щетинками выползает здоровенный червь.

Его членистое тело быстро перетекало в проход, по которому нас должны были перенести в пещеры. Повторяющиеся сегменты громадного тела при движении нереиды ходили ходуном отчего пластины панциря издавали треск.

— Чего стоим, запрыгиваем. Нереида ждать не будет. Отставшие пойдут пешком и даже дойдут, если червь не сожрет их, возвращаясь обратно.

Я припомнила, что совсем недавно читала, готовясь к бестиологии, об этих тварях: здоровенные черви, живущие под землей. Приручены сравнительно недавно. Способны прогрызать ходы в каменной породе. А следовательно, и зубки у них соответствующие. Еще и расположенные по кругу глотки в сотню рядов. Такие перетрут тебя — и не заметят.

— Бежим, — Риг схватил меня за руку, свободную от перчатки, и мы первыми после Вонса ринулись в тоннель.

Догнав нереиду, светлый на полном ходу вонзил в нее крюк. Меня дернуло вверх, и я инстинктивно ухватила рукой в перчатке за шип, коих было множество.

— Упрись ногой в основание надбрюшной пластины! — крикнул мне светлый.

Я мысками сапог наступила на узкую пластинку. Она ходила ходуном в такт движениям щетинок. Рукой ухватила за шип. Теперь понятно, зачем нужна была столь прочная перчатка: содрать кожу на ладони до мяса здесь было делом нехитрым.

— Держись, сейчас червь на хвост насыплут угли и он помчит! — прокричал Риг, глядя на меня и все так же не отпуская моей второй руки. А его глаза... Они смеялись! Он был счастлив, словно оказался в своей родной стихии, когда вокруг лишь скорость и азарт.

Сам же чокнутый светлый держался на одном крюке, который всадил в червя. Псих. Но что-то было в нем такое, отчего мне не хотелось, чтобы он отпускал мою руку.

И тут червь взревел. По телу твари прошла судорога и членики его тела пришли в бешеное движение. У меня в ушах засвистел ветер.

Абсолютная тьма, крики первокурсников, смех выпускников. Нереида сейчас напоминала лавину: беспощадную, стремительную и способную смести все и вся на своем пути.

Мне оставалось лишь крепче держаться и молиться, чтобы не упасть. И чтобы все поскорее закончилось.

Но то ли я у небесных покровителей была на плохом счету, то ли адресом канцелярии ошиблась, и просить стоило обитателей Мрака... Сумасшедшая гонка завершилась нескоро.

— Приготовься! — крикнул светлый.

Впереди забрезжил свет.

Риг напружил ноги, чуть оттолкнулся ими от тела червя и, подпрыгнув, высвободил крюк, а затем полетел вниз. Хорошо, что перед этим все же отпустил мою руку. Куда и как он упал, я не видела, поскольку мне самой было слегка некогда: я пыталась не свернуть себе шею.

Вывернувшись кошкой, я прыгнула вниз, стараясь отлететь как можно дальше от мощного тела нереиды. Приготовилась удариться о камни и даже успела сгруппироваться, прежде чем врезалась в скалу. В слишком уж в мягкую скалу. К тому же та еще и знакомо так фыркнула.

Риг поймал меня.

— Чтобы убиться, есть куда более простые и эффективные способы, — процедил он. И куда делся тот счастливый взгляд светлого? Как только он оказался на земле, враз нацепил на себя маску ледяного высокомерия.

— Ну что, все живы? — между тем по пещере разнесся голос магистра Вонса.

— Вроде, — ответил кто-то из старшекурсников.

— Жаль... — притворно опечалился преподаватель. — Чем меньше народу, тем легче вести занятие.

Выпускники заулыбались, словно услышали отличную шутку. А навстречу нам размашистой походкой уже шел великан.

Своды пещеры были настолько высокими, что свет факелов не достигал потолка, но тем не менее казалось, что эти подземные хоромы все же маловаты здоровенному горному троллю.

— Магистр Вонс, — склонив голову, почтительно произнес громила, чья кожа напоминала потрескавшуюся красную глину.

— Гырхор, и я рад тебя видеть, — попыхивая длинной изогнутой трубкой отозвался преподаватель. — Огненный гребневик готов?

— Уже на арене, — кивнул тролль.

Это был первый горный тролль (а мне довелось их повидать, когда мы через перевал переправляли пять сундуков с отличнейшим ромом) который оказался на удивление проворен для своих габаритов. Впрочем, это не единственное, что отличало Гырхора от его соплеменников: он был одет! Пусть только в безрукавку и штаны, но и то уже большой прогресс. К тому же он совсем не напоминал тех тупых гигантов, которые считали, что лучше приветствие — это удар собеседника дубиной по голове. А если тот посмел увернуться, то значит недостаточно уважает великана. А с теми, кто тебя не уважает, церемониться и вовсе не стоит...

Между тем тролль развернулся к нам спиной и, махнув рукой в жесте «следуйте за мной», пошел вглубь пещеры.

Магистр Вонс — за ним, а мы — за преподавателем.

Оказалось, что подземный лабиринт — это место, где содержат тварей бездны. Под землей, в безлюдных горах, чтобы случись что — можно было отделаться простым обвалом. Если твари все же вырвутся, проще обрушить своды пещер, чем на поверхности потом заново восстанавливать города и хоронить тысячи мирных жителей.

Низших тварей Мрака держали в клетках, загородках, а самых опасных — еще и в оковах. Конечно, все исчадия бездны, которые здесь находились, были ослаблены и едва ли смогли бы биться даже вполсилы своей силы, но... порубежников нужно было натаскивать. И делать это не на фантомах.

«Вы должны в первую очередь научиться не атаковать заклинаниями, а смотреть в глаза собственному страху», — с этой фразой Вонс отодвинул засов двери, и мы вышли на арену. Еще одна пещера. Округлая, освещаемая сотней факелов, со сводами, на которых были следы почерневшей крови и копоты.

А в центре, в заклепанном ошейнике, на цепи бесновался огненный гребневик.

Тролль подошел к тому месту, где цепь соединялась с вмурованным в камень кольцом и ошутимо рванул ее, заставляя тварь дернуться.

Я слотнула, рассматривая гребневика. Да нереида по сравнению с ним — милая лапочка. Выкидыш Мрака был гораздо меньше червя, что перебросил нас сюда, но... Глядя на этого гада, я поняла суть поговорки: главное — не размер, а сила злости.

Мощные лапы с суставами, вывернутыми под невероятными углами, вздыбленная спина, напоминавшая перевернутую щетку. Именно она считалась самой опасной: между ее выростов таились длинные огненные щупальца двух типов: первыми гребневик захватывал жертву, а вторыми — рассекал ее на части.

Спина со здоровенным гребнем переходила в холку. Лобастая башка, желтые глаза со змеиным зрачком...

В глотке гребневика зародился то ли рев, то ли рык. Стены пещеры содрогнулись, когда раскатистый звук прокатился по сводам, застряв вверху, между игл свисавших сталактитов. Вонс задумчиво задрал голову. Рык не произвел на него ровным счетом никакого впечатления.

— Гырхор, когда срежешь эти сосульки. Упадут ведь, покалечат...

— Да что с вашими кадетами делается, они же живучие, — пробасил тролль.

— Я не про кадетов, я про тварей, — выпуская кольцо дыма, отозвался Вонс. — Их добыть из бездны — целая наука. Не то что этих охламонов, которые сами в академию лезут.

О как. Судя по всему, нам достался преподаватель-полиглот, который, помимо всеобщего, прекрасно владел еще тремя языками: иронии, сарказма и матерным. О том, насколько глубоки лингвистические познания в последнем, я имела возможность убедиться спустя удар колокола. Пока же я, как и остальные первокурсники, с затаенным страхом взидала на гребневика.

— Итак, повторяю всего десять раз, недорогие мои смертники, — начал свою речь преподаватель. — Гребневик — тварь первого класса опасности. То есть справиться с ней можно и в одиночку. Сейчас я даже покажу вам, как именно. Благо позавчера отловили совсем свежего гребневика...

Тварь рыкнула, перебивая преподавателя. Вонс по — особому, магически, с морозцем дунул на трубку, гася тлеющий табак. Затем заправил ее за пояс и выразительно размял пальцы.

— Итак, сначала круговой щит, — взмах руки и тело магистра оказалось в полусфере. — Простой щит — лишь трата вашего ресурса, который не бесконечен. Щупальца гребневика легко перекинутся через преграду простого щита и обезглавят вас. Даже атакующего аркана сплести не успеете. К слову, о последнем. Если у вас восемь и более единиц — лучше использовать плетение Айлат. Оно самое надежное. Если меньше — то Мангус. В такое нужно вложить всего четыре единицы силы, но его построение занимает больше времени. И главное: аркан должен сдавить шею гребневика. С первого раза. Второй попытки эта тварь обычно не дает.

После короткого инструктажа Вонс показал все на практике.

Гребневика спустили с цепи, тот ошетинился и попытался достать магистра. Огненная плеть ударила о купол, взвилась для удара и тут преподаватель кинул аркан. Горло гребневика сдавило, он засучил лапами.

— Так, а теперь первокурсники. Ваша задача хотя бы не покалечиться. А выпускники будут за этим следить. Начнем с сильнейших. Кто из вас Крисрон? — и зоркий взгляд Вонса начал просеивать толпу.

Пару раз мазнул по мне, не задерживаясь. Когда пауза затянулась, я вынуждена была сделать шаг вперед.

— Я.

— М-да... — оглядев меня произнес Вонс и, уставясь вниз, словно спросил у кого-то там, в глубине: — И отчего в преподавании не может постоянно везти, а вот постоянно не везти — легко? Десятый дар. Пожиратель и... ка-дет-ка, — последнее слово он протянул с таким сожалением, что в пору было ему посочувствовать.

С моему плечу склонился Риг и одними губами произнес:

— Круговой щит создается мыслеформой сферы. На выдохе используешь заклинание Эйрус и наполняешь его силой. Вкладывай ее, не жалея.

Я кивнула, благодаря за подсказку.

— Ну-с, лэрисса Крисрон, прошу!

Преподаватель сделал приглашающий жест, и едва я поравнялась с ним, щелкнул пальцами, снимая аркан с гребневика.

Тварь вздрогнула всем телом, повела мордой, и тут ее глаза загорелись, будто она получила приказ. Гребневик вскинулся, повел носом, втягивая воздух, оскалил пасть. Миг — и он в прыжке оказался на лапах и помчал на меня.

Даже когда тролль только разомкнул цепь, и то тварь не была столь неистовой, как сейчас.

— Назад, — первым сориентировался Вонс, и запустил в гребневика заклинанием и матюгами. Последние — наверняка для усиления если не магического, то психологического эффекта.

— Крис! — Риг рванул наперерез между мной и тварью, на бегу зачерпывая сырой силы. Два удара пришлось по гребневику синхронно, но, казалось, он их не почувствовал. Лишь остервенело помотал башкой. В него тут же полетела дюжина заклинаний от старшекурсников, но раньше он успел выпустить из спины щупальца.

Казалось, гребневику абсолютно плевать на всех вокруг, кроме меня. Немигающий взгляд, оскаленная пасть с острыми клыками, в которой пенилась желтая слюна.

Огненные канаты полетели только в меня. Один из них Риг отразил щитом. Второй чиркнул его по груди, а третий скользнул у самой земли и обвил мою ногу. Резко дернул, роняя.

ГЛАВА 7

Я выдохнула:

—
Эйрус!

И обратилась к своему источнику, выбирая его если не до дна, то на половину уж точно. Щит буквально обрушился на нас с Ригом, ударил об пол и начал стремительно разрастаться, разрубив щупальце, которое тут же обуглилось. А «Эйрус» меж тем рос и рос, прижимая к стенам и кадетов, и тварь, и здорового тролля.

— Крис! — Риг обернулся, присел, заглядывая мне в глаза. — Крис... Ты контролируешь силу, не она тебя.

Его слова едва пробивались через дикую боль. Казалось, чуть выше сапога мне и вовсе отрезало ногу, над которой сейчас колдовал Риг.

— Крис...

Всего лишь мое имя. Но как можно в одно слово вложить столько? Отчаяния. Веры. Надежды. Боли.

Все-таки я смогла. Вернула контроль над источником. Сфера щита на миг перестала расширяться. Замерла, а потом начал медленно сжиматься. Когда же она и вовсе исчезла, то выяснилось, что больше всего повезло кадетам, оказавшимся у входа. Вонс вовремя сориентировался и сейчас левитировал под потолком. Тролль распластался у стены. Щит мерцал всего в паре ладоней от его лица, когда я успела остановить заклинание. А вот меньше всего повезло твари. Она оказалась рядом со стеной, и заклинание размазало ее ровным слоем по камням.

— Что ж, — опускаясь вниз, невозмутимо заключил Вонс, — опытным путем мы выяснили, что с гребневиком можно справиться, используя только лишь защитные заклинания, с учетом того, что вы пожиратель.

Но это я уже слышала, находясь на руках у Рига.

— Ну... Поскольку благодаря некоторым у нас больше нет учебного пособия, то вернемся в академию. Задание — реферат на тему: «Особенности поведения гребневиков», — Вонс говорил совершенно спокойно, даже улыбался, но я отчего-то была уверена, что его невозмутимость — напускная.

Я печенкой чуяла, что порубежник будет рыть землю, выясняя, отчего гребневик так взбесился. Вот только узнает ли? Хотя... Сдается мне, ответ прост: охота шла на меня. Вернее, на ту, которая помогла сбежать из Мрака одной демонице...

Боль в ноге начала убывать.

— Тише-тише. Я наложил замораживающее заклинание, но тебе нужно срочно в лечебницу.

Ожог сильный, — успокаивающе прошептал Риг.

Я нерешительно покосилась на голень. Выше сапога ткань была сожжена и кожа, впрочем, тоже. Но хотя бы нога была при мне. Хотя смотреть на нее было страшно.

Пальцы нечаянно дотронулись до груди Рига, державшего меня. Я тут же их отдернула. Колет и рубашку чуть правее сердца рассекал опаленный разрез. А под тканью была видна запекшаяся кровь. Судя по всему, светлому досталось не меньше. А ведь он себе никаких замораживающих заклинаний не накладывал. Еще и меня держит.

Риг, словно прочитав мои мысли, сквозь зубы процедил: «Ты можешь тихо посидеть?». А я что? Я ничего. Сказано сидеть — сижу. Тихо. Даже здоровой ногой не дергаю.

— Гырхор, — обратился преподаватель к отлипнувшему от стены троллю, — проводи Ригнара с его ношей до телепортационного камня. Эта раненая на нереиду не запрыгнет, — и уже себе под нос сокрушенно пробубнил: — Десятый уровень... и девка!

Как оказалось, из пещеры существовал и экстренный выход. Стандартный телепортационный камень. Такие способны переносить на любые расстояния. Вот только требуют на это прорву

энергии и рассчитаны обычно на одного человека. Бывают, конечно, на двоих, троих и даже на четверых, но таких камней в империи — раз-два и обчелся. Здешний был на одну персону. Я прижалась к светлому как можно крепче, чтобы матрица переноса приняла нас за единое целое. Риг дотронулся локтем до мерцающего булыжника, и нас окутало светом. Миг. Яркая вспышка. А за ней — будто из-под ног выбили пол. Мы провалились в колодец, где нет ни пространства, ни времени.

Я ощущала лишь то, что Риг рядом. Чувствовала, как бешено колотится его сердце, и как крепко он прижимает меня к себе.

А потом все исчезло: и свет, и ощущение полета. Мы оказались в малом телепортационном зале, что был рядом с лечебницей.

То ли у врачей стоял оповещающий сигнал, то ли Вонс сообщил, но нас уже ждали. Едва я оказалась на кровати в палате, как лекарь, увидев располосованную грудь Рига, всплеснула руками и скомандовала, чтобы светлый, если не хочет стать пособием для некромантов, немедленно занялся лечением.

Лэрисса Йонга, а именно так звали целительницу, тут же наложила на кадета заклинание заморозки, отправила его в соседнюю палату и предупредила, что как только закончит со мной, займется непутевым выпускником, который так неосторожно подставился.

То же самое она бормотала, срезая с меня штанину. Свет переливался, играл, словно в весенних сугробах, в ее абсолютно седых волосах. Лэрисса была немолода. Но и старой ее язык не повернулся бы назвать. Да, сеть морщин вокруг глаз, да, раздобревшая фигура — но во всем ее теле, в руках, была такая живость, хватка, проворство... В ней бурлила жизнь. Обычная, заполненная повседневными заботами. И тем притягательная.

Целительница расправилась со штаниной в один миг. А вот над сапогом надругаться подобным образом я не дала. Новую форму мне было хоть и жаль, но все же штаны можно носить любые, а сбивать ноги в кровь в сапогах, которые велики, не хотелось. Потому я, шипя от боли, стащила с ноги целехонькую обувь.

Целительница ничего не сказала, лишь покачала головой.

Промыв ожог, лэрисса Йонга простерла над ним руки. Из ее пальцев полился голубоватый свет, и я почувствовала, как меня словно вновь полоснуло огненным щупальцем. Стерпела.

— Ну вот и все, — закончила свою экзекуцию целительница, — сейчас я обработаю ожог мазью, и уже утром от него не останется и следа. Правда, эту ночь придется потерпеть. Раны от тварей Мрака безболезненно не проходят. А теперь — отдохни. К вечеру можешь встать, только на больную ногу не налегай. А я пока пойду к твоему другу. Ему тоже досталось... И чему только старшекурсников учат? Выпускник ведь, мог бы и увернуться. Дверь за ней захлопнулась, а я так и сидела на кровати.

— Если бы он увернулся, то подставил бы под удар меня... — проговорила я. И не сразу поняла, что вслух.

Усталость накатила неожиданно, словно лопнула внутри до предела натянутая струна. Я легла на постель, и едва голова коснулась подушки, провалилась в сон.

Ночью меня разбудил странный скрип. Причем не двери, окна. Негромкий. Кто другой бы и не проснулся.

Я тихонько приподнялась с постели.

Ко мне пытались вломиться. Причем абсолютно по-дилетантски! Ну кто так на подоконник встает?! Сразу всей ступней и на середину. Там же могут быть расставлены ловушки вот для таких горе-грабителей. А ночной тать, помимо всего, даже смазать петли рамы не потрудился... Между тем незваный гость, у которого я могла рассмотреть лишь силуэт, бесшумно поставил на подоконник сапоги, что держал в зубах, и спрыгнул на пол. Вот тут я его узнала:

— Риг? Ты что здесь делаешь? — изумилась я, незаметно возвращая на место увесистый бутылек, который схватила с тумбочки, стоявшей рядом с кроватью.

— Крис? Ты не спишь? — поразился светлый, уже не таясь.

— Ты так топаешь, что захочешь — не уснешь. И к тому же, тебе лежать надо.

Выздоровливать...

На светлом были лишь штаны. Грудь пересекала плотная повязка. Он переступил босыми ногами, хмуро глядя на меня.

— Вы что, с лэриссой Йонгой сговорились? Она весь вечер мне это же твердила. Даже из палаты выходить запретила и заперла дверь.

— Поэтому ты решил через окно? — начало доходить до меня.

— Через соседнюю дверь, — педантично уточнил маг. — Надеюсь, хотя бы тебя она не заперла?

Я пожала плечами, потом насмешливо уточнила:

— Она что, и одежду отняла?

— Разрезала, — нехотя признался светлый, взял с подоконника обувку и, бесцеремонно усевшись ко мне на кровать, принялся наматывать на ноги портянки. А затем и вовсе обул сапоги. — Все. Я тороплюсь.

Он сидел близко. Боком ко мне. Я видела, как перекачивались мышцы на его спине, как их перетягивала тугая повязка. Интересно: куда ему на ночь так приспичило?

Отчего-то вспомнились царапины на его плече. То, как он дернулся рукой к шее, когда я сказала о засосе. Что-то внутри неприятно кольнуло.

— Так рвешься на свидание, что и запертая дверь в лазарете — не преграда? — поддела я. А вот того, что случилась дальше, я не ожидала.

Светлый резко всем телом развернулся ко мне. Лица оказались друг напротив друга. Настолько, что наши волосы соприкасались. Я чувствовала запах Рига, его горячее дыхание.

Мы так и замерли. Он прикрыл глаза, втянул воздух, словно пытаюсь успокоиться, взять себя в руки.

— Как же ты меня бесишь, Крис! — выдохнул он почти мне в губы. — Проклятая темная!

— Так зачем тогда меня спас сегодня? — выпалила я, закипая.

— Потому что идиот! — прорычал Риг.

Сильные руки светлого рывком притянули меня, притиснув к крепкой груди. Жар его тела, мой сдавленный выдох. Риг накрыл мои губы своими. Жадно, зло, требовательно. Словно пытаюсь найти ответ на мучавший его вопрос.

Это был уже не сон. И мне стоило оттолкнуть его, залепить пощечину. Но все мысли враз улетучились. У меня не было ни сил, ни желания сопротивляться этому безумию. Даже не так: я хотела его. Хотела ощущать сильные напряженные мышцы под своими ладонями, вдыхать его запах, отвечать. Чувствовать, как он впивается в меня губами.

Когда поцелуй из яростного, неистового стал глубоким, проникающим, кажется, не понял ни один из нас. Я цеплялась за его плечи, его руки ласкали, не давая ни шанса отстраниться.

— К бездне все. И полет, и ставки... — его дыхание лизнуло мои губы.

Горячая кожа, бешеный стук сердца. Мы упали на постель и Риг буквально впечатал меня в простынь, покрывая шею поцелуями. Я застонала, подаваясь навстречу.

Риг тихо зарычал. И этот звук вибрацией отдался внутри меня, заставляя вздрогнуть в предвкушении. Желание выжгло все доводы разума, оставляя лишь оголенные нервы.

Еще ярче. Еще сильнее. Еще безумнее. Казалось, сейчас по жилам бежит не кровь, а раскаленная лава.

Переплелись наши пальцы, мысли, чувства.

Я не заметила, как задралась моя рубашка. Риг стал прокладывать дорожку из поцелуев.

Подбородок. Шея. Ямочка меж ключиц... Обнаженной кожи живота коснулись шершавые бинты повязки и это отрезвило.

Я дернулась.

Наши взгляды встретились. В затуманенных синих глазах плескалось желание. Страсть.

— Крис, — Риг недовольно зарычал.

До меня начало доходить, что только что чуть не произошло. Меня банально хотели использовать. Это ударило по моему сознанию голой, циничной правдой.

Я отодвинулась. Враз стало холодно, и я одернула задрвшую рубашку, возвращая ее на положенное место. Глядя прямо в глаза светлому, спросила:

— Риг, скажи, только честно, зачем? — я не стала пояснять, но светлый и так все понял.

Он тяжело дышал, будто вынырнул с глубины. Пауза затягивалась. Время превратилось в густую едкую смолу, которая медленно выжигала нервы.

— Ответь мне! — не выдержала я.

— Решил, — он сделал над собой усилие, словно правда, которую хотел сказать, была ему самому противна, — что если получу тебя, то смогу забыть.

От пощечины Риг не отвернулся. Казалось, что даже ждал ее.

Моя рука горела от удара, но гораздо больше было там, внутри.

— Еще. Я заслужил.

— Заслужил? — я взбеленилась. — Благородный ублюдок! Заслужил он. Знаешь, темных считают беспринципными. Но это не так. У сволочизма нет масти!

— Я никогда не говорил о том, что я святой или во мне течет голубая кровь, — Риг разозлился. — Еще скажи, что ты мне не отвечала. Ты же темная, Крис. Для тебя это должно быть в порядке вещей — брать от жизни удовольствие. Мы бы провели ночь...

— А потом ты бы смог ... выкинуть из головы?

— Да, — выдохнул светлый. — Я ненавижу. Ненавижу за то, что ты чуть не угробила Гарди, стремясь сюда, за пятерых кадетов, которые, побывав в бездне, так и не пришли в себя, за то, что тебя мне навязали... Ненавижу. Себя. И презираю. За свою слабость. За то, что думаю о тебе. За то, что сегодня закрыл тебя собой. А не должен был. Я поступил не как будущий порубежник. Ты это хотя бы понимаешь?

Я сглотнула. Потому что понимала. Даже могла дословно процитировать слова устава:

«Порубежник до сорока лет не принадлежит себе. Он меч, который разит, не зная жалости. Он не оглядывается назад. Его задача — уничтожить вырвавшихся из бездны тварей или умереть». Не зря даже жениться и выходить замуж порубежники могли после сорока. Когда заканчивался срок клятвы. Ибо хорош воин, если вместо того чтобы убить тварь, он кинется прикрывать собой близкого.

— Хотя ты и гад, Риг, но спасибо, что спас. — слова давались мне с трудом.

Я прекрасно знала, что придишь удар по мне, огненное щупальце раскрыло бы не колет светлого, а мою шею.

— Вот за это, Крис, я ещё больше тебя ненавижу. Почему ты говоришь «спасибо»? Ты должна была высмеять меня, сказать, что я никчёмный порубежник, сволочь... Но не благодарить.

— Может, потому, что я тоже идиотка? — мне хотелось разmozжить голову этому светлoму, который вздумал меня учить, как нужно говорить гадости.

— Мне жаль, что я не смог удержаться, — Риг развернулся и решительно пошел к двери. Сама не поняла, как у меня в руке оказался ледяной шар. И ведь даже заклинания не произносила. Я не смогла отказать себе в удовольствии швырнуть его в широкую прямую спину Рига. Но то ли светлый обладал чутьем, то ли просто — богатым опытом, но он успел закрыть за собой дверь за сотую долю мига до того, как лед врезался в его башку.

Осколки рассыпались по палате, а я ударила кулаком по подушке.

Ненавижу! Вот только знать бы еще кого больше: его или себя? За то, что, кажется, чувствую к этому гаду.

— Гад! Гад! Гад! — внутри меня ломалось что-то поважнее костей. Может быть, надежда?

В душе бушевал буран. Да и не только в душе. Стены палаты покрылись инеем. На окнах расцвели морозные узоры.

В ушах стояли слова: «Если получу тебя, то смогу забыть». Была задета не только гордость.

Меня. Хотели. Использовать. А потом перешагнуть. Мужская убийственная логика: тебе же тоже было бы приятно.... Задушила бы!

Вдохнула. Потом медленно выдохнула, повторяя про себя: я спокойна. Абсолютно спокойна. Да мою невозмутимость можно взаймы давать. Причем оптом. Даже отмороженным на эмоции эльфам.

Иней на стенах блестел. Ярость, застилавшая глаза, уходила, оставляя место расчетливой злости. Чтобы отвлечься, произнесла вслух:

— Интересно, этот Ригнар родился с таким сволочным характером или проходил специальные курсы?

Ответом мне была тишина, но собственный голос отрезвил окончательно, помог взять свой источник под контроль. Хотя, не скрою, далось это с большим трудом. А когда источник успокоился, я чувствовала себя, будто еще раз переболела лихоманкой: во всем теле слабость, озноб, и нет сил даже в бездну послать по кратчайшему маршруту.

Вспомнила слова мамы: все болезни от нервов. Вот уж точно. Правда, она потом ещё добавляла, что нервы — от мыслей, а мысли от того, что не безразлично. А зря.

Теперь я понимала, насколько она была прав. Значит, нужно успокоиться и выбросить этого Рига из головы. Будто его и вовсе не существует.

Я растянулась в постели. Та была столь же тепла, как элитный гроб, простоявший не меньше века в фамильном склепе. В голову настырно лезли мысли о том, кто для меня не существует.

Повертелась, взбила подушку. Перевернулась на бок. Потом на другой. И поняла, что не засну. А если и дальше буду валяться в постели и изводить себя дурацкими мыслями, то завтра я точно буду не хуже вурдалака. А уж злее — это точно. Надо было чем-то себя занять. Мысль, до этого противной мошкой вившаяся на краю сознания, запищала назойливее. В академии меня бесило многое.

Пальму первенства, конечно, сейчас держал Риг, но и в остальном...

Меня бесило то, что я в магии как слепой котенок.

Раздражало то, что преподаватели относятся ко мне, как ко второму сорту. Лишь потому, что я девушка.

А ещё надоели косые взгляды и шепот за спиной: пожирательница отправила своих обидчиков в бездну.

Разобраться как с первым, так и со вторым, и с третьим в данный конкретный момент было проблематично, а вот касаясь бездны...

Решено. Я выясню, кто это сделал. Хотя если учесть, что всех кадетов с высоким уровнем дара проверили на ложь, и виновника так и не нашли...

Я доковыляла до окна и распахнула створки настежь. Выглянула на улицу и только тут ощутила, насколько в палате было холодно.

Перевалившись через подоконник я поняла, что даже не представляю, как позвать Кару. Ну не орать же на всю округу: «Зайка моя!». Тут скорее прискачет не пушистая, а лэрисса Йонга, причем со смиренной рубашкой наизготовку.

Впрочем, если обнаглеть до нужной степени, то все становится возможным. В том числе и найти заю. Потому я позвала. Только не демоницу, а духа академии. Для этого хотя бы орать не нужно во все горло. Виувир наверняка и шепот услышать может.

Сначала было все тихо. Прямо как на кладбище в полнолуние. И, надо сказать, настроение у меня было соответствующее обстановке.

А потом над ухом прозвучал вкрадчивый шипящий голос:

— Темной грех предаваться с-ся унынию, когда вокруг с-с-столько других, более с-с-соблазнительных грехов...

Виувир выполз из стены. Сегодня он был не такой большой, его змеиное тело оказалось не больше локтя длиной. Аккурат на подоконнике поместился.

— Зато этот самый дешевый. Поэтому я могу себе позволить печалиться даже впрок, — я пожала плечами.

— Значит, нравится с-с-страдать? — змей наклонил голову.

— Нет.

Разговор ни о чем определенно действовал на меня благотворно. Я даже села на подоконник и свесила ноги на улицу. Небо давно вызвездило, чернильный мрак затопил все окрест.

— А что ты тогда любишь?

— Яблочное повидло, — ляпнула я. — Оно, конечно, мне взаимностью не отвечает, но и как последняя сволочь себя тоже не ведет.

Виувир улыбнулся, словно только что услышал комплимент.

— Это особый вид удовольствия, когда на твой сарказм отвечают сарказмом, а не строят из себя оскорбленную невинность.

Я хмыкнула в ответ, но вслух ничего не сказала. Ждала. Змей тоже не торопился, свернулся кольцом, положил лобастую голову на свой хвост и прикрыл глаза, делая вид, что готовится уснуть. Повисла тишина. Не выдержал Виувир первым:

— И зачем ты меня звала? — прошипел он. Раздвоенный язык скользнул меж клыков, пробуя воздух на вкус.

— Найти свою заю, — честно призналась я.

Змей изумился, даже голову приподнял.

— Ну наглос-сть... Чтобы покровителя академии — и в посыльные.

— А услуга за услугу?

Виувир облизнулся.

— Брас-с-слеты Дианары. Ректор хранит их в своем сейфе, куда мне не добратсь-с-ся.

Судя по всему, при жизни этот виувир якшался с гномами: выгоды своей не упустил, на дорогие украшения позарился.

С другой стороны, и у меня в подобных сделках опыт был немалый.

— Хорошо. Но тогда услуг две. Браслеты же парные.

— С-с-спекулянтка... — моргнул виувир и скользнул вниз по стене, судя по тону, все же согласившись на мое условие.

Не прошло и четверти удара колокола, как зая была не только оповещена, но и доставлена.

— Помни, у нас уговор, — прошелестел напоследок змей и исчез.

Пушистая тут же начала интересоваться отчего и почему, но я ее перебила, прямо спросив: не она ли приложила лапу к тому, что пятерых светлых так измордовали в бездне? Я уже была готова выслушать если не покаяние, то признание Кары, но...

— Нет. Клык даю, это не я. Хочешь, поклянусь даже, — длинноухая так возмутилась, что с шепота перешла на полный голос, граничивший с криком.

Я озадаченно побарабанила пальцами по подоконнику...

— Ну, раз не ты, тогда пошли выяснять.

— Что, прямо сейчас? — опешила зая и тут же уперлась всеми лапами: — Я не могу. Я... У меня еще это... сеанс любовного сна для моего будущего мужа!

— Какой сеанс? — насторожилась я.

— Какой-какой. Такой. С любовью и поцелуями. Раз мой ушастик не может меня увидеть во всей красе в реальности, я решила, что ему буду сниться...

Меня начали терзать смутные сомнения, и я с подозрением уточнила: а когда ещё Кара «снилась» своему возлюбленному. Оказалось, что как раз в ту ночь, когда мне привиделся кошмар с участием Рига.

— Да я всего лишь пару демонических рун начертила. На притяжение... усиление... желание и одно целое на двоих... — перебирая лапами, пробормотала Кара.

— Слушай, пожалуйста, больше так не делай, — искренне попросила я. — А то я к госпоже Смерти или Эйте раньше отправлюсь, чем академию закончу.

— А чего к этой плешивой белке далеко ходить? Она и так здесь где-то рядом ошивается! — зло выплюнула зая, вспомнив соперницу. — Между прочим, мы здесь с тобой ласы точим, а она может к моему супругу клинья подбивает.

— Будущему супругу, — поправила я.

— Неважно, — отмахнулась пушистая. — И раз уж от тебя не отвяжешься, давай тогда побыстрее разберемся с твоими идиотами, и я побегу.

Медлить не стали. Я закрыла окно, взяла зая под мышку, и мы двинулись в полуночный обход по лекарскому крылу. Я прихрамывала, Кара наслаждалась тем, что ее несут на руках.

Как ни странно, пушистая нашла пострадавших быстрее, просто почуяла, что за этой дверью есть тот, на ком лежит отпечаток бездны.

Мы тихо вошли. На подушке в кошмаре метался пепельный. Кажется, Ролло. Он что-то невнятно бормотал. Руки его, прикованные по бокам к кровати, напрягались, по костяшкам то и дело пробегали сполухи, на глазах лежал компресс.

— Думаешь, стоит его сейчас будить? — осторожно осведомилась зая.

— Нужно, — уверенно заявила я. Вот только дотрагиваться до огненного мага не хотелось. Но пришлось.

Тряска за плечо не произвела никакого эффекта. Тогда я дунула ему в ухо ректорским тоном: «Подъем!» Пепельный дернулся, компресс упал на одеяло, и маг заморгал, сияясь рассмотреть меня.

Он попытался сесть и что-то заорать, но я была начеку и тут же приложила ладонь к его губам.

— Тише, это всего лишь сон, — с баюкающими интонациями начала я.

Парень сначала вроде вдохнул, но когда понял, кто ему это говорит...

— Ты! — выдохнул он, наконец разглядев меня.

М-да, судя по всему, возвращая зрение целители заботились, чтобы кадет в первую очередь видел, а уж то, какими глазами он будет это делать — не суть важно. Потому сейчас на меня с дикой ненавистью смотрели один обычный человеческий зрачок, видимо, родной, а вот второй — он явно достался светлому от нага или дракона — вертикальный, рассекавший янтарную радужку.

Сжатые кулаки Ролло вспыхнули двумя факелами. Он дернулся:

— Что ты здесь делаешь?

— Делаю вид, что все хорошо, разве не видно, — не нашла ничего умнее, чем съязвить, но потом добавила: — Надо поговорить.

— Да пошла ты... — конструктивный диалог кадет начал с того, что проложил для меня весьма увлекательный маршрут.

Я выдохнула, устало пробормотав:

— Каждый раз одно и то же... К слову, на палате стоит глушилка, — вдохновенно соврала я и добавила, обращаясь к зае: — Кара, грызи.

— Что именно? — деловито уточнила та и, запрыгнув на кровать, ощерила клыки.

— Шею.

Ролло побледнел, зато замолчал. Лишь огнеупорные простыни начали чернеть и превращаться сразу в пепел: все в рамках гарантий — не горели же.

— Ну, что выбираешь: быть съеденным или все же милую беседу при свете луны и твоих кулаков с милой девушкой?

— Милой? Да столетний труп — и то тебя милее, — выплюнул кадет. — Когда я впервые тебя увидел, то понял — это работа только для некроманта.

Он не сводил с меня злого взгляда янтарного и голубого глаз, но по тому, как постепенно стихало пламя в его кулаках, я поняла: клиент готов.

— И за что же ты меня так ненавидишь? — вкрадчиво спросила я. — За то, что не смог поджарить в том коридоре? Или за наказание, которым ректор потом тебя и твоих дружков за это наградил?

— Это ты нас отправила в бездну! — выпалил он.

Я опешила, но все же быстро сориентировалась: мастерство контрабандиста из кармана не выронишь:

— Так почему ты об этом ректору-то не сказал, когда допрашивали?

— Потому что тебя не видел. А Анару нужны были только факты, а не подозрения. Мы угодили в ловушку: нас сразу утянуло во Мрак. Но эта западня — твоих рук дело.

— И ты готов в этом поклясться? Например, даром? В том, что я сделала ту засаду, в которую вы угодили?

Ролло чуть было запальчиво не выкрикнул «да», столь явно читавшееся по его лицу, но взглянул на ощеренные клыки заи и остановился.

— Думаешь, попадусь на эту уловку? Капкан могла и не ты ставить, а ... Да хоть вот эта твоя тварь. Что, и магии меня захотела лишить? Стерва...

— Нет. Я захотела разобраться. Потому что в бездну отправила вас не я.

— Так я тебе и поверил, — фыркнул пепельный.

— Уж поверь мне, если бы это сделала я, то ты бы беседовал сейчас не со мной, а с Хель.

Ролло одарил меня странным, задумчивым взглядом, и словно на что-то решившись для себя, произнес:

— Допустим. Только допустим. Это не ты. Тогда кто?

— Кому вы ещё насолили. Или кто-то из вас... А тут подвернулась темная — идеальная мишень для подозрений. Ведь именно мое имя вместе с вашими прогремело на всю академию.

— А тебе-то какой в этом интерес? — сощурился маг. Он был худым, остроносым, с пронзительным взглядом разноцветных глаз. И, к слову, последнее его ничуть не портило. Даже делало более привлекательным. Одним словом, Ролло был обаятельным шельмой.

— Не терплю, когда мной пытаются прикрыться. Свое имя я предпочитаю чернить сама.

— И ради этого ты ночью проникла в лекарское крыло? Могла бы подождать, меня завтра выписывают.

— Что-то не похоже, чтобы ты был здоров, — я кивнула на тлеющую простынь.

— Кошмары — это из прошлого. К моему выздоровлению отношения не имеют. А глаз уже прижился.

— То есть ты каждую ночь вот так спишь? — невольно вырвалось у меня.

— Нет, — огрызнулся пепельный. — Лекарство, которое мне выписали, снижает контроль над даром. Сегодня последняя ночь, когда я его принял... — и, словно спохватившись, Ролло со злостью спросил: — да что ты вообще в душу ко мне лезешь?

— Я не только на душу, но даже на кровать твою не претендую! — противореча своим же словам, я села на край постели светлого. Нога заныла и стоять было не удобно. — Меня интересует, что конкретно ты видел.

— Бездну, — рыкнул пепельный.

— А точнее?

— Вечером мы шли к общежитию. Решили срезать путь мимо склада. Под ясенем и угодили в ловушку. Видимо, активировалась самоуничтожающаяся пентаграмма. Нас выкинуло во мрак. Судя по тварям, даже не на верхний уровень, а куда-то ниже.

— Слушай... — влезла в диалог зая, которой надоело изображать голодную и кровожадную. — А между пентаграммой и тварями.... Можно подробнее?

— Чего? — светлый изумился так, словно с ним сапог заговорил. — Она у тебя что, ещё и разумная?

— И даже образованная, — рявкнула пушистая. — Увеличь масштаб и опиши подробнее, какого цвета была пентаграмма, сколько длился перенос, не харкали ли кровью после того, как оказались во мраке.

— Откуда ты знаешь? — все ещё тарашась на заю, спросил Ролло. И уже у меня уточнил: — А она кто?

— Фамильяр, — не моргнув глазом соврала я.

Отец же кормил меня на ночь вымышленными историями об этих духах. Вот теперь пришла и моя очередь. Вроде как и ритуал соблюден: ночь, мальчик, почти лежащий в постели... Чего бы такому сказку не рассказать?

Ответом мне были полные недоверия разноцветные глаза светлого.

— Так что там с окраской, плотностью и побочными эффектами переноса? — требовательно напомнила о себе Кара.

Как выяснилось, перенос был практически моментальным, но вот побочные эффекты у него оказались о-го-го... Лично я с таким никогда не сталкивалась. А вот демонесса, судя по всему, хорошо знала, о чем идет речь.

За окном начал заниматься рассвет, когда я покинула палату Ролло.

Перед тем, как мы ушли, он задал вопрос, словно контрольный выстрел пульсаром сделал: — И все же это не ты?

— Нет, не я.

Дверь уже закрывалась, когда я услышала, как светлый тихо пробормотал: — Ведьма. Но красивая... И с характером. Все, как я люблю.

Только не это! Еще один любитель нашелся.

Когда мы вернулись в мою комнату, я с пристрастием принялась расспрашивать заю. Та, уничижительно фыркнув, сообщила, что ловушку сделал действительно темный. Причем опытный, матерый. Скорее всего — боевой маг. И с учетом эффектов — она была рассчитана на уничтожение.

— При активации она вытянула энергию из светлых, и поскольку у этих пятерых оной оказалось в избытке, их и закинуло так глубоко.

Я задумалась, а Кара, воспользовавшись моментом, банально удрала. Мне не надо было даже к пифии ходить, чтобы понять куда. К своему эльфу. Эх, держись, Эл...

Стало ясно, что мне не обойтись без вестника. Крошечная заколка, которая вернулась с весточкой от родителей, как и прежде была у меня, скрытая от посторонних взглядов в гуще волос на затылке.

Я достала ее, шепнула в ожившую пичугу несколько слов. Распахнула окно и выпустила птаху. А потом легла спать, давая себе установку: на этой неделе нужно из кожи вон вылезть, но не вляпаться в наряды. Мне позарез нужно было попасть в город, поскольку все сходилось на том, что изготовителя ловушки стоит искать за стенами академии. Ведь смертельные ловушки в империи — вне закона. Значит, контрабанда.

Проснулась я от ударов набатного колокола. Вот ведь... Даже в стенах лечебницы от него никуда не деться. Малодушно решив, что меня пока вроде никто не отпускал, я упала на подушку вновь уснула. Повторно проснулась от скрипа двери. Лэрисса Йонга вошла хоть и тихо, но все же...

— Проснулась? Давай ногу осматриваю.

Действовала она уверенно и быстро. Сначала дала выпить какой-то настойки, потом намазала ожог, перебинтовала его. А под конец обрадовала тем, что в течении этой седмицы выпишет освобождающий лист, чтобы Акула не изводил меня тренировками.

Я воодушевленно похромала в столовую. Аппетит был зверский. То ли от восстанавливающего зелья, то ли от всего пережитого.

До занятий я успела доковылять к себе. Поскольку в столовую я явилась одной из первых, то оставалось достаточно времени, чтобы не только сменить тренировочный костюм, штанина на котором была обрезана по колену, — ех, и дня целым не проносила! — но и умыться. В аудиторию я вошла как раз перед ударом колокола. Однотруппники внимательно посмотрели на меня, но промолчали. Да и при магистре Нейрусе навряд ли бы кто-то осмелился что-нибудь сказать, даже будь такая возможность.

Преподаватель был старым гномом, а это уже само по себе — диагноз. Въедливый, язвительный, он имел привычку расхаживать по аудитории и бить линейкой по рукам зазевавшихся кадетов. Причем периодически сетовал на то, что розги ныне, увы, отменили... — Итак, тема сегодняшнего занятия — ледяные иглозубы. Класс опасности — первый, — начал магистр.

Перед нами после его слов на партах возникли учебники по бестиологии примитивных обитателей бездны.

— Откройте страницу сорок девятую и обратите внимание на внешний вид и схему строения скелета... Эландриэль, вам нужно отдельное приглашение?

Отчего-то преподавателю с первого занятия не понравился Эл. Я, впрочем, тоже, но Эл не понравился сильнее. Через раз Нейрус грозился написать на моего соседа по парте докладную то за несоответствующее поведение (сидел недостаточно прямо), то за разгильдяйский вид (пуговицы на куртке не так повернуты). В общем, доставалось эльфу.

Зато стало понятно прозвище Нейруса: крот. Маг и по виду его напоминал (коренастый, с большими руками, на носу — толстые очки в роговой оправе), да и по характеру: имел привычку не только писать клеветы, но и банально доносить начальству на кадетов.

Мне вспомнилась карикатура на стене карцера: акула, крот и конь в пальто. А потом... и ее автор. Риг, будь неладен. Надеюсь, у него все плохо. И небесные покровители поют о нем, но исключительно суицидально-погребальные гимны.

Занятие прошло быстро. Потом по расписанию до обеда у нас значилась самоподготовка, и я поспешила в библиотеку. Когда проходила по холлу, меня не отпускало чувство, что за мной следят. Пристально.

Сбавив шаг, я украдкой обернулась, ища соглядатая. Шпионы меня всегда нервировали и пробуждали лишь одно желание — разобраться с ними, не дожидаясь кинжала меж лопаток. Но никого не заметила, а останавливаться вроде бы было глупо.

Когда перестала озираться, оказалось, что прямо по курсу значится Риг. Он стоял у подоконника, с друзьями. На миг наши взгляды встретились. Он что-то не договорил, оборвав себя на полуслове. И даже шагнул навстречу мне.

А я... внутри покрылась льдом. Темный источник, до этого спавший, очнулся, начал вытягивать бивбжгв свои жадные щупальца. Я закаменела. Только бы не сорваться. Только бы не выпустить свой дар. Я чувствовала, что если не сдержусь, то могу убить. Нечаянно, просто враз вырвавшейся волной чистой силы.

Прошла мимо Рига, глядя прямо перед собой и чувствуя себя ожившей каменной статуей.

Повторяла, как мантру: «Я спокойна. Я абсолютно спокойна».

Лишь когда завернула за угол, в ответвление коридора, которое вело в алхимические лаборатории, я выдохнула. Я смогла, сдержалась. Вот только жаль, что в порыве злости и гордости я выбрала совершенно не тот путь, который следовало.

Библиотека была совершенно в другой стороне.

Додумать мысль, как теперь поступить — не обратно же выйти и с независимым видом попутавшей все на свете идиотки отправиться ровно в другую сторону? — не успела. На мое плечо легла рука.

— Крис. Нам надо поговорить.

Я резко развернулась и прошипела:

— Ты уже все сказал вчера!

— Нет, не все, — требовательно возразил Риг.

Он открыл ближайшую дверь, кажется, в комнату с алхимической посудой, и буквально втащил меня туда. Внутри никого не было. Лишь шкафы с дюжинами чистых колб, реторт, склянок, мерных цилиндров, освещенные тусклым светом, еле-еле пробивавшимся из узкого окна под потолком.

Я не сопротивлялась лишь по одной причине: свято блюла заповедь отца. Он утверждал, что не стоит ссориться со своими врагами публично, чтобы потом не пришлось доказывать дознавателям, что это не ты закопал их трупы.

— Нам не о чем говорить. Совершенно, — холодно отчеканила я, как только дверь за моей спиной закрылась.

— Проклятье, Крис! Я хотел извиниться. Вчера спешил и...

— ... и спеши дальше, — перебила я. — Только мимо меня. Я могу даже сделать вид, что вчера ничего не было. Да и вообще, что тебя не существует!

— Не сомневаюсь! — разозлился светлый, схватив меня за плечи. — У тебя прекрасно получается смотреть на меня, как на пустое место. Я в этом убедился дюжину вдохов назад. Но скажи, что я вчера такого сделал, кроме как поцеловал тебя? — он уже не говорил, рычал. — Поднял руку? Оскорбил? Что я такого сделал?

— Много чего. И сделал, и хотел, но не успел. Но, знаешь, что самое противное — ты даже не понимаешь, не видишь, что в этом такого... использовать другого, чтобы просто тебе было хорошо.

— «Не успел», говоришь... — протянул светлый.

Из всей моей тирады он выцепил самые удобные для него слова. Не иначе разыграла уязвленная гордость. Как же, его отвергли. Ибо если ранили гордость женщины — она становится язвительной, а если ранили гордость мужчины — он действует. А Риг был ни разу не лэриссой. Меня поцеловали. Страстно. Обжигающе. На губах заиграл вкус пряного вина с перцем, плавящий мысли и тело. Риг вжимал меня в себя. Его руки на моей спине, бедрах, груди. При этом одновременно он ласкал меня языком, не позволяя не то что осмыслить происходящее, но даже сделать вдох.

По венам разлилась жидкая лава. Сердце стучало, как бешеное. А под моей рукой, лежавшей на груди Рига, в таком же неистовом ритме билось сердце светлого.

На миг оторвавшись от меня, он втянул воздух рядом с моей шеей. А затем обжигающие губы скользнули по вниз, к впадинке меж ключиц. Обещая, маня, распаляя желание.

Словно в тумане я видела, как пульсирует жилка у его виска, бьются напрягшиеся вены на шее, как расширился черный зрачок, закрыв синь радужки.

Он прижался ещё ближе, толкнув плечом стоявший рядом шкаф. На пол посылались колбы, их звон странным образом меня слегка отрезвил. Но, кажется, светлый этого даже не заметил. Он дышал тяжело, рвано, хрипло. Прижимался ко мне. Лихорадочно, так, что я животом чувствовала его желание. Да нет, не желание, а твердую убежденность в том, чем наш разговор должен закончиться.

Упрямый, подлец. Не привык отступать. И если с первого раза не удалось добиться своего, то решил пойти на второй круг? Доказать, что нет той, которая бы ему отказала?

Мои пальцы обняли затылок светлого. А потом... потом я резко согнула ногу.

М-да. Удар коленом в пах, хоть не горячий поцелуй, но равнодушным Рига он точно не оставил. В этом я могла быть уверена.

Я оттолкнула светлого.

— Даже не приближайся ко мне! — это были последние мои слова перед тем, как я захлопнула дверь.

Во рту было сухо. На душе — пусто. И как бы я не уверяла себя, что это просто месть, что я лишь притворилась, усыпив бдительность светлого, но... Но внутри меня все бушевало от прикосновения к чему-то дикому, чувственному. А на губах был вкус вина и перца.

«Он сволочь!» — напонила я себе. Одернула куртку, мотнула головой, отчего волосы рассыпались по плечам. Я справлюсь. И без него.

Например, сейчас мне был нужен трактат об особенностях ведения боя с высшими демонами с применением меча. Подозреваю, что написал его белый маг. А кто же еще? Такой бред — идти с железкой на высшего — мог придумать только тот, кто сынов бездны никогда в глаза не видел.

Но даже если и так, доклад задали мне. А в перечне литературы первым номером стоял именно этот свиток некоего Ф. Биллона.

Когда я все-таки добралась до библиотеки, меня огорошили тем, что свитка нет. Кто-то его уже взял. Правда наг-библиотекарь предположил, что в оружейной, возможно, имеется ещё один экземпляр. Все же трактат напрямую посвящен мечам...

Делать нечего, направилась в оружейные. Прошла тренировочные залы, где шли занятия по фехтованию, и уже было собралась свернуть к хранилищу, когда меня окликнул знакомый голос:

— Крис!

Я обернулась. Коридор заливал яркий солнечный свет, лившийся из высоких стрельчатых окон. Он отражался от пепельной шевелюры Ролло, спешившего ко мне.

— Крис, — выдохнул он, подойдя ближе.

Помня, чем закончилась наша предыдущая встреча, я подобралась. Сейчас светлый не был прикован к постели, да и памятен был здоровенный пульсар этого огненного мага, от которого мне пришлось удирать по коридору общезнания.

— Да? — я выгнула бровь, прикидывая, куда проще всего дать деру, случись что. С учетом того, что мы были на первом этаже, легче всего выбить окно.

— Крис, я хотел извиниться, — начал пепельный.

Сказать, что я удивилась — ничего не сказать. А Ролло уже протягивал мне ладонь, на которой в лучах яркого солнца сиял синий сапфир, заключенный в оправу подвески.

Вот в чем-чем, а в камнях я разбиралась. Звание потомственной контрабандистки обязывало. Подарок был крайне щедрый.

— Крис, после вчерашнего разговора я много думал... И понял, что был не прав. Мы все неправы. Если бы это сделала ты, то не пришла бы вчера в палату. Не вытаскивала бы шантажом и угрозами факты. А могла бы просто убить меня, прикованного и беспомощного.

— И? — настороженно спросила я, когда Ролло замолчал, а пауза затянулась.

— Прости меня. И в знак того, что я искренне сожалею, прошу принять тебя эту подвеску с танзанитом.

Ого... Уменьшить в десять раз стоимость камня, чтобы я точно его взяла? Поистине, в логике магов столь же легко запутаться, как в морских водорослях.

Я не торопилась протягивать руку.

— Крис, клянусь своим даром, это просто украшение. На нем нет ни ловушек, ни проклятий... Ни-че-го.

Я смотрела на синий «танзанит». Долго смотрела. А потом решила, что гордость — вещь хорошая, но ограненный крупный сапфир проще продать. А посему извинения Ролло приняла. И подвеску тоже.

Пепельный улыбнулся. Широко, счастливо, словно это я его одарила, причем целым состоянием.

— Больше не враги? — протянул он открытую ладонь.

Я в ответ протянула свою. Но вот чего не ожидала, так это того, что едва мои пальцы коснутся его руки, как шустрый кадет тут же галантно поднесет их к губам и поцелует. Вместо рукопожатия. Ага.

— Но и не друзья, — остудила я пыл пепельного.

Удар колокола напомнил о том, что большой перерыв — вещь хорошая, но вовсе не бесконечная. Кадет нахмурился и сообщил, что вынужден меня покинуть, поскольку у него начинается занятие по маскировке.

Я же отправилась в хранилище при оружейной. Искать пришлось недолго, благо мастер клинка, ещё вполне молодой парень, которому данная должность, видимо, досталась недавно, показал мне картотеку.

Став счастливой обладательницей свитка за авторством Филлипа Биллона, я попутно прихватила ещё трактат «Что делать, если на вас напал демон, а вы без шлема» и фолиант «Прямой удар мечом» с интригующим подзаголовком: «Оживление возможно на всех стадиях умирания».

С этой добычей я и просидела у себя в комнате до вечера. Колокол пробил шесть раз, когда я с затекшей шеей и уставшими руками поставила последнюю кляк... точку в своем реферате. Пора бы было и поужинать. После того, как одолела реферат, жутко хотелось есть. На занятия с Ригом я решила не ходить ни за что! Хватит. Сама как-нибудь разберусь. Найду, смогу, заставлю шантажом кого-нибудь другого меня поднатаскать. Но только не этот светлый. И только я собралась отправиться в столовую, как ударившая в стекло клювом маленькая вестница разом поменяла все мои планы. Я добежала до подоконника и распахнула створки,

впуская пичугу. Крылатая тут же выплюнула передо мной письмо, сложенное немислимое число раз.

Мелкий убористый почерк матери, ни одного лишнего слова: «Переулок старьёвщиков, дом семь. Три коротких стука и ответ: «Собеседник из вас — в рагу не положишь». Спроси о ловушке Билли Пересмешника. Люблю, мама».

Я дважды повторила про себя все написанное и... Раньше бы съела, но сейчас лишь повелительно произнесла: «пиро!» и щелкнула пальцами. Бумага вмиг загорелась и превратилась в пепел.

Раздавшийся стук в дверь заставил вздрогнуть. Я обернулась, на ходу беря пичугу, вновь ставшую заколкой и пряча ее под волосы. Кого там еще демоны бездны принесли?

И вот что за люди, разве непонятно: чем сильнее колотить, тем сильнее меня не будет дома? Но нет же, дятел за дверь считал иначе. Пришлось идти открывать.

Едва распахнула дверь, как меня тут же, не говоря ни слова, перекинули через плечо и понесли. Причем плечо было знакомым. Хорошо знакомым. Как его обладатель. Риг!

— Поставь меня немедленно!

— И не подумая.

На нас глазели, усмехались. У-у-у... Зла на всех этих кадетов с их ухмылками не хватало. А раз на зло был лимит, и всем его точно достаться не могло, то я решила сосредоточиться на одном конкретном маге.

— С какой стати ты меня куда-то тащишь?! — возмутилась я.

— С такой, что ты не пришла на занятие, — отчеканил Риг.

А я запоздало вспомнила его слова о том, что он «силком, если что, меня притащит».

Я треснула его по плечу. На ткани тут же отпечаталось небольшое красное пятно. Но я была в таком бешенстве....

— Верни меня на место! Я отказываюсь от твоих услуг. Не надо мне больше помогать!

Тут Риг резко развернулся и столь же уверенным шагом двинулся сначала по лестнице, а потом и по коридору.

— Ты куда? — я завертела головой.

— Как ты и просила, возвращаю тебя обратно, — сквозь зубы прошипел светлый.

На порог комнаты он меня не поставил, а буквально кинул. Я не удержалась на ногах и, пошатнувшись, схватилась за ближайшее, что было: плечо Рига.

На его лице не дрогнул ни один мускул, хотя на рубашке уже расцвело кроваво — красное пятно.

— Знаешь, я даже рад, что больше не нужно возиться с тобой, лицемерной и продажной.

— Я лицемерная? — от такого заявления я опешила. И это говорит тот, кто хотел использовать меня? — Да кто бы говорил! Ты лгун и притворщик, каких поискать. Напялил маску и думаешь, так и надо...

Вот странность: Риг не пошевелился от боли, когда я явно задела его свежую рану, а от слов... Но это я обдумала потом, когда все закончилось, а пока... Его глаза сверкнули, он сделал шаг вперед, заставляя меня попятиться, и захлопнул дверь.

— Я. Никем. Не. Притворяюсь, — чеканя каждое слово, холодно произнес он. И тут его взгляд упал на подвеску. — А вот ты, я смотрю, с радостью готова броситься на шею любому, кто поманит дорогим подарком. Чем ты так впечатлила Ролло, что он кинулся дарить тебе сафиры?

Пощечины не получилось: Риг перехватил мою руку в полете.

— Да какое тебе дело... — начала я и только тут поняла: светлый, как и я, сразу распознал в «танзаните» сафир. Хотя о том, что камень именно драгоценный, не кричали ни скромная серебряная оправка, ни шнурок для подвески. И тут я решила, что трюк Ролло не так уж и плох: — Какие, к бездне, сафиры?

— Вот эти, — Риг кивнул на украшение, лежавшее на столе рядом с рефератом. — Ну да, бедняк Ригран не чета Ролло, младшему сыну ветви Морригов — одного из богатейших родов империи. Что, решила, раз не удалось затащить его в бездну, то почему бы не попробовать с постелью. Уверю, что я был бы ничуть не хуже... На кровати, знаешь ли, все равны... Одну мою руку он уже держал. Поэтому пытаться залепить ему ещё одну пощечину — и пытаться не стоило. Но во второй моей ладони начал скручиваться ком дикого холода.

Увы, впечатать его в рожу светлого не получилось. Молниеносно выставленный зеркальный щит просто отбил его, и холодный смерч врезался в стол, разметав все и разорвав бумагу.

— Так вот ты какого обо мне мнения? Гад, — прошипела я. Меня еще никогда так не унижали. Захотелось запихнуть его слова обратно ему в рот. И я это сделала. — Это не сафиры. Это танзаниты. Ролло, даря мне подвеску, так их назвал. Сафиры я бы не взяла. Это раз. И второе: через седмицу я найду истинного виновника, который расставил ловушку на твоих дружков, не будь я дочерью своего отца! И тогда...

— Ролло так и сказал, что это танзанит? — удивленно переспросил Риг.

Кажется, второй части моей тирады он и вовсе не услышал.

— Да. Если надо — могу поклясться. Я даже не знала, что этот пепельный чей-то там богатый сынок, пока ты мне этого не сказал.

Риг изменился в лице. Кажется, до него начало доходить, что он сказал. И как. А я смогла воочию наблюдать три стадии мужского раскаяния: «она сама дура», «может и не совсем дура» и «это я идиот»...

— Крис... — мою руку отпустили.

— А теперь — убирайся.

Но Риг продолжил стоять.

— Ты меня сейчас ненавидишь.

— Какой догадливый, — перебила я его. — А сейчас побудь еще и дипломатом — сгинь.

— Зато делаешь успехи в магии... — словно не слыша меня, продолжил свою мысль светлый.

Он сделал несколько шагов мимо меня, поднял с пола сначала разорванный лист моего реферата, а потом подвеску. — Но тебе нужна помощь.

— Без тебя обойдусь!

Но светлый был непробиваемым. Он и не подумал убраться отсюда. Наоборот.

— Тебе нужна помощь, — твердо сказал он. — Я же — единственный курсант в академии, которого ты не пришибешь ненароком, практикуясь. Поэтому я сделаю все, чтобы ты не завалила осенний экзамен. И теперь не потому, что меня попросил ректор.

Мне захотелось заорать. Да этот светлый глухой? Или упертый? Прет напролом. Не умеет извиняться и признавать свое поражение. Невозможный. Бесит. Он меня бесит! Причем особенно меня бесит в нем... все!

ГЛАВА 8

Ну как объяснить этому светлому, что я никуда не пойду?

Глянула на решительно настроенного Рига и поняла: ничего у меня не получится. Не донесу я до него эту простую мысль. А вот он меня до полигона — запросто. И донесет, и дотащит. В этом я только что убедилась.

— Убью, — пообещала я.

— Я как-нибудь это переживу, — фыркнул Риг, а потом заметил еще и музыкальные лилии.

Впрочем, ничего не сказал. Только сжал зубы и... подвеска, которую он стиснул в руке, треснула. Вернее, ее оправа.

— Прости... — выдохнул он, но для покаяния у него был слишком довольный вид.

— Сначала ты врываешься ко мне, выбив плечом дверь, едва не душишь...

— Это был рефлекс, — перебил меня светлый. — Если бы ты так отчаянно не сопротивлялась, я бы не накинуся.

— Ага. Ты бы меня сразу прикончил, — я и не подумала отступить. — А теперь ты и вовсе вытащил меня из моей комнаты на плече, как какой-нибудь орк...

— Орки так носят только своих жен. В пещеру. После свадьбы. Оглушив перед этим дубиной, — невозмутимо перебил Риг, видно решив просветить меня о брачных особенностях жителей степей. — В остальных случаях они за волосы волокут по земле.

Я поперхнулась вздохом. То есть он хочет сказать, что мне ещё повезло?

— А сейчас ты и вовсе сломал подарок! — рассердилась я. — И пусть ему цена три медьки, но это подарок. Мне. А еще из-за тебя мне всю ночь снова сидеть над рефератом, который уничтожен.

— Твоим заклинанием, — напомнил Риг.

— Ненавижу!

— Так ты идешь на тренировку, или мне тебя силой тащить?

Светлый был как каменная стена: хоть головой об него колотись. Эффект будет тот же.

— Зачем. Скажи, зачем? — у меня не осталось сил даже на спор.

— Потому что хочу тебе помочь.

Все. Как сказала бы моя мама — занавес.

Я скрипнула зубами, понимая, что проще согласиться на тренировку, где по-тихому убить светлого и прикопать его труп, чем отвязаться от этого паразита.

— Слушай, Риг, твою логику можно на войну с тварями бездны отправлять.

— Это еще почему? — насторожился он.

— Потому что она убивает.

— Но ты-то отчего-то пока жива...

— Знаешь, с учетом всего, это спорное утверждение, — выдохнула я.

— Если что, у меня есть знакомый — толковый некромант, хоть и с просроченной лицензией.

Да у этого светлого нахала язык — как бритва. Даром, что стоит невозмутимой статуей. Правда, слегка раненной статуей.

— У тебя кровь на рубашке, — чтобы сменить тему произнесла я, потянувшись за курткой.

Риг лишь мельком глянул на плечо и... использовал заклинание для чистки одежды. Все. Как будто это была соринка.

— Больше тебя ничего не смущает? Мы можем идти?

— Я тебя убью, — прошипела я, выходя из комнаты.

— Это я уже слышал. Прояви оригинальность.

— Закопаю.

— Банально.

— Женю, — ляпнула я, не подумав.

Риг споткнулся. И больше не комментировал. Так мы и шли дальше к полигону — молча. Я чуть впереди, будто под конвоем. Светлый — сзади.

Ех, знала бы наперед, чем мне аукнется то, на что я откликнулась.

Тренировка была изматывающей. Да что там изматывающей. Я на ногах еле стояла под конец.

К слову, пока одна темная пожирательница училась вливать заданный уровень силы в заклинания, светлый рыл яму. Жаль только, что не себе, а столбу. Акула, каким-то непостижимым образом узнав, что произошло, приказал взамен того, который я взорвала, поставить новый. Вот Риг и ставил...

Вот не зря я не люблю дубы. И не только по причине того, что в контрабандистскую бытность у меня были порою шикарнейшие шансы дать дуба. Это дерево, а вернее его труп, то есть столб, и стал причиной знакомства с Ригом...

Стоя боком к светлomu, скосила взгляд. И развивая тему бревен и дубов в голове, поймала за хвост невесть откуда мелькнувшую шаловливую мысль: интересно, а в постели этот светлый, случаем, не как бревно? Ну, это так, на всякий случай, чтобы древесный вопрос в моей жизни был полностью освещен со всех сторон.

Ой, нет, зря я это подумала... Я замотала головой, прогоняя глупости, которые невесть отчего решили свить гнездо у меня на макушке, и на миг потеряла концентрацию. Этого хватило, чтобы шустрый пульсар, в котором было три единицы силы, вырвался из рук. Описав немыслимую дугу, он полетел прямо на свежеврытый столб. Правда, на траектории его полета стоял Риг... Но светлые — они живучие. Мой личный кошмар не был исключением. Уклонился. Рухнув лицом в грязь.

Пульсар ударил в бревно, выбив из него щепу.

Светлый же повернулся ко мне. М-да, с таким выражением лица у него бы отлично получилось косить нежить, испепелять врагов, и вообще приносить пользу империи на ее западных рубежах, расширяя границы. Причем без магии. Просто стоять и смотреть было бы достаточно. Враги бы сами разбегались.

Подумав, что я ничем не хуже этих самых гипотетических супостатов, я рванула от Рига. Как говорится, ничто человеческое мне было не чуждо, и инстинкт самосохранения в том числе. Вот только не учла одного: если по бегу в своей группе я была одной из первых, то мой противник тренировался слегка побольше, чем первокурсники.

Меня нагнали через два полета стрелы, когда я уже боевым пульсаром влетела в парк. Если раньше у меня болела нога, то сейчас... Да она была резвее и лучше, чем прежде! Вот что страх животворящий делает.

Я перепрыгнула через овраг, сгруппировалась, собираясь рвать когти дальше, и тут на меня всей своей массой обрушился Риг. Сбил. И мы кубарем покатались в тот самый овраг, на дне которого оказалась грязь.

Когда мы оказались внизу, светлый навис надо мной в весьма недвусмысленной позе.

— Я думал, что про убить меня ты пошутила, — выдохнул он.

Мне бы гордо сказать, что пожиратели такими вещами не шутят, но я лишь сглотнула и, глядя в почти черные глаза светлого произнесла:

— Я случайно.

— Случайно не убила, хотя старалась? — уточнил он.

— Случайно не удержала пульсар.

— А зачем тогда удирала? — спросил Риг.

— У меня знаешь ли, тоже есть... рефлекс. Например, не задерживаться на месте, когда на тебя смотрят с такой ненавистью...

А потом почувствовала, что рефлекс бывают разными. Как и инстинкты. И помимо самосохранения есть и другой... Явственный. Он упирался в меня.

Чернота ушла из глаз Рига, зато отчего-то на его виске запульсировала вена, а взгляд... Его взгляд был прикован к моим губам.

Попалась. Этот светлый сейчас лежит на мне. И как я убедилась, он гораздо сильнее одной мелкой пожирательницы. Вырваться можно только используя внезапность, как в алхимической комнате... Но сейчас Риг настороже.

Он глухо зарычал и скатился с меня. Сам.

— Продолжим тренировку, — рявкнул светлый и, вскочив на ноги, протянул руку мне.

Я, осторожно, не до конца доверяя, вложила свою ладонь в его.

А потом была самая изматывающая тренировка в моей жизни. Но я не только отточила до автоматизма базовые боевые заклинания, но и наконец-то почувствовала, что из нас двоих хозяйка дара все же я, а не тьма. Я научилась ее умирять лишь одной мыслью.

Когда вернулась к себе в комнату, я просто упала на постель. Сил не было даже на то, чтобы умыться.

Проснулась я с ударом набатного колокола. И первое, что увидела — высохшие до состояния соломы лилии. Зато маки, что соседствовали с ними, были целехоньки. Недобрым словом помянула Рига. В том, что он «благословил» букет Рейзи, сомневаться не приходилось. Но отчего он не тронул простые полевые цветы? Разве что он сам мне их и... М-да, кажется, теперь я знаю, кому обязана возвращением потерянного сапога, да ещё и с букетом в придачу.

Вслед за мыслью о цветах пришла вторая: я не написала реферат. Значит, снова неуд и наряды.

Я с яростью стукнула кулаком по постели. Безднов светлый! А мне нужно было в город.

Быстро приняв душ и позавтракав, я отправилась на занятие. Может, попробовать выторговать отсрочку у наставника Корхе, преподававшего у нас теорию и практику обращения с холодным оружием, то бишь, фехтования?

Сегодня была теория. Вернее, семинар. Правда, третьей парой.

Поэтому первые две, я сидела, машинально записывал лекции, а в голове прокручивала варианты диалога, выискивая вескую причину, по которой наставник Корхе даст мне ещё день на сдачу реферата.

И вот когда я подошла к преподавателю перед занятием, чтобы поговорить об отсрочке, магистр опередил меня:

— Крисрон! В следующий раз, пожалуйста, сдавайте реферат мне лично, а не посылайте его через друзей.

— Хорошо... — ошарашенно согласилась я.

— Кстати, недурная работа. Я успел ее прочесть и могу порадовать — у вас высший балл.

— С-спасибо, — с запинкой произнесла я.

Прозвеневший колокол избавил от дальнейшего разговора. Я поспешила занять свое место. Эл, до этого чуть не подпрыгивавший на месте, едва я опустилась на скамью, тут же склонился ко мне и зашептал:

— Слышала новость?

— Какую? — так же тихо, не шевеля губами, спросила я, при этом честнейшими глазами глядя на преподавателя, который начал лекцию.

— Из тюрьмы отступников, что прямо за перевалом, сбежал Аик Линг — один из сильнейших магов-ренегатов... Сейчас в городе введено военное положение. Как бы не запретили увольнительные в выходные. У меня как раз наклеивается свидание...

Я не выдержала и хихикнула. Кому что, а любвеобильному Элу — подвиги. Причем оные — в области размножения. Нет, я не спорю, кадеты — народ, которому такие желания никогда не чужды. Но Эл... Он в этом плане был уникален. За то время, что мы с ним знакомы, он умудрился закрутить роман сразу с двумя темными кадетками, причем обе знали друг о друге и... волос сопернице не выдирали. И это в академии, где с женским полом напряженка. Теперь еще выясняется, что у него в городе третья есть. А Кара? А Эйта?

Когда только Эл учиться успевает?

Занятие пролетело незаметно. Наступил обеденный перерыв, а вместе с ним — и бурное обсуждение в столовой новости дня. Я, наконец, не выдержала, и спросила у ушастого, кто такой Аик Линг и чем он так знаменит, кроме того, что преступник и ренегат.

— Как чем? — аж обиделся ушастый. — Ты что, не знаешь, полгода назад он совершил покушение на принца Уриллу Второго. Правда, неудачное. Но ходят слухи, что за ним водится ещё много чего, — уписывая творожную запеканку, просвещал меня в делах государственных эльф.

— Не знала... — пожала я плечами.

Ну и что тут такого? Подумаешь, покушение... Оно же от порта далеко было. А вот Эл наверняка не знал, что полгода назад из-за шторма потонул целый караван судов. Две дюжины кораблей, трюмы которых были наполнены богатствами неизведанных диких земель, возвращались в империю... Но так и не доплыли.

Но про золото и драгоценности этого сказать было нельзя. Помнится, тогда ныряльщики и вольные маги стянулись в Хорс, как акулы, учуявшие запах крови. И к прибытию императорских ищек выяснилось, что потонувшие корабли есть, трупы матросов тоже имеются (некроманты отчитались — подняли со дна всех!), а вот богатств...

Вот только не думаю, что об этом провале имперского масштаба Эл был в курсе. Тогда почему я должна обязательно знать, что принца Уриллу чуть не убили?

А эльф между тем, поразившись тому, как я далека от столичных новостей, щелкнул меня по носу:

— Эх, ты... пожирательница.

— Зато я с тобой дружу, — напомнила ушастому.

Ведь именно моя неосведомленность и стала причиной того, что я не задирала нос и не чуралась эльфа при нашей первой встрече.

— И за это я тебя люблю... — эльф, дурачась, потянулся за поцелуем.

Я не стала его разочаровывать — поцеловала. Ложкой. По лбу. Если я рассчитывала, что ушастый обидится — то, увы, он лишь потер место удара.

— Нет, за тобой я все же ухаживать не буду. Ты дерешься... — с интонацией «не больно-то и хотелось» выдал этот пройдоха. — К тому же должны же у меня быть выходные!

— Да-да... От любви стоит иногда и отдыхать, а то... это... Как бы не надорваться.

— Я ей о возвышенном, о чувствах, а она... Крис, вот что ты за человек, а?

— Нормальный, — заверила я эльфа. — Правда, флиртовать не умею, поэтому перехожу сразу к сарказму.

— О таком, вообще-то, предупреждать заранее надо, — ухмыльнулся эльф.

— Вот я и предупредила. Могу ещё раз повторить...

Ложка в моей руке сменилась вилкой, поэтому, когда я ее вскинула, жест получился более чем красноречивый. Эл впечатлился и больше меня на тему моей дремучести, да и не только ее, не подкалывал.

После обеда должна была состояться тренировка на полигоне, которую я честно могла не посещать. Листок освобождения все ещё действовал.

Я медленно шла по парку к общежитию. Специально решила сделать небольшой крюк, чтобы подышать свежим воздухом и привести мысли в порядок. Реферат. Вспомнила, как вчера Риг мимоходом глянул на титульный лист испорченной работы.

Невеста от чего захотелось улыбнуться ясному небу. Теплый ветер ласкал лицо, солнце светило вовсю. Был тот редкий день, про который можно сказать — идеальная погода. И как в жизни случается, что-то хорошее уравнивается чем-то... В моем случае это «что-то» было внушительным, шипящим и выползшим из кустов.

— Долш-шница...

Виувир сегодня выглядел просто здоровенной змеей, без огненного ореола.

— И вам добрый день, господин дух академии, — чинно поздоровалась я. — И я помню о своем обещании.

— Тогда где брас-слеты?

— Будут, — заверила я.

— Ну с-смотри. Ус-слуга за ус-служу. Ты обещала... — и он исчез.

Я же решила, не откладывая дела в долгий ящик, провести разведку. Правда, перед этим покопалась в своей тревожной сумке: выудила пару амулетов, без которых опытный контрабандист себя не мыслит, и связку отмычек. Последнее, конечно, не совсем мой профиль, но, как утверждал знакомый Мил, пишущий за две медьки липовые рекомендательные письма, «навыки смежных специальностей повышают уровень квалификации». А у меня профессиональный уровень был высокий. Как-никак контрабандистка я потомственная. Мелькнула мысль, что если бы Мил царапал мне это самое рекомендательное письмо для того, чтобы устроиться на работу, то там бы через запятую шло: прилежная золотошвейка, исполнительная, набожная (храм посещает каждую седмицу), расторопная (хорошо бегают). Так же имеется талант к лицедейству, взломам. Основной профиль — контрабанда.

Я невесело усмехнулась. Ну да, у меня нет ни приданого, ни знатного рода. Лишь сомнительное прошлое и неопределенное будущее. А ещё дар пожирательницы. Проклятый дар.

Но зато если кто и рискнет меня полюбить, то уж точно не за солидный счет в гномьем банке.

С такими мыслями и направилась на разведку. О том, что браслеты Дианы ректор хранит в своем кабинете, в сейфе, куда виувир не проползти, я уже знала.

Постояв под дверью приемной, я подслушала, что Анара сегодня в академии не будет, потом заглянула к гарпии-секретарше.

Та смерила меня неприязненным взглядом, процедила: «Чего надо?» — и, выяснив, что я к ректору, буркнула: «Его нет». Но это я знала и без нее. Зато успела незаметно положить глушилку, настроенную на девятый удар колокола, и обронить «букашку».

Это только глупцы считают, что воры орудуют лишь ночью. На самом деле для сего промысла годно любое время суток, лишь бы хозяев не было поблизости. К тому же комендантский час... А я девушка правильная, распорядок академии нарушать мне ни к чему. Тем более если есть возможность совершить беззаконие повесомее.

Теперь осталось дожидаться. Секретарша уходит из кабинета с шестым ударом колокола, но мало ли что. Вдруг на нее, как грабитель из подворотни, набросится трудовое рвение. Да и все равно у меня сейчас с Ригом тренировка...

При воспоминании о светлом захотелось улыбнуться. Все же он сволочь и гад, но за реферат стоит сказать спасибо.

Это я и сделала, когда мы встретились на тренировке вечером.

Светлый лишь кивнул, дескать, принимается. Ну что за невозможный тип?

Тянуло спросить: «Ты всегда так принимаешь благодарность?» — но я прикусила язык. Сегодня Риг был хмур и сосредоточен, а ещё удивительно внимателен и аккуратен. Зато объяснял все понятно. Вот только когда колокол пробил девять, и я, сославшись на усталость, попросила закончить, светлый и вовсе стал похож на грозную тучу.

— Спешить? — прищурился он.

Пришлось соврать, что нет. Риг вроде поверил. Во всяком случае, с полигона ушел первым. Даже не оглянулся.

Я же, быстро схватив сумку, направилась к академии. Меня преследовало смутное чувство. Обычно опасность я ощущаю животом. В нем будто начинает свивать свои кольца холодная змея. Сейчас же такого не было.

Прислушалась к себе. Нет. Вроде ничего...

По коридору шла уверенно, а оказавшись у двери приемной, замерла на миг и оглянулась. Прикоснулась к ручки двери загодя приготовленным амулетом-отмычкой. Он завибрировал, и дверной замок начал медленно проворачиваться.

Я слышала, как почти беззвучно в сердечнике прокручиваются цилиндры.

Тихий щелчок — и дверь открылась. Я просочилась в приемную и выдохнула. Теперь надо капнуть на руки декоктом, что нейтрализует ауру. Тогда маг не сможет считать ее шлейф и найти визитера по его остаточному следу.

Тени окутали кабинет, погрузив его в сумрак. Луна с любопытством заглядывала в щель между шторами, освещая секретарский стол, заваленный бумагами.

Так. Теперь букашка. Она наверняка успела за полдня прокрасться между дверью и полом и сейчас в кабинете ректора. Я встала на корточки, прильнула щекой к полу и тихо произнесла слова активации.

Букашка тут же заперебирала лапками, побежала от дверей до сейфа, собирая на себя ловушки, как шелудивый пес — репей.

Пока тараканистого вида мелочь семенила, прокладывая мне путь, я подобрала с пола глушилку. Маленький неприметный камешек, но стоит немало: блокировать защитные чары — удовольствие не самое дешевое.

Приставила отмычку к замку на двери ректорского кабинета. Та поддалась, но уже менее охотно.

Я осторожно ступила в вотчину Анара. Все как всегда в идеальном порядке... Ну, разве что букашка почти беззвучно верещит, подыхая. В незнамо который раз подыхая. Надо будет ее отнести некроманту. Пусть опять оживит.

Я достала из сумки коробок и, не дотрагиваясь до мелочи, запихнула ее внутрь. Судя по тому, что букашка светилась и синим, и красным, и фиолетовым, ректор на охрану не поспешил. Неподготовленных воров ждали и опасные проклятия, и болезни, и парализующие заклинания. М-да. Впечатляет.

Я приблизилась к сейфу. Вот сейчас нужно было сосредоточиться. Таких солидных тайников я ещё не вскрывала. Положила ладонь на дверцу. Металл ответил слабым покалыванием. Да там, похоже, дух для охраны посажен.

Попыталась позвать призрачного хранителя сейфа. Тот отозвался с ворчанием, будто я его разбудила после долгого сна. А потом... Я буквально ощутила, как меня осмотрели, и устало прошептав: «живая», уснули.

В первый миг я не поняла, что это значит, а потом до меня дошло: это и есть защита от виувира. Судя по всему, Анар больше, чем грабителей, опасался змея. Какие, однако, у ректора с духом академии интересные отношения. После того, как хранитель снова уснул, тем самым дав мне добро на взлом, я с третьей попытки открыла сейф.

Как выяснилось опытным путем, самым ценным для Анара были рябиновая настойка с перцем, которая по заверению трактирщиков, отлично лечит и душу, и тело, в частности — нервы.

Именно она гордо стояла на верхней полке. Рядом с ней — тарелочка с зефиром. Он был такой воздушный, ароматный, манящий... В общем, я поняла, почему ректор его спрятал. Особенно если учесть, что рядом где-то шныряет прожорливая зая. Да, очень мудрый шаг.

А вот на второй полке на стопке бумаг лежали они — браслеты Дианары. Аккуратно взяла их и положила в сумку, а когда развернулась, чтобы уйти, едва не заорала.

Прямо передо мной стоял Риг, невозмутимо скрестив руки на груди. Эта его поза говорила сама за себя: не нападет. Иначе бы его руки были полностью свободны, а то и собраны шепотью для атакующего заклинания.

— Святые мракобесы, — с испугу выдохнула я, смешав темную и светлую братию. — Что ты здесь делаешь?

— Слежу за тобой. И успел увидеть много интересного... — он вскинул бровь.

— Зачем. Ты. Следил. За мной? — отчеканила я, вскинув голову.

Риг медлил с ответом. Внимательно смотрел на меня, а потом, словно признаваясь не мне, а самому себе, произнес:

— Недавно я узнал, насколько поганое чувство — ревность, — и не давая мне раскрыть рот, добавил: — я думал, что ты торопишься на свидание. Хотел узнать, кого мне завтра вызывать на дуэль.

— Какая, к демонам, дуэль? — прошипела я.

— Теперь и я задаюсь этим же вопросом. А ещё множеством других. Крис, кто ты такая? Я пытался разузнать о тебе хоть что-то... Темные в твоей группе отмалчиваются. Светлые — и подавно. Твой остроухий и вовсе будто воды в рот набрал.

— Зачем тебе знать обо мне? — напряженно спросила я. Не знаю, но почему-то ответ мне был очень важен.

— Потому что я банально хочу больше знать о тебе. Что ты любишь, а чего — терпеть не можешь, о чем думаешь, о чем мечтаешь... Да я даже не знаю, какие цветы тебе нравятся.

— Маки, — ляпнула я машинально, и мне показалось, что на миг уголки его губ дрогнули в улыбке. Но это был всего миг. А потом я вспомнила, где мы, и спросила прямо, без обиняков:

— Доложишь обо мне ректору?

— Почему ты так решила? — озадачился Риг.

— Так гласят правила устава. К тому же так поступить подобает всякому порядочному светлому.

Риг опустил руки и вздохнул:

— Крис, понимаешь в чем загвоздка. Я не совсем правильный кадет. И поверь мне, совсем непорядочный светлый. Поэтому, если ты объяснишь, зачем тебе понадобились эти медные кандалы, я, скажем, обнаружу у себя эпизодическую потерю памяти.

Я заскрипела зубами. С удовольствием обеспечила бы этому... следопыту и полную, но увы, обстоятельства слегка не располагали.

— Хорошо, — согласилась я. — Но сначала мне нужно отдать их заказчику, — и мстительно добавила: — духу академии.

— Кому? — опешил Риг.

— Местной огненной змеюке. Я ей за услугу задолжала.

И вот зря я сказала последнее. Риг впился в меня клещом: поясни, мол, что за долг и отчего тот возник. Пришлось выложить светлому кастрированную версию всего, что я выяснила от Кары про ловушку. Правда, в моей интерпретации о том, кто изготовитель — поведала не демонесса, а виувир...

— И ты собралась в эту увольнительную идти в бандитские трущобы? Одна? — Риг зашипел не хуже рассерженного виувира.

Вот странный светлый... Будто мне в первый раз по сомнительным подворотням шастать.

— Без меня ты туда не сунешься, — безапелляционно заявил этот ... гад.

Видимо, понял, что пытаться меня отговорить — идея бесполезная. Потому решил действовать по принципу: если прорыв нельзя предотвратить, нужно хотя бы суметь направить вырвавшуюся нежить в нужную сторону.

— Тебя не спросила, — буркнула я.

— Зато я ответил, — отрезал светлый.

Закрыв сейф, я выскользнула из кабинета ректора, Риг неотступной тенью следовал за мной. Я аккуратно закрыла обе двери, позаботившись перед этим, чтобы затереть следы присутствия Рига в кабинете. Полубутылка декокта из-за этой сво... светлого израсходовать пришлось. У-у-у! Разоритель.

Шли в парк молча. Ночь уже опустилась на землю, заглянула в окна общежитий, вольготно устроилась на газонах.

Светляков ни я, ни Риг не создали, боясь привлечь к себе ненужное внимание. Мы были уже в самой гуще деревьев, а змея все не было.

— Виувир... — тихо решила позвать я полоза, который отчего-то враз заболел застенчивостью, — я принесла долг.

Ни шороха.

— Риг, отойди подальше.

— С чего бы, — тоже шепотом возмутился светлый.

— Может он тебя смущается....

— Ну да. Виувир, который при жизни единолично едва не стер княжество вампиров с лица земли, царь полозов, который славился крайней любвеобильностью (к слову, у него был гарем с более чем тремя сотнями жен) сейчас решил, что стесняется двух кадетов.

Я заскрипела зубами. Это не светлый, а залежи сарказма. Неужели не найдётся на них какой-нибудь горнодобытчик с лопатой: чтоб огреть по темечку и корону поправить этой ёхидне.

Риг, не подозревая о членовредительских мыслях, подошел ближе. Я спиной почувствовала, как он близко стоит, как его распахнутая куртка касается меня.

— Дух, если тебе не нужны эти побрякушки, то мы уходим, — в полный голос произнес светлый.

И тут же трава зашуршала и сбоку раздалось:

— А с-с-с вами, молодой человек, я с-сделок не заключал... — сварливо прошипел полоз. —

Так что потрудитесь раствориться в ночи. У нас с этой милой лэриссой свои дела.

Уверенная рука ненавязчиво задвинула меня, заслоняя сильным мужским телом.

Уже из-под руки Рига я увидела, как на шкуре змея в ночи пылал затейливый узор из языков пламени. Зрелище завораживало и манило, как иная смертельная опасность. Впрочем, дух выразив свое недовольство, стал олицетворением онийского спокойствия. Невозмутим, расчетлив и ещё раз невозмутим.

Риг с шумом выдохнул, и я поняла, что сейчас прозвучит ответная колкость. Поспешила достать браслеты:

— Вот, — опережая светлого, произнесла я и через плечо Рига (не препираться же мне с ним за право быть в авангарде?) кинула украденное виувиру.

Змей на удивление ловко поймал на кончик хвоста оба браслета. На миг полыхнуло сияние и... парные «кандалы» превратились в трещотку на конце.

— Мда... — только и протянул Риг. И уже куда уважительнее обратился к виувиру: — Это вас что же, так на амулеты и...

— Мое тело покоится под фундаментом академии, а шпиль пронзает с-сердце. Правда, когда его насаживали на пику, оно еще билос-сь, — прошипел змей.

Я слотнула. Так вот как становятся духами зданий...

— Я с-сделал это добровольно. Империи были нужны с-сильные порубежники. Но она, — тут змей потряс кончиком хвоста, на котором ныне была трещотка, — мне была дорога... И ректору, как этому, так и предыдущим, отчего-то тоже.

Змей проскользнул по траве, извиваясь. В этот момент прозвучал колокол. Одиннадцать ударов. Наступил комендантский час. Не успела.

— С-спас-сибо... — прошипел полоз и скрылся.

А мы остались. Я и Риг. А между нами звездная ночь и... отсутствие перспектив на ночлег: двери общежития только что закрылись. Но, кажется, светлого это ничуть не смущало.

— Ты мне обещала рассказать о себе, — развернувшись ко мне лицом, напомнил этот гад.

Он стоял близко. Непозволительно близко. Настолько, что я чувствовала его запах.

Расстёгнутая кожаная куртка дразнила. Захотелось чуть поднять руку и положить на белую батистовую рубашку, под которой билось сердце Рига. А потом прижаться.

Ухнула сова. А я словно сбросила наваждение. И даже для верности руку за спину завела. А потом — и вторую.

Начало холодать. Южные ночи пряные и густые, а здесь, на северо-западной границе империи, все по-иному. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем я начну стучать зубами, сидя на ветке? Или где еще... Выбор мест для ночлега имелся шикарный: газон, скамейка (на которой обязательно найдет сторож, и тогда не миновать наряда). Конечно, можно было рискнуть здоровьем и жизнью и влезть по стене...

Опустившаяся на плечи куртка светлого была полной неожиданностью.

— Замерзнешь, — усмехнулся он, оставшись в одной рубашке.

Уголки его губ тронула скупая улыбка. Это было так необычно — заботливый Риг. Он чуть наклонился, и я затаила дыхание. Поцелует? И вот что странно: сейчас я была не против.

Смотрела в пронзительно-синие глаза, в которых было мое отражение. Его взгляд притягивал безо всякого колдовства.

Светлый чуть качнулся вперед. Мои губы вскользь коснулись его кожи. Риг напрягся. На мгновение я увидела, как стали заметны вены на напряженном горле, как резко проступили мышцы, дернулся кадык. А потом светлый тихо застонал. Его выдох. Горячий. Заставляющий мое сердце бешено биться. Будоражащий.

— Крис... Ты мое искушение.

Он отстранился от меня, казалось, против собственного желания. В глубине синих глаз жарко полыхнуло что-то. А потом светлый смежил веки и когда открыл их — передо мною снова был

невозмутимый Риг. Оставалось лишь позавидовать такому самообладанию, потому что мои щеки предательски пылали.

— Итак, какие у тебя планы на этот вечер? — светским тоном осведомился этот...гад, подставляя мне локоть. Сейчас, несмотря на то, что он был без куртки, в мятой рубашке, в сапогах, на которых ещё осталась грязь полигона, светлый выглядел истинным лэрмом. За игру в хорошие манеры я ухватилась, как за соломинку, пытаюсь спастись от неловкости. Хотя в глубине души начало прорастать еще одно чувство — досада. Пока совсем крохотное, но все же...

— Я в смятении от такого откровенного вопроса, — протянула я в стиле аристократов западных провинций, что растягивают слова до невозможности. Жаль, не было веера, я бы им стыдливо прикрылась.

Риг плутовски усмехнулся. Мой взгляд как нарочно скользнул по его губам. Память (паршивка!), будто издеваясь, напомнила, какими они могут быть горячими и чувственными.

— Ну, так что насчет нашего уговора?

— Что, прямо здесь? — натурально удивилась я.

— У тебя такой тон, как будто я предложил тебе раздеться и заняться любовью, а не рассказать о себе.

Поведать в подробностях историю своей жизни? Да тут прелюдия нужна поосновательнее, чем горячие поцелуи светлого. Как минимум — крепкий ром или гномой первач. И мой раскрепостившийся от сего напитка разум. В трезвом уме и хотя бы относительной памяти говорить о том, кто я и кто мои родители... Только если меня припрут к стенке, как это сделал ректор. Но Ригу-то пока подобное не удалось.

Между тем светлый выдохнул:

— Хотя ты права. Место и впрямь не очень для долгой беседы.

— Холодно? — я кивнула на тонкую рубашку.

— Нет, рядом с тобой мне даже жарко. Но здесь нас может найти охрана...

Судя по тому, с какой уверенностью Риг это сказал, у него имелся опыт ухода от ночных стражей академии. И немалый.

— Тогда, может, отложим разговор? — в моем голосе было столько надежды, что светлый просто не мог оставить это без внимания.

— Конечно, можно, — на удивление быстро согласился он, а потом добавил: — До утра времени много. Мы вдвоем. Чем займемся? Например, я могу тебя согреть...

Под конец его голос стал настолько крадчивым, бархатистым, что я почувствовала, как по спине скользнул холодок, а внизу живота свернулась в кольцо огненная змея. Да на Рига можно мешок из-под картошки на голову напаялить, и все равно он только одними словами и невозможным голосом сможет соблазнить добрую половину Вейлы — городка, рядом с которым и располагалась академия.

Половину. Но не меня.

— Размечтался! — возмущенно зашипела я, да так, что будь рядом гадюки, то они предпочли бы не высовываться.

Этот светлый неисправим: не удалось затащить меня в постель сразу нахрапом — сменил тактику.

— Я даже и не начинал, — в голосе светлого мне послышалось обещание и ... скрытый смех?

Впрочем, он тут же решил сменить тему: — А ты любишь высоту?

Высоту? В своей жизни я если и забиралась поближе к небу, то это были либо макушка корабельной мачты, либо скаты крыш. Ну, как-то раз с отцом поднимались на вершину отрога горы, который вдавался в бухту и заканчивался мысом.

О последнем сохранились самые яркие воспоминания: когда свежий ветер бил в лицо, рубашка за спиной надувалась парусом, а солнце жарко целовало кожу. А вот про первые два... Я вынесла для себя ценные знания: если прячешься от злых матросов на насесте, где обычно дежурит юнга, лучше это делать, запасаясь провиантом. Он куда полезнее амулета отвода глаз: снизу меня и так не было видно.

— Смотря какая высота, — расплывчато ответила я.

— То есть большой ты боишься? — допытывался маг.

— Не большой, а той, где меня поджидают неприятности, — фыркнула я.

— А-а-а... — незнамо чему обрадовавшись, протянул Риг. — Значит, тебе понравится. Пойдем.

— Куда? — запоздало насторожилась я.

— Увидишь, — напустил туману светлый.

Спустя пол-удара колокола я узнала, что уходить от ответственности лучше всего на гоночной метле. Так больше шансов. Но сначала выяснилось, что у Рига в кроне одного из старых раскидистых дубов припрятана именно она, метла. Личная. Хотя, насколько я помню устав, никаких летных средств у кадетов быть не должно. Только в общем ангаре стояли номерные метлы, которые выдавали на занятиях по практике воздушного боя.

Когда светлый, подойдя к густой кроне тихо свистнул, я подумала: где-то бродит неподалеку Эйта. Это же ее клиенты свистят, кукуют и вообще ведут себя странно.

Но нет. На призыв Рига отозвалось его помело, и тут же спикировало к нам, перестав притворяться веткой.

Метла у светлого была что надо. С виду невзрачная, без золотых гравировок и вычурных узоров на черене. Лишь у самого края, где начинались прутья, виднелась скромно вырезанная надпись: «М. Лист».

— Она... — не нашлась я сразу. — Ее что, сам мастер Лист делал?

— Ну да, — как само собой разумеющееся ответил Риг.

— Она же стоит больше тысячи золотых. И сама хозяйина себе выбирает. Потому ее не своровать...

Уж я-то знаю. Пыталась. У отца как-то был заказ на такую метелку. Ее, уже украденную, нужно было провезти через контрольные воды и доставить на корабль. Но отец отказался. И правильно сделал. Того, кто рискнул, поймали. А спустя седмицу — четверговали.

— Откуда она у тебя? — с подозрением осведомилась я, прекрасно зная, сколько стоит подобная игрушка. — Ты же уверял, что ни разу не лэр. А вообще бедняк и босяк...

— Ну, последнего я не говорил, — фыркнул Риг. — Но ты права: такая метла мне была не по карману.

— В то, что ты ее спер, не поверю.

— Не спер, — Риг перемахнул ногу через черен. — Мне ее подарила одна знакомая.

Любопытно... Это за какие же достижения? Обычно такие подарки получают за оказание неоценимых услуг. И подвигов. Порою — постельных. Ведь на поле брани кадеты вроде как не должны успеть отличиться...

К тому же светлый удрал из лечебницы ночью. Так...

— Ты очень подозрительно на меня смотришь, — насторожился Риг.

ГЛАВА 9

После этих его слов я стала смотреть еще подозрительнее.

— Какой щедрый подарок... от девушки, — прокомментировала я. В моем голосе помимо воли прорезался сарказм. И еще что-то. Трудноопределимое.

Риг уловил это и насмешливо глянул на меня.

— Увы... — начал он. — Сейчас тебя постигнет самое большое разочарование всякой ревнивицы — твои подозрения напрасны. Крис, чтобы уважаемая лэрисса Бригитт подарила работу мастера Листа, не нужно быть ее любовником, скорее даже наоборот...

Тут до меня дошло: да он нарочно дразнил одну наивную пожирательницу. Захотелось его придушить, но я прикинула, что сидящий на метле маг может просто посмеяться и улететь от возмездия. Потому ограничилась едким:

— Надо просто пригрозить уважаемой лэриссе, что ее убьешь?

Я вложила в эту короткую фразу всю невинность, на которую была способна. И посмотрела на Рига широко открытыми глазами наивной простоты.

— Кхм, — светлый аж поперхнулся. — Знаешь, случись такое, ещё будет большой вопрос: кто кого убьет. Бригитт — не только почтенная трёхсотлетняя драконица и весьма сильная магесса, но и жена одного из демо...

Риг осекся на полуслове. Видимо, тут до него дошло, что дразнить умеет не только он. Маг сдался и рассказал все, как есть:

— Метлу я получил в качестве победы в споре: никто не верил, что босяк, заявившийся на гонки, сможет обставить тогдашнего фаворита. Никто, кроме Бригитт. А она одолжила мне свою летунью. И я победил.

Вроде бы простая история. Ага. Но есть одно «но».

— Что же такое должно было случиться, чтобы лэрисса решила доверить незнакомому парню свою метлу?!

— Ну, она сказала, что я похож чем-то на ее брата в молодости, — Риг на миг замолчал, явно прикидывая, стоит ли говорить дальше, но потом добавил: — Хотя, может, ее впечатлил тот факт, что на кон против трех сотен золотых — выигрыша победителя, я поставил свой дар и жизнь... — и, словно пожалев о своей откровенности, рыкнул: — Крис, ты сядешь на метлу, или мы до утра тут будем торчать?

Не сказать, чтоб я была сильно против последнего варианта, но любопытство — великая вещь. А мне стали интересны и подробности тех гонок на метлах, и... сам Риг. Его жизнь оказалась не такой простой, как я думала.

Я села сзади и обхватила светлого.

— Крепче держись, а то упадешь, — бросил он через плечо.

Пришлось придвинуться чуть ближе. Маг взял резкий старт, почти свечкой уходя в небо. Псих. Драконы, известные летуны, — и то не все так умеют.

Я говорила, что крепко обхватила светлого. Так вот, каюсь, была не права. После такого маневра я просто вцепилась в него похлеще голодного упыря. Стиснула в объятьях так сильно, как только смогла. И едва я это сделала, как полет стал гораздо плавнее и горизонтальнее.

— Ты это нарочно?

— Это был самый быстрый старт, — невинно возразил светлый. — Кругом же деревья и ветви...

Захотелось его покусать. Риг был просто невозможен.

Мы подлетели к защитному куполу академии. Светлый снизился до кромки каменной стены, которая опоясывала магистерию, и полетел вдоль нее. А потом, добравшись до одного ему заметного зубца ограды, начертил в воздухе руны. Я даже ее узнала: рэнд — символ пути. Полыхнувший на краткий миг в воздухе огненный знак, наполненный силой, прикоснулся к куполу, и тот дрогнул, на миг открывая проход.

Я даже зауважала Рига. Найти в защите академии лазейку, пользоваться ею несколько лет подряд и при этом не спалиться...

А потом мы, минуя огни Вейлы, полетели к горам. И если на nereide путь по тоннелям мне показался стремительным, то на метле — просто невероятным.

Риг вел свою летунью уверенно. Да и она, казалось, слушалась его по велению одной лишь мысли.

Когда мы приземлились, я поняла, почему светлый спросил, люблю ли я высоту: это был горный уступ. Внизу — пропасть, над головой — непривычно близкие звезды и яркая, чуть щербатая луна. Вокруг — только простор и горы. А за спиной — маленький грот.

— Красиво, — выдохнула я, стоя на каменной площадке и завороченно глядя по сторонам.

— Не только красиво, но еще и сытно, и тепло, — хмыкнул Риг.

Я засомневалась. Надо заметить, не без оснований. Это меня не кусал холодный ветер, а вот светлого в одной рубашке наверняка кусал, и даже очень.

— Пойдем внутрь, — махнул рукой Риг на вход в грот.

Когда мы оказались внутри, то первое, что сделал светлый — точным броском отправил небольшой пульсар в охапку хвороста, которая, оказалось, лежала посредине. Ветки тут же вспыхнули, затрещали. Огонь жадно наткнулся на них. В свете пламени я смогла разглядеть и стены, и то, что было рядом с ними: тюфяк, плед, корзину и походную сумку.

— Ты здесь часто бываешь?

— Иногда, — уклончиво ответил Риг, присаживаясь на тюфяк и красноречиво хлопая рядом с собой. — Здесь нет лишних ушей, и нам никто не помешает. Это место хранит мои тайны. Пусть теперь узнает и твои. Рассказывай.

Я медленно присела на край тюфяка. Обхватила колени и посмотрела на огонь. Даже не знала, с чего начать. Врать не хотелось. Говорить правду было опасно.

Риг, не иначе постигший тонкости дипломатии, посчитал, что такой разговор должен начинаться со взятки. Он щелкнул пальцами, сбрасывая заклинание стазиса с корзины, и запустил в нее руку.

Миг — и на тюфяке оказались несколько яблок, ломтей хлеба, сыр и мясо. Соорудив нехитрый бутерброд, светлый протянул его мне, а потом и сам с видом гурмана, дававшего до редчайшего деликатеса, вгрызся в аналогичный кулинарный шедевр.

Я не стала отказываться. То ли от голода, то ли от нервов, но оно показалось мне удивительно вкусным.

Пламя танцевало свой дикий танец на горящих ветках, я смотрела на него, на край звездного неба, что виднелся через вход и ловила себя на мысли, что мне здесь... спокойно. Где-то даже привычно и уютно. Точно так же я сидела когда-то в другой жизни, будучи контрабандисткой, дочерью своего отца.

И я начала рассказывать. О себе, своем прошлом. Не все, далеко не все, и тем не менее даже храмовник, которому я исповедовалась каждую седмицу, изображая честную горожанку, знал обо мне куда меньше. Хотя про то, что мой отец — осужденный запечатанный маг, я все-таки не сказала. Как и про обстоятельства, при которых появилась моя мета пожирательницы.

Риг слушал внимательно, не перебивая.

— Я испугалась, что стану чудовищем, что дар пожирателя окажется сильнее моей воли и поняла, что мне один путь — академия... — закончила я.

Светлый по-прежнему молчал. Костер прогорел чуть меньше половины. Тишину нарушал лишь редкий треск пылающих веток.

— Теперь твоя очередь, — наконец сказал Риг. — Спрашивай.

И тут только я осознала, сколько же вопросов хочу задать этому светлomu. Но вместо того, чтобы озвучить наперед самые важные, спросила глупость:

— А как ты попал в академию? — и тут же, обозвав себя альтернативно одаренной, сама и ответила: — По приказу императора?

— Нет. По собственному желанию, — невесело усмехнулся Риг. — И наперекор отцу.

— Но ведь белые маги, мягко говоря, не горят энтузиазмом поступать сюда? — озадачилась я.

— Не горят энтузиазмом богатые аристократы, — пожал плечами светлый и, внимательно посмотрев на меня, начал своей неспешный рассказ.

Риг родился, как и моя мать, в бедной семье, с той лишь разницей, что на свет он появился безотцовщиной. Про таких, как Риг, говорили: принесен в подоле. Впрочем, босоногие пацаны ситного квартала знали обороты и похлеще. И при каждом удобном случае бросали их светлomu в лицо. И он не молчал, а отвечал кулаками. А в четырнадцать лет случилось сразу две вещи. Его мать умерла от гнойной сыпи, а после этого у Рига пробудился дар. Сильный.

— Отец, до этого изредка навещавший нас, пришел в дом, когда гроб мамы еще не вынесли. Смерил меня оценивающим взглядом и заявил, что я сгожусь, — светлый говорил это бесцветным, механическим голосом, за которым скрывалась боль. — Что теперь он признает меня своим сыном и введет в род, в семью.

— Сгодишься? — удивилась я.

В моем понимании семья — это самая большая ценность, за которую нужно бороться, даже если враги — весь остальной мир.

— Ну да. Отец, — Риг перед тем, как произнести последнее слово, умолк на миг, но потом продолжил, словно и не было заминки, ровно, четко: — Он считал, что поступает благородно... Что я не выживу один: дикий маг, не умеющий обращаться с даром, скорее сам себя убьет без наставника, чем научится управлять своей силой...

— И ты...

— Согласился? — догадливо закончил за меня светлый. — Нет. Я решил, что с даром смогу поступить в Йольскую академию магии. Но у отца на меня были другие планы. Он посчитал, что моя стезя — наставлять людей на путь истинный и очищать души от греха и скверны... Впрочем, как и его.

— Постой, твой отец что, храмовник? — вырвалось у меня.

Риг как-то странно на меня посмотрел и, миг помедлив, кивнул:

— Почти.

— Но им же нельзя иметь семью, детей, — растерялась я.

— Крис, я — нежеланное дитя порочной страсти! — судя по тону, светлый сейчас цитировал чьи-то слова.

— Злишься? — я непроизвольно положила свою ладонь на его сжатый кулак. Сама сразу не заметила, а когда поняла — отдергивать было поздно. Да и глупо.

— На него? — уточнил светлый. — Если бы поступил тогда согласно его воле, то, возможно, и злился бы. Но как видишь, семинариста из меня не вышло. Зато получился вроде бы неплохой гонщик, — под конец усмехнулся он.

Дальше рассказ светлого потек ровно. Едва Риг научился худо-бедно контролировать свой дар, чтобы не уробить себя и окружающих совсем уж без причины, как сразу сбежал от отца.

Причем не в родной ситный квартал, а в небольшой городок, что славился не только вольными нравами, но и проходящими в нем едва ли не самыми крупными нелегальными гонками на метлах во всей империи.

— Крис, когда я увидел впервые, как маги на бешеной скорости пронзают облака, я понял, что однажды тоже буду среди них. Правда, тогда, в четырнадцать, у меня не было и двух гнутых медек за душой, зато упрямства — через край.

— Его и сейчас у тебя в избытке. Могу даже поспорить, что его прибавилось, поскольку оно выросло и возмужало вместе с тобой, — не удержалась я от подколки.

Риг выразительно поднял бровь, и одна контрабандистка тут же умолкла.

— Впрочем, и в плане денег мало что изменилось с тех пор, — спокойно продолжил светлый. — Я все так же не могу похвастаться сундуком, набитым золотом.

Я удостоилась ещё одного внимательного взгляда. Словно Риг проверял меня.

— Мне больше интересно, как из олуха ты стал гонщиком, чем про сундуки, — съехидничала я. Тоже мне, поверлящик и провокатор. — Но если ты так хочешь, я могу свести для тебя знакомство с парочкой таких ящиков, доверху набитых звонкой монетой.

— Неужели ты невеста с богатым приданым, которая готова поделиться со мной своим добром? — поддел Риг.

— Нет, но ради того, чтобы ты не чувствовал себя ущербным, я могу вскрыть парочку... А если найду толкового помощника — то и украсть.

— Крис! — стон светлого отразился от свода грота. — Есть ли в мире хоть что-то, чего ты не могла бы умыкнуть и переправить через границу?

— Конечно, — я была сама невозмутимостью. — Например, совесть у некоторых. Ее просто нельзя спереть по той лишь простой причине, что она отсутствует. Причем напрочь, — я так выразительно глянула на Рига, что он без пояснений понял, кого я имела в виду.

— Не поверишь, но я тоже расстроен по поводу того, что ее потерял, — светлый выдержал театральную паузу и добавил: — а ведь мог бы продать!

— Слушай, ты, часом, не гном? — прищурилась я. — Такие торговые таланты просто из ниоткуда не берутся.

— Увы, Крис, придется тебя огорчить. Я человек.

— Так и будь им! А не хитрецом, который ловко увильнул от темы и не дорассказал, как здесь очутился.

Светлый взгрустнул, словно шулер, которого поймали с крапленой колодой, но таки поведал, что спустя два года после тех гонок он стал одним из лучших летунов северной части империи.

— И как же тебя тогда сюда занесло?

— Десятый уровень — большая редкость. Таких магов в империи немного, и император предпочитает контролировать столь редкий дар. Слишком большая сила в руках одного мага. Но вот беда: я ненавижу контроль. И короткий поводок. На такой меня уже пытался посадить отец.

А ведь Риг и вправду мог купаться в деньгах: маги такого уровня получают за свои услуги немало. Но при этом они скованы тысячами клятв и запретов, за ними неусыпно следят агенты тайной канцелярии. При подобном раскладе участь порубежника — не худшая. Выпускники военной академии уже не подчиняются ни светлomu владыке, ни темному. Над ними властна лишь одна клятва: ценой пути даже собственной жизни защитить людей от тварей бездны. И требовать ещё какого-либо залога с них больше никто не в праве.

— Значит, ты поступил сюда, чтобы стать свободным?

— Выходит, что так, — усмехнулся Риг. — И ни капли не жалею о своем решении. К тому же сейчас у меня есть возможность участвовать в гонках... А вот остался бы в Йоле — не факт, что

мне вообще дали бы в руки метлу: вдруг ценный магический ресурс императорской казны упадет и свернет себе шею...

— Зато сейчас у тебя таких возможностей — хоть займы давай, — подытожила я, вспомнив манеру бучения госпожи Бейс — летного инструктора.

Помню, на первом же занятии магесса завела нашу группу на башню. Мы стояли с метлами в руках, когда она, совершив небрежный пасс, буквально выкинула меня с посадочной площадки. Уже падая, я услышала ее фразу: «Те, кто разобьются, больше на мои занятия могут не приходиться!» Приземлились тогда все. И даже живыми. А я поняла всю глубинную суть лозунга лэриссы Бейс: «Если у мага с первого раза не вышло, значит, полеты на метле не для него». Зато у магессы даже на теоретических занятиях всегда была абсолютная посещаемость. И тишина. Я бы не удивилась, если бы узнала, что кадеты со сломанными ногами и пробитой пульсаром грудью приползают к ней на лекции. Ибо упустишь какое-нибудь заклинание левитации или воздушного боя, и тебя потом будут соскребать с брусчатки.

— Да, — не стал отпираться Риг и придвинулся ко мне ближе. — А сейчас, пока я, как идиот, взвешиваю, каковы шансы на то, что ты сама меня поцелуешь, сдается, я упускаю как раз еще одну возможность.

— Какую? — не знаю, чему я больше удивилась: резкой смене темы, откровенности или своей реакции. Должна же была отстраниться, нахмуриться! А я так и осталась сидеть в непозволительной близости от Рига, чувствуя его тепло, дыхание, напряжение.

Наш разговор постепенно превращался в свидание.

Светлый медленно протянул руку, аккуратно заправил мне за ухо длинную, выбившуюся из косы черную прядь, и усмехнулся:

— Возможность самому тебя поцеловать. Но я дал себе слово, что не буду на тебя давить, что ты сама должна сделать выбор...

Искушение самой коснуться его губ было велико. Очень. Совсем как в моем сне, который теперь не казался таким уж кошмаром.

— Слушай, а ты, случаем, не открывал щеколду на моем окне ночью? — резко спросила я, будто из пращи выстрелила.

И по тому, как излишне удивленно посмотрел на меня Риг, поняла: он.

— Ты о чем?

— О том, что врать умеешь, а бесследно проникать в комнаты — нет.

— Да-да, из нас двоих в этом вопросе у тебя больше опыта! — попытался увильнуть Риг, но под моим скептическим взглядом сдался: — Мне просто приснился слишком реалистичный сон, очень похожий на вещей, и... И я захотел убедиться, все ли с тобой в порядке!

Выкрутился, паршивец. Зато теперь я знала, кто распахнул створки моего окна настежь.

А потом в голове что-то словно перемкнуло, щелкнуло: мы же вне стен академии. До города рукой подать, а там — квартал старьевщиков.

— Риг, у нас ведь почти свидание... — начала я издалека. — Ночь, пещера, в которой только мы...

Светлый, чуя подвох, но не понимая, где именно, согласился:

— Хм... Ну да.

— А знаешь, чего не хватает после сытного ужина? — я покосилась на огрызок яблока и хлебные крошки, нещадно польстив организатору все этой романтики. И не дожидаясь ответа, добавила: — Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться по городу?

— Центральный бульвар тебя устроит? — без особого энтузиазма поинтересовался Риг, понимая, что мои планы на эту ночь строятся на обломках его надежд.

— Можно, но сначала залетим в квартал старьевщиков. Мне там нужно кое-кого навестить. Вообще-то я собиралась это сделать на увольнительной, но не упускать же такую шикарную возможность.

«Тем более до утренней побудки ещё далеко, а вот моя решительность не поддаваться соблазну, наоборот, на исходе», — мысленно добавила я, расписываясь в том, что все же в некоторых вопросах я трусиха...

— Это касается ловушки? — сразу же понял светлый. И вроде бы ничего внешне не изменилось: его поза осталась той же, как и тон. Вот только взгляд... О такой и порезаться недолго. — Не позднее ли время для визита к твоим... знакомым?

— Самое наилучшее, — заверила я, вставая. — Это днем тебе могут не открыть, а сейчас работа у скупщика краденного в самом разгаре.

Светлый лишь помотал головой:

— Крис, только с тобой я понял, как опасно целовать пожирательницу смерти. А уж опасность, подстерегающая при попытке пригласить на свидание, и вовсе зашкаливает... Но я все равно попробую.

Вроде бы его тон был несерьезным, но я поняла: в каждой шутке лишь доля шутки. И, чуть склонив голову, спрятала улыбку. Но потом мысленно обругала себя за глупость и вздернула подбородок.

— Полетели? — полувопросительно произнесла я.

— А есть варианты? — на всякий случай уточнил светлый.

— А ты как думаешь? — я тоже умела отвечать вопросом на вопрос.

— Я думаю, чем я так провинился перед небесами, что они послали тебя, мое чудо...

И почему мне показалось, что Риг не договорил окончание последнего слова, то, что созвучно с «еще»?

— Не послали, а наградили, — ехидно отозвалась я.

— Всегда подозревал, что у светлых богов либо с понятием награды туговато, либо чувства юмора в избытке, — не удержался Риг. — Любят они награждать не чем-нибудь приятным, а испытаниями.

— Дабы твоя вера окрепла в страданиях, а тело очистилось от греха, — провозгласила я, точь-в-точь цитируя храмовника из приморского городка.

Светлый, в этот момент поднявший с пола метелку, чуть не выронил ее.

— Крис, ты больше так не пугай. Пожирательница душ, цитирующая житие святого Лейса — это не для слабонервных.

— Я ещё и псалмы небесной богине удачи знаю, — похвасталась я.

И даже шаркнула ножкой. Вот и пригодились уроки церковной школы, в которую я ходила пять лет (ну не было другой в округе).

— Нет уж. Лучше проклинай, — от души посоветовал светлый. — У тебя все-таки темный дар...

Это прозвучало как совет «не выделяйся». Ну да, учил храмовник вора как кошель срезать...

— С чернословием у меня не очень. — посоветовала я. — Я как-то нечаянно так крепко прокляла преподавателя, что он долго ругался.

— Ну, хочешь, научу, — предложил Риг. — Тут главное, смерти не желать. А вот в остальном... Даже легче, чем знаменитые «Черные благословения» Вивьен Блеквуд.

— Черные благословения? — не поняла я.

— Да, я эту монографию по искусству белого чернословия три раза читал.

— А сколько раз пробовал советы в жизни? — невинно уточнила я.

— Больше сотни, — Риг, разговорившись, не ожидал подвоха, а потому ответил честно. И только потом понял, в чем признался. — Крис!

Но мне показалось, возмутился он больше ради самого возмущения. Хотя, по факту, это мне надо было картинно закатить глаза. Куда катится этот мир? Светлый учит пожирательницу душ, как правильно проклинать, а она грозитя прочесть ему по памяти священное писание.

До города мы долетели быстро. Дольше искали нужный дом в квартале, где не любят чужаков.

А когда я постучалась в дверь — три коротких удара, пауза, ещё два — и с той стороны услышала хриплое, прокуренное: «Кого там ещё демоны на хвосте принесли?» — то почувствовала, что я снова в родной стихии авантюры, мухлеза и ловкости.

— Прибыль, старый шельма, демоны принесли исключительно прибыль, — звонко отозвалась я, а потом добавила пароль: — Собеседник из вас — в рагу не положишь.

С той стороны на миг воцарилась тишина, словно услышавший простую фразу задумался, но потом вновь послышались шаркающие звуки.

Ветер чуть ударил в шильду над головой, и та, качнувшись на ржавых цепях, закричала.

«Лавка старьевщика Билли» — гласила надпись. Ну да, не «Скупка краденного» же писать хозяину крупными буквами. Дознаватели нет-нет да и пройдут по бедняцкому кварталу.

Совесть-то надо иметь. Хотя, сдается мне, тут скорее будет точным — поиметь.

Дверь, наконец, открылась, явив нам мелкого, лысого как коленка лепрекона с раскосыми желтыми сорочьими глазами, зрачок которых был прямоугольным. Рыжая борода, большая

голова на тощей шее, узловатые длинные пальцы, тщедушное тело — все в облике хозяина лавки было обманчивым и создавало иллюзию, что справиться с таким противником легче, чем гальку пнуть. Вот только на самом деле под видом гальки скрывалась здоровенная каменная плита. Причем посмертная для тех, кто решил покуситься на добро лепрекона.

Хозяин был ростом мне всего по плечо, но я не обольщалась. В его тонких руках была немалая сила. Однажды я видела, как седой старик-лепрекон, перебрав хмельного, решил поразвлечься с трактирщицей, дамой не только дородной, но и здоровой, как бык. В список достижений госпожи Фаух можно было смело внести пункт «профессиональная вдова». Она схоронила четырех мужей — о чем не сильно печалилась — и присматривалась сейчас к пятому. Лепрекон на должность одного никак не тянул, потому был огрет кружкой по темечку. Но куда там... Коротышка лишь раззадорился. За трактирщицу вступились рослые плечистые моряки. И что в итоге? Госпожу Фаух откачивали от испуга, бравых защитников просто откачивали с того света, а лепрекона безуспешно пытались протрезвить. И если первое и второе удалось почти сразу, то старик упорствовал в своем желании быть вечно молодым и вечно пьяным. Скрутить его смогло лишь заклинание. К слову, как потом выяснил отец, дежурный маг кинул в дебошира ловчим арканом, которым обычно умирят крылатого дракона.

В общем, рядом с лысым лепреконом в облезлом засаленном жилете и разноцветных грязных широких штанах я была настороже.

Судя по тому, как Риг попытался тихо меня оттеснить от проема, он тоже.

Перебросившись с нами парой фраз и выяснив, что мы, несмотря на форму, свои, хозяин соизволил пустить нас внутрь.

— Ну? — неприязненно буркнул он, щелкнув желтым ногтем по фонарю. Светляк, что чуть тлел, тут же разгорелся ярче.

Я не стала ходить вокруг да около, а сразу выложила суть проблемы: ищем того, кто продает боевые ловушки.

— Для себя, что ли, хотите взять? — смерив светлого взглядом, скривился леприконт.

— Нет, нам бы покупателя найти.

— Покупателя... — глумливо протянул он.

Я понимала: сдавать клиента — последнее дело. Но то — честного клиента.

— Да. В его покупку мой отец угодил, — с интонацией «если вам надоело жить, то могу организовать ваши поминки» процедила я. — А он между прочим, порядочный контрабандист, Меченый Ви.

— Ви? Тот самый? — на меня посмотрели уже с уважением. — Слышал я о нем. Хоть жив остался, после ловушки-то?

— Да, — я почувствовала, как на мне на плечо в знак поддержки легла сильная рука.

— Ну, раз один из наших пострадал, то это меняет дело... Только знаешь, я словам не верю.

Я без лишних пояснений кивнула и произнесла стандартный обет:

— Клянусь, что в результате этой покупки пострадал контрабандист.

И ведь не солгала. Все же я была контрабандисткой? Была. Пострадала? Пострадала. Правда не уточнила, что ущерб оказался моральным, и в основном урон понесла моя честная репутация пожирательницы.

Наши с леприконом руки, сомкнутые в рукопожатии, окутало свечение, подтверждая клятву.

— Подождите тут, я сейчас вестника пошлю к... торговцу. Он один на весь город мог продать такую ловушку. Давно дело-то было?

— Ее активировали чуть больше седмицы назад. Не думаю, что покупали загодя.

— Понял, — кивнул лепрекон и, развернувшись к нам спиной, пошаркал тапками вглубь комнаты. Там достал клетку, в которой попискивал вестник. Весьма необычный, но для трущоб — самое то. Это птица может вызвать подозрение. А вот шныряющая по подворотням крыса — ни в жизнь.

Хозяин начеркал пару строк на клочке бумаги и протянул ее через прутья. Крыса насадила записку на два своих желтых резца. Лепрекон открыл клетку, и длиннохвостая, захлопнув пасть, ртутной каплей стекла со стола на пол. Миг — и она уже ввинтилась в дыру, прогрызенную в углу.

А хозяин, повернувшись к нам, уставился отчего-то чуть выше моей головы.

— Что-то знакомое лицо у твоего дружка... Никак вспомнить не могу, — пробубнил он.

Его крючковатый нос, кажется, начал жить своей жизнью, то раздувая ноздри, то втягивая воздух. Глаза хозяина так же сощурились, будто пытаясь лучше разглядеть светлого.

А потом карлик хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно! Ты же та собака, из-за которой я, Билли Пересмешник, целых десять золотых позавчера проиграл!

Я вывернула шею, уставившись на Рига. Ну как он мог! В самый ответственный момент... и так подвести.

— Так надо было ставить на меня, а не на ледяного дракона, — процедил светлый.

Зато теперь, сопоставив даты, поняла, куда так рвался Риг, сбегая из лечебницы — не к любовнице, а на гонки... Интересно, и почему от этой мысли мне вдруг стало гораздо легче?

Впрочем, виду я не подавала. Наоборот, развернулась к Ригу и возмущенным тоном произнесла:

— Слушай, светлый, зачем ты подставил такого честного и уважаемого лепрекона? Проиграть не мог?

— А ты могла бы за контрабанду не брать деньги, а работать на голом энтузиазме и большом спасибо? — не остался в долгу Риг.

— Я сейчас тебе вместо «большого спасибо» организую маленькое «пожалуйста» — произнесла я, красноречиво намекая на то, что магу стоит срочно подумать о чем-то светлом и легком, например, о погребальном саване.

— Целоваться будешь? — Риг расплылся в хищной предвкушающей улыбке, плевать хотел на мое предупреждение. — Или займемся чем-нибудь поинтересней?

У меня дернулся глаз. Ну нагле-е-ец...

— Слушай, светлый, я уже говорила, что в тебе меня ничто так не бесит, как все?

— Конечно, — маг был непрошибаем. — Я бы с удовольствием стал для тебя ещё лучше. Но ты же меня знаешь: лучше уже некуда.

Тут в нашу милую перепалку вмешался смешок лепрекона. Хозяин откровенно ухмылялся:

— Вы не отвлекайтесь, не отвлекайтесь, продолжайте ссориться. Ради такого зрелища и десять золотых проиграть не жаль: на непрошибаемого Шторма нашлась управа...

— Чего? — это уже возмутилась я, обернувшись к хозяину.

А Билли Пересмешник довольно огладил свою короткую рыжую бороду и, будто не слыша моего вопроса, продолжил рассуждать:

— Ну, ты, малышка, сильная, ты с ним справишься. Согнешь этого паразита в бараний рог.

— А ещё я умная, поэтому даже не возьмусь... — недовольно буркнула я, поворачиваясь обратно к светлому.

Значит, Шторм... Гонщик, кадет и по совместительству — тот ещё паразит.

Паразит довольно ухмылялся, а за моей спиной раздался ехидный смешок лепрекона, и прозвучало едва слышное: «Ну-ну. Уже начала».

Писк в углу моментально привлек к себе все наше внимание: вестница вернулась. С добычей. В зубах крыса принесла короткую записку, к которой воском был приклепнут волос. Обычный такой, короткий.

Лепреконе аккуратно развернул послание и достал лупу: уж больно мелок и уборист оказался почерк писца. Спустя дюжину вдохов хозяин хмыкнул, аккуратно отлепил от клочка бумаги волос и протянул нам:

— Старик Хрос запаслив и очень дотошен. Вот волос покупателя. Он не из постоянных клиентов, залетный был, потому Хрос и решил подстраховаться, взял на память кое-что... Как выяснилось, не напрасно, — бескровные тонкие губы Пересмешника тронула хищная улыбка. Волос, аккуратно завернутый в клочок бумаги, я спрятала себе за пазуху и только потянулась в карман штанов за звонкой монетой (помощь должна быть оплачена, чтобы и в другой раз можно было на нее рассчитывать), как Риг меня опередил.

По столу на ребре закрутился целый золотой, который лепреконе ловко сграбастал.

— Щедро, — хмыкнул рыжебородый.

Я ничего не сказала при хозяине, решив, что как только выйдем, обязательно спрошу, откуда у «бедного кадета» привычка разбрасываться деньгами. Я, между прочим, за серебром потянулась...

Попрощавшись, мы двинулись к выходу. Риг переступил порог первым и сразу устремился к углу дома. Там, над водостоком пряталась его метла. Я неторопливо шла следом.

И тут с неба камнем упал маг верхом на помеле. Мы с ним разминулись чудом. Не отпрыгни я в сторону, он протаранил бы меня череном свой летуны.

Впрочем, чародей, кажется, не обратил на это внимания. Еще бы: шляпа, надвинута на самые глаза, платок скрывал нижнюю половину лица, как у бандитов с большой дороги... Да с таким камуфляжем немудрено перед носом не то что ночью кадетку не заметить, но и днем дракона в его крылатом облике.

Между тем странный тип перемахнул через метлу, ссаживаясь, и уже хотел шагнуть на крыльцо лавки, из которой мы только что вышли, как вскинул голову.

— Ева...

Имя, с изумленных сипом вырвавшееся из его горла, заставило меня вздрогнуть.

Платок, что скрывал лицо мага ниже глаз, упал, и я увидела заострённые скулы и подбородок, заросшие щетиной. Ее не было лишь там, где проходил шрам, пересекавший щеку. Тип сделал шаг ко мне. Он был невысокий. Я бы даже сказала, какой-то невзрачный, но от него веяло опасностью.

— Ева, — уже увереннее повторил он.

— Вы обознались!

Я нашла в себе силы взглянуть в глаза тому, кто назвал меня именем моей матери. Да, мы с ней были на одно лицо. Лишь с поправкой на двадцать лет... Ее столица тоже запомнила такой: молодой, красивой и полной сил, прежде чем она исчезла, пойдя следом за отцом.

Незнакомец вздрогнул, будто только осознав свою ошибку, одной рукой медленно потянулся к платку, закрывая лицо, а второй — к поясу.

Но тут рядом возник Риг. В его руке предупреждающе сжалось пламя. Смертельное. Даже я поняла: в это заклинание светлый вложил все десять единиц, что у него были.

— Я и вправду обознался, — буркнул незнакомец, как-то сгорбившись, и демонстративно отвернулся, потянув за ручку двери.

Та скрипнула, впуская странного типа в лавку лепрекона. И в этот же момент в небесах полыхнуло. Раздался свист ветра при том, что не было и дуновения. Дознатели. Значит этот «обознавшийся» уходил от погони. И судя по всему — ушел. Нам следовало бы тоже не нарываться, а спрятаться в тень...

Риг, видимо, подумал о том же:

— Пора валить!

— Куда? — как истинный контрабандист спросила я, прикидывая варианты.

— Хорошо, что не спросила кого, — как истинный боевой маг, которому проще убить, чем договорится, буркнул Риг.

Пламя вмиг втянулось в его руку.

— Давай в ту подворотню, — решила я, ткнув пальцем в неприметную даже не улочку, а щель между двумя домами.

Маг кивнул и, на всякий случай прикрывая мне спину, поспешил следом, по пути прихватив отброшенную было свою метлу. Я не задавала Ригу вопросов: с чего он вдруг решил использовать заклинание, за применение которого в мирное время можно и на каторгу угодить. Сейчас главное было спрятаться. Я уже сделала шаг в темноту укрытия, когда шею что-то кольнуло. Будто иглой.

Машинально прилепнула мошку, только потом сообразив, что они здесь вроде водиться не должны.

Тени подворотни скрыли нас, но мы продолжали бежать. Поворот, ещё один и еще... Пока звук погони не стал столь явным, что следовало затаиться.

Мы оказались в укрытии ровно за удар сердца до того, как над нашими головами на бреющем полете просвистел карательный отряд. Я, оказавшаяся на границе света и тени, инстинктивно вжалась в Рига, стоявшего в кромешной темноте.

Он обнял меня за талию и притянул к себе еще сильнее.

Его дыхание щекотало мне висок, а опасность, пролетевшая над нашими головами — нервы.

— Все же проклятием эта сволочь в тебя кинул, — чуть слышно произнес светлый. — Вот только каким, я так и не понял. Судя по всему, мелочь, чтобы не привлечь дознавателей всплеском тьмы.

— А ты отчего огненный аркан был готов спустить? — я чуть задрала голову.

Склонившийся ко мне Риг был совсем рядом.

— Может, потому, что он потянулся к своему поясному кинжалу... — то ли утверждая, то ли вопрошая ответил он.

Я сглотнула. Воспоминания о матери притупили бдительность, и вот результат — проворонила опасность.

— Почему он назвал тебя Евой? — подозрительно уточнил светлый, так и не убрав своих рук с моей талии.

— Так звали мою маму, а я на нее очень похожа.

Маг уже было открыл рот, чтобы что-то ещё спросить. Но тема была слишком опасной. Оттого я использовала самый действенный метод, столь любимый мужчинами: просто закрыла Ригу рот. Поцелуем. Впила в его губы. Миг — и светлый ответил мне, забыв о том, что хотел узнать. Метелка упала со стуком на землю. Его руки блуждали по моему телу: по спине, ягодицам, плечам. А мне хотелось большего, было мало одних поцелуев. И Ригу тоже — явно мало. Дурман, наваждение, сон. То, что происходило между нами, не могло быть реальностью. Я хотела обмануть Рига? Глупая. Скорее уж себя.

Риг сдавленно рыкнул, и мы с ним поменялись местами. Теперь я уже была прижата к стене, распластана на серых камнях. Ахнула, приоткрыв губы, и светлый не преминул этим воспользоваться, скользнув языком в мой рот. Кончик коснулся моих зубов, дразня, обещая, маня, заставляя окончательно потерять голову.

Я прикрыла глаза, отдаваясь ощущениям, запахам, прикосновениям, возбуждению. Забывая где мы, подставляя обнаженную шею для поцелуев.

Тихий рык и враз отпрянувшее от меня тело заставили прийти в себя. Риг нависал надо мной в распахнутой рубашке и тяжело дышал, словно каждый вздох для него был болью.

— Ты даже не представляешь, — он сглотнул, — каких усилий сейчас мне стоило удержаться. Меня и сейчас ломает от дикого желания, которое я не хочу ни контролировать, ни сдерживать. Крис, я хочу тебя. До одури. Но не так, не здесь... Бездна! — он ударил кулаком по стене. — Проклятая темная, я от тебя с ума сойду.

Мое тело еще горело от его ласк, а губы — от поцелуев. А голова, судя по всему, и вовсе не соображала, ибо в здравом уме я просто не смогла бы сказать:

— Значит, будем сходить вместе...

— Крис... — прошептал он, и столько нежности было в его голосе, надежды, тепла.

Над городом занимался рассвет. Первые лучи, еще робкие, несмелые, окрасили облака в нежно-розовый цвет.

— Скоро побудка... — я задрала голову, улыбаясь не знамо чему.

— Да, у нас с тобой была веселая и горячая ночь... — усмехнулся Риг и тоже привалился плечом к стене.

— И не говори.

Светлый повернулся ко мне, провел рукой по шее, нахмурившись.

— И все же я не пойму. Каким проклятием он в тебя запустил? По силе — что-то сродни насморку или испорченному платью. Вроде ничего серьезного, но... Зачем вообще нужно было?

— Это же темный, а мы темные делаем гадости по настроению и велению души, а не по логике, — отшутилась я.

А сама крепко задумалась: встретившийся тип узнал во мне маму. Хотя, может, двадцать лет назад это был один из поклонников знаменитой актрисы?

— Все равно в этом стоит разобраться, — не сдавался Риг.

— Но не прямо же сейчас? — возразила я.

— Да, сейчас немного не время и не место. К тому же мы и так... — он сделал красноречивую паузу, — задержались.

В порядок светлый привел себя быстро. Подхватил метлу, оседлал и приглашающе кивнул.

Усаживаясь сзади Рига, я поплотнее запахла куртку: если ночь была прохладной, то утро — тем паче.

Мы полетели над еще спящим городом.

— У нас есть пол-удара колокола. А я обещал тебе пройтись по бульвару... — начал светлый и, не дожидаясь моего согласия, пошел на снижение.

— Эй, — возмутилась я, фыркнув.

— Тут рядом отличная пекарня, где уже наверняка из печи появились утренние булочки, — начал соблазнять меня этот хитрец. — Пройдемся по безлюдному бульвару, встретим рассвет.
— А потом нас у ворот академии встретит страж.
— Крис, ты зануда, — вздохнул светлый, упрямо приземляясь.
— Не зануда, а профессиональная контрабандистка.
— Хорошо, профессиональная зануда, — поддразнил меня Риг, когда мы приземлились. Светлый спрыгнул с метлы и, обернувшись, быстро поцеловал меня в кончик носа.

ГЛАВА 10

Захотелось на это заявление показать язык. Но я же вроде девушка, а не карапуз, потому показала характер, который у меня, к слову, вообще золотой, оттого сильно тяжелый.

— Ты псих? — без обиняков спросила я.

— Есть такое, — светлый был непрошибаем. — Подожди меня. Я мигом.

И умчался. Вот что за тип, а? Даже поругаться не дает! Впрочем, как утверждал отец, женщина — это такое существо, которое если хочет устроить полноценный конструктивный диспут, даже отсутствие собеседника не остановит. То же самое касается и скандалов.

Поэтому пока Риг бегал за булочками, я вдоволь ругала его. Хотела попинать чугунные перила ажурной скамейки, представив, что это светлый, но пожалела ногу. Мне будет явно больнее, чем литой загогулине.

Наконец вернулся явно довольный Риг, неся целый бумажный пакет с булочками. Пахли они изумительно, и на вкус оказались ничуть не хуже. Правда, мне вначале протянули лишь одну, и когда я ее умяла и потянулась за второй, светлый ревниво пробурчал:

— Я думал, девушки следят за своей фигурой...

— Я не слежу, — заверила я, цапнув-таки ещё теплый кругляшок, — и даже не шпионю. Я вполне ей доверяю.

— Мда, надо было брать больше, — Риг расстроено сунул нос в пакет. — А ведь ты, Крис, должна ценить! Я тут пекусь о твоём здоровье, беру мучной и жировой удар по твоей талии на себя, а ты еще возмущается...

Я фыркнула:

— Я вот смотрю на тебя и думаю, что «адекватность» — твоё второе имя.

Только светлый хотел возгордиться, как я уничижительно добавила:

— А первое — «не».

Впрочем, светлый не обиделся, совсем не обиделся, лишь поднатужился и запихнул в себя последнюю булочку, на которую я, между прочим, нацелилась.

Схозячил ее он отчего-то с мученическим видом.

— Думал, ты начнешь отбирать, — упрекнул явно объевшийся светлый. — Я на это даже надеялся...

Мы шли по бульвару города, который был готов проснуться. Метла летела рядом с нами, будто приглашая прокатиться. Воздух был прохладным и кристально чистым, еще не наполненным шумом и пылью, что гасит звуки, притупляет яркость эмоций. И то, как мы дурачились со светлым... Есть такие моменты в жизни, которые не забываются не потому, что произошло что-то грандиозное, а потому, что ты был полностью самим собой.

Но все в этом мире конечно: и время, и булочки. Колокол ударил пять раз, и Риг, смяв пустой пакет, выбросил его в мусорную кадку.

— Ну что, в академию?

Я кивнула. Куда же еще?

Успели мы как раз к побудке, шустро побежали каждый к своей группе на построение. И если до того, как расстаться со светлым, сна у меня не было ни в одном глазу, то едва я оказалась в шеренге первокурсников, как безбожно захотелось зевать.

В столовой я и вовсе клевала носом, не отвечая на подначки Эла.

— Ты смотри, не усни на практикуме, а то магистр Вонс этого не перенесет. На том занятии ты его любимого гребневика по стенке размазала, сейчас и вовсе всхрипнешь, выказав тем самым неуважение к преподавателю, — беззастенчиво глумился ушастый.

Ну погоди, эльф, мысленно позлорадствовала я, доберутся до тебя Эйта с Карой... Тогда я над тобой поехидничаю. Впрочем, подколки Эла оказались куда эффективнее, чем бодрящий взвар, от которого зевки стали хоть реже, зато шире.

В подземном зале мы опять увиделись с Ригом. И мне стало до жути обидно и завидно: ночь мы провели вместе, и не спали одинаково, но светлый выглядел, как огурчик. Причем, даже не в смысле зеленый, пупырчатый и сморщенный, нет, наоборот — свежий. В общем, я жутко завидовала. А ещё у меня чесалась шея в том месте, куда меня «ужалило» проклятие.

— Смотрю, ты сегодня хмурая. Что-то случилось? — напоказ спросил этот паразит, будто и не ко мне обращался, а к соседям, что стояли неподалеку.

— У меня были небольшие проблемы с глазами, но сейчас все нормально. Я их недавно открыла, — буркнула я, подтверждая лекарскую истину: при раздражении от чужой глупости у пациента появляются высыпания в виде сарказма.

— Язвишь — значит, с тобой все в порядке. А я уже было забеспокоился... — Риг крутанул в руке крюк, проверяя его на баланс.

Показавшийся в тоннеле гигантский червь избавил от необходимости что-то отвечать. Я разбежалась и вслед за светлым всадила крюк в дубовую шкуру nereиды. Она ничего не почувствовала, продолжая перебирать своими щетинками, что стремительно несли ее змеобразное тело вперед. Одинаковые сегменты, напоминавшие кольца гигантского панциря, ходили ходуном.

Но в этот раз я уже была не столь поражена нашим транспортом, чтобы не заметить, когда нужно будет спрыгнуть.

А едва кадеты приземлились, магистр Вонс махнул рукой в жесте «за мной». На одну поджигательницу преподаватель демонстративно не смотрел, чему я, к слову, была рада. Сегодня занятия проходили в другом зале. Он был больше, с высоким потолком, с которого тоже свисали острые глыбы.

Кто-то из кадетов, задрав голову вверх, присвистнул.

— Эти сталактиты способны провисеть под сводом пещеры десятки тысяч лет. Скорее вы успеете умереть, чем хоть один из них рухнет, — бросил через плечо Вонс, не обернувшись. — Сегодня мы изучим одних из самых многочисленных обитателей бездны — гааков.

Словно вторя его словам, впереди раздался рев, от которого, по ощущениям, все внутренности перевернулись.

Риг шел рядом. И вот странность, походка его становилась все мягче, а тело, напротив, — напряженнее. Чисто снежный барс, вышедший на охоту.

— Держись рядом, — почти не разжимая губ, прошептал он. — Я чувствую, что-то меняется, но не могу понять, что именно.

Шея у меня чесалась все сильнее. Я даже машинально поскребла кожу.

— Разбейтесь на пары, сегодня сильнейшие будут последними, — скомандовал Вонс.

Я все же удостоилась его осуждающего взгляда, который решил, что не стоит делать срыв занятий доброй традицией.

Мы с Ригом отошли чуть в сторону, поближе к одной из стен, в которой был то ли ответвление пещеры, то ли ниша.

Первым сомнительной чести «набить морду» гааку удостоился Эл. Эльф передернул плечами. Его напарник, вернее, напарница, со злым прищуром (ну прямо обманутая в лучших чувствах любовница) глянула на ушастого.

Эльф ударил арканом Рейхо, который должен был обездвижить тварь, рвущуюся с цепи. И я даже видела, что друг вложил в него семь единиц силы — немало. Таким не то что связать, убить можно. Правда, мага средней руки.

Но вот странность, аркан даже не долетел до твари. Рассыпался, напоследок ярко сверкнув. Будто взорвался. Я отшатнулась, а шея зачесалась ещё сильнее.

Эл удостоился смешков за спиной и недовольства преподавателя. Но со следующим кадетом произошел тот же конфуз.

— На ком воронка? — грозно гаркнул Вонс, и в этот миг каменная сосулька решила, что она засиделась на своде пещеры. А может, как раз на этот момент пришелся ее юбилей (десятитысячелетие), и она с шумом решила уйти на пенсию: мол, повисела, и хватит... Вот только почему-то в качестве мягкой перины она избрала меня. Я выкрикнула, пытаясь создать над головой щит, и в этот момент меня толкнули в бок. Я полетела в отрог каменной пещеры, перекатилась по полу несколько раз в обнимку со своим спасителем. Там, где я только что стояла, раздался грохот — начался обвал. Я лежала, распластавшись на камнях, придавленная сверху глыбой. Правда, теплой, дышащей. Пыль, поднимавшаяся вокруг, не давала вдохнуть. Грохот бил не просто по ушам — по всему телу. Наотмашь. Содрогалось все: воздух, камни подо мной, я сама. Казалось, шевельнись — и летящие сверху камни разmozжат мне голову, переломят хребет, несмотря на то, что сверху меня прикрывал Риг. По ощущениям, случился не обвал, а конец света, и мы летим напрямик за грань, где нас с ласковой улыбкой ждет уже госпожа Смерть. Хотелось одного: заскулить, прикрыть голову руками и молить небеса и бездну, чтобы все побыстрее прекратилось. Даже тьма внутри меня как-то сжалась. Один из камней упал рядом с мной, прокатился, чиркнув по локтю. Все закончилось так же внезапно, как и началось. Наступила оглушительная тишина. И она напугала еще больше. Риг лежал на мне и не двигался. Я не могла говорить: горло сдавил спазм. Попробовала пошевелиться. Это стоило невероятных усилий, но все же. Я выползла из-под светлого, встала на карачки и приложила пальцы к шее Рига, прощупывая пульс. Светлый был жив. Мало того, маг оказался на редкость везучим: его не задело. Осмотрела тело Рига, аккуратно перевернув его на спину, так чтобы дыханию ничего не мешало. Но только когда он открыл глаза, уставившись на меня, я вздохнула с облегчением. Как оказалось, обрадовалась я рано. Риг, едва пришел в себя, уставился на потолок, а потом резко скомандовал: «Бежим!». Он сам резко перевернулся на живот и вмиг собрался, поднимая тело с камней. Рванули мы вместе, и очень вовремя. Трещина, что расходилась по потолку, была лишь предвестницей основного действия: если в пещере на нас падали каменные сосульки, то тут могло просто расплющить рухнувшим сводом. Мы неслись как сумасшедшие. Я позабыла о дыхании, о дикой боли в ноге, обо всем. А вот Риг умудрялся ещё нет-нет да и швырять сдерживающие заклинания. Впереди замаячил тупик. — Крис. Щит! Мы не успеем уйти. Щит, ага! Вот только одна проблема: чтобы создать плетение, нужно было хотя бы на миг остановиться. А у меня его не было. Словно прочитав мои мысли, светлый крикнул: — Я задержу! Давай. И этот псих и правда резко развернулся: — Рейсо! — из ладони светлого вырвался поток силы. Время для меня словно замедлилось. Превратилось в тягучую смолу. Вот я поворачиваюсь, на ходу выводя в воздухе запирающую руну. Напитываю ее силой. Всей, что есть во мне. Без остатка. Кидаю знак, полыхнувший убийственным холодом, назад, в лавину камней. Чары огибают Рига, чтобы превратиться в щит, а саму меня отбрасывает к стене. Я проехала на спине локтей семь, ударившись лопатками о камень. А преграда... она остановила обвал ровно в нескольких ладонях от лица Рига. Сделай он шаг вперед — и уперся бы в стену из камней. Светлый поднял руку и поднес ее к щиту. Осторожно прикоснулся, словно не веря в случившееся. — Крис, у нас получилось, получилось! — он с совершенно сумасшедшим видом обернулся ко мне. Наверное, именно такое выражение лица у осужденного на казнь, над шеей которого палач уже занес топор, и тут герольд зачитал приказ о помиловании. Но Риг, увидев меня в позе сломанной куклы, осекся. Он оказался рядом в миг. — Что с тобой? Где болит? Крис, Крис... Его лицо побелело, он стал лихорадочно ощупывать меня, силясь понять, что случилось. — Риг, — сама удивилась, как сипло прозвучал мой голос. — Со мной все в порядке... Ну, насколько может быть в порядке после того, как мы едва не погибли.

Сказала и только тут поняла, что произошло. Мозг наконец осознал случившееся. А ещё то, что Риг дважды спас мою жизнь.

Меня затрясло от запоздалого страха. Захотелось обнять светлого, почувствовать, что он жив.

Что я жива. Я потянулась к нему, прижалась как можно ближе.

Его руки. Такие знакомые, родные, крепко обняли. А потом наши губы сами нашли друг друга. Я чувствовала его вкус, его силу. Сильные руки скользили по моему телу. Прикосновения, которые обещали, манили, заставляли потерять разум. Мое тело откликалось на них, изнывая от желания.

— Крис, я не железный, — услышала то ли сдавленный стон, то ли мольбу.

— Не нужно быть железным, будь просто живым, — прошептала я.

Мои слова словно прорвали плотину. А дальше был шторм. Буря, которая сметает все. Мы были волнами, что ударяются о скалы, огнем, который плавит камни. Не оставляя шансов на отступление ни себе, ни друг другу. Моя рубашка, его куртка, ремень, со звоном упавший куда-то — ничего этого мы не замечали. Казалось, что оторвись мы друг от друга на миг — и умрем. Что нас раздавит тяжестью посильнее, чем крошево обвала.

Мы не целовались, мы клеймили губами и прикосновениями, забирались под кожу, проникали в кровь, дышали друг другом. Казалось, внутри меня кто-то незримый выжигает его имя, а на его душе — мое.

Я хотела Рига. Чувствовать его. Ощущать. Открываться ему навстречу.

Его руки скользили по моей обнаженной груди, животу, бедрам. Я откинула голову, подставляя шею, выгибаясь навстречу этим ласкам.

Из моей груди вырвался вскрик, когда Риг вторгся. Тело светлого напрялось, а в глазах, полных желания, мелькнуло недоумение.

— Я твой первый мужчина? — слова дались ему с трудом, дыхание прерывалось, словно горло отвыкло от иных звуков, кроме рыка.

Я нашла в себе лишь силы кивнуть.

— И я сделаю все, чтобы стать для тебя единственным, — прошептал светлый, прикладывая дорожку из поцелуев от моей шеи к животу и ниже.

Все изменилось. Не было больше сметающей страсти, была нежность. Его губы, язык, сводили меня с ума, заставляя забыть, где я и кто. Мое тело горело, требовало. Спазмы удовольствия прокатывались волнами по всему позвоночнику, заставляя выгибаться.

Я стонала, отдаваясь Ригу без остатка. Его темные волосы на моей груди, когда он целовал ложбинку между ключиц, его запах, терпкий, дурманивший почище любого вина.

— Риг, — его имя сорвалось с моих губ. Неосознанно, со стоном наслаждения.

А поцелуи становились все откровеннее, спускаясь все ниже. Грудь. Живот. Бедра. Дразня, заставляя открыться, отдаться.

Риг брал меня осторожно, умело. А я подавалась ему навстречу, цепляясь за его плечи, спину, оставляя свои отметины. Он вторгся в меня. Не спеша. Изошренная пытка, когда удовольствие смешивается с болью. И ты хочешь ещё и еще.

Я чувствовала, что Риг сдерживается, словно сквозь жаркий туман видела, как обозначились мышцы на его шее, ощущала, как опалает жар сбивающегося дыхания. Он медленно погружался в меня, не переставая целовать. А я чувствовала стук его сердца, его сдерживаемую мощь и силу.

— Моя, Крис, ты моя, а я твой...

Это были последние внятные слова. А дальше — лишь танец наших тел, лишь рваные вдохи и выдохи, когда нет сил сдержать стон. Друг другу отвечали не наши тела — наши души.

Казалось, ещё немного — и я умру. От ощущений, от ласк, от Рига, который был во мне.

Ураган сменился штилем. Мы уставшие, пьяные счастьем, дышали друг другом.

— Крис, — шепот Рига щекотал влажную шею, — знаешь, чего я больше всего хочу? Сейчас. Всегда.

— М-м-м? — я зажмурилась, словно сытая кошка.

— Касаться. Касаться тебя.

Я открыла глаза, прищурившись. Впервые мне было так хорошо. Спокойно. Посреди хаоса вокруг. В пещере, куда вход завален камнями. Я не знала, что с нами будет не то что завтра, а даже через удар колокола. Но... будь что будет. Пока мы живы и честны. С собой. Друг с другом.

Я взглянула на того, в кого влюбилась помимо собственной воли. Признаться, порою у меня чесались руки, чтобы его придушить. Риг — типичный диктатор, узурпатор на полставки, казначей, берегущий свое злато. Этот светлый, если ему было нужно, мог убедить кого угодно в чем угодно. Даже в том, что драконье дыхание отлично лечит ревматизм, если оплачено полновесным мешочком золота. А ещё он скрытый ревнивец. Внешне мог быть невозмутим, но если рявкнет — дрожат не только стены, но и горы, букеты, подаренные мне другими тут же вянут и вообще самоликвидируются.

— Риг, — я провела пальцем по его скуле, очерчивая ее. — Ты мне дорог. Очень дорог.

— Крис, — с какой-то затаенной мольбой произнес он, посмотрев мне прямо в глаза. — Ты любишь меня? Вот такого... Бедняка, у которого нет ни гроша в кармане?

Вопрос меня насторожил, и отчасти даже обидел: да за кого он меня принимает? Если бы я не любила его, то ничего бы между нами не было.

— Да, чокнутый светлый, да, — ответила я со злостью. — Люблю тебя, паразита, который мог подумать, что я, Крисро Кархец, стала бы делить постель с кем-то по расчёту!

Выпала, и тут мой взгляд упал на камни, разбросанную одежду... М-да, с постелью я слегка погорячилась.

— Прости, я хотел знать, не сожалеешь ли ты о том, что произошло. Вдруг уже считаешь, что я воспользовался ситуацией, тобой...

— Сожалею, — сквозь сжатые зубы прошипела я. — Сожалею, что на ум сейчас не приходит заклинание, которым бы могла засветить в тебя, чтобы не убить.

Но я все же дернулась. Риг тут же перехватил мою руку. Еще и навалился сверху для надёжности.

— А вот теперь, когда я узнал твое настоящее имя...

Его слова заставили меня прикусить язык. Это надо же было так забыться, чтобы назвать себя фамилией отца! Но светлый, казалось, этого не заметил. Он улыбался, словно только что одержал важную для него победу.

— Так вот, Крис. Я только что поступил ужасно подло и отвратительно... В лучших традициях негодяев. Воспользовался твоей доверчивостью и лишил невинности...

Уже поняв, куда клонит Риг, я попыталась выскользнуть из-под него. Сволочь. Значит, все это было лишь игрой? Надеюсь, хотя бы не спором: кто первым окажется в постели с пожирательницей?

— Поэтому теперь я просто обязан на тебе жениться, — между тем закончил он.

Только тут до меня дошло, что он отплатил мне той же монетой, дразня.

— Крисро Кархец, самая несносная темная из всех, кого я знаю, ты выйдешь за меня замуж? — почти официальным тоном спросил Риг. Почти, потому как при этом пытался удержать злую до крайности меня, пытавшуюся его покалечить.

— Что? — ошалело переспросила я, меньше всего ожидая подобного от Рига.

Мы оба были кадетами военной академии. Нам нельзя было сочетаться узами брака до сорока лет, а этот псих...

— Ты станешь моей женой? — повторил Риг, и тихо простонал: — Как же это, оказывается, сложно, делать предложение...

— Может, потому что обстановка слегка не располагает. Да и поза. Я считала, что когда говорят о прогулке к алтарю, то юноша стоит на колене и протягивает брачный браслет...

— Боюсь, что если я встану на колено, то ты не будешь взирать на меня, ожидая, пока я тебе что-то там протяну, а огреешь меня по макушке.

— Как хорошо, оказывается, ты меня знаешь... — фыркнула я.

Риг самодовольно улыбнулся.

— Знаю. А ещё я знаю, что тебе нужен психически здоровый муж, а не оглушенный камнем полоумный...

— То есть отказать — вообще не вариант, — осведомилась я, оценив намек.

— Я из тех, кто любит побыть один. Но если я нацелился на брачные узы, то все. Тебе придется смириться: как бы то ни было, тебя твое счастье в моем лице утащит к алтарю. Спротивление в этом случае бесполезно. Даже если ты будешь упираться ногами и руками, а в храме кричать: «Нет!» — все равно. Я не мытьем, так катаньем, добьюсь своего.

— Ты сумасшедший. Нас не поженит ни один храмовник или градоначальник... Но знаешь, я согласна. Хотя бы ради того, чтобы трепать тебе нервы на законных основаниях всю жизнь, сколько бы ее у нас ни осталось.

Последнее уточнение было весьма актуально, если учесть, что выбраться отсюда живыми у нас шансов практически не было. Даже магией расчищать завал, длина которого была две дюжины полетов стрел, будут пару седмиц. Мы же, без еды, воды и воздуха, навряд ли протянем столько.

Но пока я была занята мрачными перспективами будущего, Риг, скатившись с меня, поднял свои валяющиеся чуть поодаль штаны и достал из кармана два браслета. Протянул мне один из них. Я приняла чуть дрогнувшей рукой.

В сумраке пещеры, который рассеивало лишь свечение заклинания щита, что сдерживал лавину каменного крошева, мелкие камни украшения скупое сияли. Но все равно я поняла, это браслет из тех древних реликвий, которые блещут редко, не на показ.

— Я знаю, что закон запрещает кадетам вступать в брак, поэтому я Ригнар, урожденный Аро, перед четырьмя стихиями клянусь, что буду любить тебя всегда. Я обещаю это от всего сердца. Отныне и до конца моих дней все мои мысли о тебе, все мои сны — о тебе. Я могу жить лишь с тобой или не жить вовсе. Я навеки твой, Крис.

Я сглотнула. Откровенность могла мне стоить жизни, но все же я не могла принять клятвы, не сказав кое о чем важном.

— Риг... Я должна признаться... — я прикрыла глаза, собираясь с духом.

Светлый напрягся, что-то почувствовав.

— Риг, я дочь беглого преступника. Мой отец — светлый запечатанный маг, осужденный на каторгу в рудниках. У его детей вплоть до седьмого колена должна быть заперта магия. Но моя темная мета оказалась сильнее. Она просто сожгла печать. Теперь за мной охотится инквизиция. И я верну тебе клятву, если ты считаешь, что ... — мой голос все же сорвался, и я не договорила.

Но светлый все понял, упрямо сжал губы:

— Крис, мне не важно, кто твой отец: священник или беглый каторжник. Я люблю тебя, потому что это ты.

По моей щеке скатилась слеза. Одинокая. Я закусила губу. Я ему нужна. Даже такая. С приданым в виде цепных псов инквизиции на хвосте, с сомнительным прошлым.

— Ригнар, урожденный Аро, я Крисро, дочь Меченого Ви, Вицлава Кархеца, беру тебя в свои спутники от этого мига и до конца своих дней. Клянусь, что что буду любить тебя всегда... — я произнесла свою часть традиционной клятвы эльфов.

Я уже догадалась, почему он выбрал именно ее: браслет, что он протянул мне, был тоже эльфийской работы.

— Застегни его на моей руке, — тихо произнес Риг, подставляя свое запястье.

Я осторожно, словно не веря в происходящее, поднесла свою ладонь, в которой был браслет, к руке светлого. И едва я надела на нее украшение, как оно тут же впилось в кожу.

— Оно проступит брачной татуировкой, едва на твоём запястье замкнется подобное.

Я протянула свою руку, чтобы и Риг застегнул браслет на мне. Но он развернул мою ладонь и вложил в нее украшение.

— Крис, ты застегнешь его через двадцать лет, когда истечет срок твоей присяги на артефакте Мрака.

Он не сказал: «Если я к тому времени ещё буду жив», — но эту фразу легко было угадать. Все же этот несносный псих нашел лазейку. Он таки женился на мне. Правда, я не совсем была его женой, скорее невестой, которая ещё может разорвать помолвку, в то время как Риг уже был связан брачной клятвой.

— Какой же ты...

— Благородный? — подсказал Риг, усмехнувшись.

— Да, очень... — я не смогла не согласиться со светлым, хотя хотела сначала сказать совершенно иное.

— Крис, я, кажется, тебе тоже должен признаться. Правда, я расчетливо выждал, когда ты проникнешься моим поступком, и тебе захочется убить меня не столь сильно...

— И-и-и? — я подалась вперед, руки сжались в кулаки, ногти непроизвольно врезались в кожу.

— В общем, я не бедняк. На гонках я сколотил приличное состояние. А еще я сын аристократа. Бастард одного из влиятельнейших людей империи. И хотя от богатств отца я отказался, но мое имя вписано в боковую ветвь его родового древа.

— Что?!

Я была готова к какому угодно признанию: что у Рига есть внебрачный сын, что он ограбил главного храмовника империи, что он шпионит на эльфов...

— Я говорю, что если ты рассчитывала, что со мной будешь жить в бедности и считать последние медьки, то мне придется тебя разочаровать...

— Значит, все это время ты врал? — уточнила я.

— Нет. Всего лишь недоговаривал. Я действительно сбежал от отца, действительно наперекор ему поступил в академию.

— Ригнар Аро, что ты ещё «недоговорил»? — я зябко передернула плечами, вдруг резко почувствовав, какой вокруг холод.

Риг заметил этот жест и без слов потянулся за моей рубашкой.

— Крис, я отвечу тебе на все вопросы, но сначала давай я тебя одену...

И столько провокации было в этой его, казалось бы, невинной фразе.

Впрочем, словами дело не ограничилось. Я никогда и подумать не могла, что соблазнить можно не раздевая, а как раз наоборот. Прикосновения, взгляды, жесты — в каждом из них было столько заботы и ... сдерживаемого желания.

Потому облачилась я в рекордные сроки. Опасаясь больше себя, чем Рига. Браслет спрятала в потайной карман куртки: теперь для меня это была самая большая ценность.

— Ну что. Теперь я готова к подвигам, — я усмехнулась, смахнув невидимую пылинку с плеча. Даже нос задрала вверх. Осталось только поднять над головой воображаемый меч и крикнуть: «В атаку!» Но тут я почувствовала, как лица коснулся сквозняк. Едва ощутимый, но все же.

— Так... Риг, кажется, твоя исповедь откладывается, — азартно произнесла я, двинувшись на встречу колебанию воздуха.

— Ты решила открыть проход в бездну? — как само собой разумеющееся спросил светлый.

Я едва не споткнулась от такого очевидного предположения. Мое знакомство с Мраком было коротким и весьма прибыльным: я заполучила Кару, а вместе с ней смертельную ненависть ее отца. Подозреваю, что и взбесившийся гребневик — тоже один из приветов тьмы, адресованный лично мне. Посему возвращаться туда, откуда в прошлый раз я еле унесла ноги, не хотелось. Но другого выхода не было.

— Уже да, решила, — меняя план, согласилась я, припоминая, как должна выглядеть пентаграмма переноса.

Спустя некоторое время на полу красовалась корявая пятиконечная звезда, вписанная в круг. Риг скептически осмотрел мою напольную живопись, но смолчал. Очень выразительно смолчал. В общем, лучше бы высказался.

— Прошу, — я театральным жестом указала на свое творчество.

Светлый с сомнением шагнул и потоптался в центре рисунка. Я шагнула следом. Постаралась как можно плотнее прижаться спиной к груди Рига. Звездочка получилась, прямо скажем, небольшой, только бы нам поместиться.

Вдох. Сосредоточиться и на одном выдохе произнести заклинание. Но уже с первых мгновений что-то пошло не так. Мы еще не начали проваливаться, как вокруг закружился не Мрак, а сама госпожа Смерть, казалось, решила исполнить свой погребальный танец.

Здоровенная узловатая лапа, увенчанная острыми когтями, мазнула в какой-то ладони от моего плеча. Не поймала, но тут же по боку хлестнул чей-то то ли хвост, то ли щупальце. В месте удара тело обожгло болью.

— Назад! — крикнул Риг, вскинув руку и ставя предо мной щит.

Я сбилась на полуслове. Перед глазами так и стояла схема переноса с направляющими векторами. Развернуть. Влить пять единиц силы. Представить точку отправки — заваленную обвалом пещеру.

Вывалились из пентаграммы за миг до того, как какая-то тварь бездны бросилась прямо на нас. Или...

Все же не успели. Волна воздуха от схлопнувшегося прохода в бездну отбросила нас к стене, но тварь все же успела пройти следом за нами. Она была небольшая по меркам порубежников —

всего-то в холке по пояс мне, и не из самых опасных. Вот только одно «но»: мы были в каменном мешке, длина которого — не больше дюжины локтей.

Риг выругался, создавая одной рукой атакующий аркан, вторую — держа наготове.

— Крис, прикройся щитом, пока я ее не убью.

Смелое заявление. Даже для порубежника. Да, очень смелое. И самонадеянное.

Тварь оскалилась, вторя моим мыслям. Больше всего она была похожа на ящерицу-переростка. Чешуйчатое тело с ноздреватыми наростами по бокам и внушительным гребнем вдоль всего хребта. Сильный хвост со своеобразной булавой на конце. Плоская тупая морда и широкая пасть с двумя рядами зубов-шил.

Запоздало припомнила, что уже видела такую в учебнике по бестиологии: вейри. Класс опасности второй. Основной способ атаки: ядовитые иглы, спрятанные в «кратерах», что идут линиями вдоль тела. Добывает жертву ударом хвоста.

Риг атаковал первым, сумев забросить на шею твари аркан. Та ответила молниеносно — выпустив залп ядовитых игл. Я не успела предупреждающе крикнуть, как светлый уже выставил щит. Острые тонкие шипы увязли в нем, как в киселе.

— Ее душить бесполезно, — все же крикнула я, — она без воздуха два удара колокола спокойно прожить может!

— Знаю, — пропыхтел Риг, удерживая аркан. — А еще она крайне подвижна и может легко лазать по потолку. Мне нужно, чтобы она хотя бы немного постояла на месте, чтобы я в нее... Договорить он не успел. Тварь рванула. Увы, по массе зверюга явно опережала светлого: хоть она была и не высокой, но компенсировала это длиной и шириной. А весила наверняка как бык — трехлетка.

А еще я поняла, что в гениальном плане светлого есть здоровенная дыра: одной рукой он держал зверюгу, второй — щит. Кастовать третье заклинание ему было попросту нечем. Из доступных вариантов атаки монстра был только «забодать».

Зато у меня такая возможность была. Заклинаний убийства тварей я пока знала не так много, да и перебирать их времени особо не было, а вот чуть опустить щит, что держал обвал...

Едва я чуть ослабила заслон, как один из здоровенных камней вырвался, перевалив через край магической преграды, и убил тварь самым прозаическим образом: размоzzив ей башку. Правда, я узнала об этом чуть позже. А пока была занята более важным делом: нужно было вновь поднять щит, чтобы нас самих не завалило.

Когда все закончилось, и я оглядела поле боя... Впрочем, поле — слишком громко. Скорее, клетка... Так вот: все стены были утыканы иглами (а в ведь мы были в каменном мешке, а не деревянном срубе!) и расписаны пятнами сизой слизи, что заменяла вейри кровь.

В защитном контуре, которым прикрылась сама, пока Риг удерживал зверюгу, тоже застряло несколько ядовитых подарков. Убрала его, и иглы тут же осыпались к ногам. А затем поспешила к Ригу. Он стоя бледный, прислонившись к стене, держась за бок.

Догадка, что его все же задело, стегнула, как плетью. Я подбежала к светлому, лихорадочно пытаюсь понять: как?

— Риг, — мои губы онемели и наружу вырвался сдавленный сип.

Только спустя миг я сообразила: из бока светлого не торчит щип. Вместо него там здоровенный ожог. Словно подтверждая мою догадку, Риг сквозь зубы, произнес:

— Когда мы начали погружаться, одна из тварей задела меня огненным хвостом. Ничего...

Сейчас наложу замораживающее заклинание, — его слова не расходились с делом. Несколько вздохов, и светлый уже смог говорить, не корчась от боли.

Я а все смотрела на запёкшуюся корку крови: удар прожёл и черную кожаную куртку, и рубашку насквозь.

— Удар поверхностный. Содрал много, но в глубь не ушел. Тебя не задело?

Я вспомнила, что вроде бы при погружении что-то ударило, но, судя по тому, что сейчас в том месте лишь саднило — ничего страшного.

— Нет, — почти не солгала я, украдкой глянув на свою куртку: на ней была здоровенная подпалина, но не более.

— Врушка, — по-доброму усмехнулся Риг и, вслед за мной осмотрев погром, выдал: — Так понимаю, в бездну нам соваться не стоит. Правда, я впервые слышу, чтобы тьма так активно и горячо встречала темного...

— Просто у меня с ней особые счёты.

— Это какие же? — заинтересовался светлый.
— Я украла оттуда демонессу. Случайно.
— Что? — кажется, Риг даже забыл, как его зовут. — Крис, можно нечаянно книгу с полки уронить или забыть о ерунде... Но случайно украсть высшего из Мрака?
И что? Зато в своем воображаемом резюме контрабандистки можно смело вписать: «практикую кражу демонов». Наверняка это повысит мой профессиональный уровень в глазах потенциальных клиентов.
Вот только сейчас в глазах не потенциального, а вполне реального мужа моя оценка по шкале «хорошая жена» спешно опускалась, стремясь не просто к нулю, а к минус бесконечности.
— Крис, что ты ещё о себе не рассказала? — проникновенно спросил светлый.
— Вот теперь точно все, — честно заверила я.
— И почему меня терзают смутные сомнения?
— Не знаю, что тебя там терзает, но если рану не перевязать, то вскоре тебя будет мучить и кое-что другое. Закливание заморозки не вечно.
— Как закончится, я его обновлю, — упрямо возразил Риг.
— Лучше бы лечебное запустил! — проворчала я. Как оказалось, мне не чужда сварливость.
— Закливание регенерации сжирает почти все ресурсы мага, — нравоучительно напомнил светлый.
— Как будто у тебя тут одного резерв десятка. Активируй.
Риг с видом «хуже быть все равно не может» начал чертить на своей коже руну жизни. Она впиталась в его тело, напоследок слабо вспыхнув.
— Поздравляю, ближайшие сутки я — обычный человек, — недовольно буркнул маг и тут же скривился.
— Что? — испугалась я.
— Ожег чесаться начал, — выдал светлый таким обиженным тоном, словно это я лично щекотала его бок.
Я выдохнула с облегчением.
— Пусть ты обычный человек без магии и с лишаем... — начала я.
— Это рана так заживает — тут же перебил Риг.
— С заживающим лишаем, — согласилась я. — Но главное, что живой. А скоро будешь и здоровым.
— Вот только долго ли. Мы здесь без воды, еды, а вскоре — и без воздуха...
И тут я вспомнила: до того, как Риг заговорил о проходе через бездну, я чувствовала движение воздуха.

ГЛАВА 11

— Кажется, тут что-то есть... — я указала в угол пещеры.
Мы двинулись в чернильный сумрак, куда не доходило скупое мерцание щита. Я создала светляка и огляделась. Тупик, в котором мы оказались, имел небольшую боковую нишу. Она была всего в локоть шириной. Я протиснулась легко, Риг застрял. Впрочем, вдвоем мы бы в ней не поместились. Холод камней обнимал за плечи, давил, шептал. Но кроме него здесь было еще кое-что: слабый ток воздуха.
Я задрала голову, искра послушно скользнула надо мной, и я увидела даже не колодец. Разлом. Будто сама гора решила заговорить и разверзла уста.
— Здесь есть проход, — обрадовала я светлого. — Интересно, он только что образовался, или был здесь уже сотни лет, как и те сталактиты?
— Точно не сегодня. Проклятие должно было тебя убить, а не помогать выбраться.
— Како... — от такого заявления я резко качнулась, врезавшись затылком в камень, — ой... ё-ё-ё... Какое, демон тебя раздери, проклятие?
Я вылезла из ниши, чихая и потирая затылок.
— Вчера в переулке старьевщиков тот тип запустил в тебя проклятием...

— Но ты говорил, что оно небольшое, что-то типа насморка.

— Оно и было небольшим, пока не впитало в себя заклинание твоего любвеобильного дружка-эльфа, — Риг так по-особенному выделил этого «дружка», что мне почудились в голосе светлого ревнивые нотки.

— Эл мой друг, а не «дружок», — возразила я, скопировав на последнем слове интонацию светлого. А подумав, добавила: — К тому же если ты говоришь о его амурных подвигах, то тут уж извини, но Эл, как журнал в общественной библиотеке: прочитала одна — дай и другим попользоваться. А в личное владение никто ушастого забрать не может.

Ну, кроме демоницы с Эйтой. Те и без библиотечного абонеента эльфа куда хочешь уволокут. Главное, чтобы сумели его поделить. И желательно в переносном, а не в прямом смысле этого слова.

— Кстати, не уходи от темы. Что там с проклятием? — я сложила руки на груди.

Еще и удара колокола не женаты, а уже первая семейная ссора. Да мы прямо рекордсмены!

— В тебя кинули замаскированную воронку — проклятие, которое разрастается от всплесков магии рядом с ним. И, судя по тому, сколько воронка впитала в себя, чернословие стало смертельным.

— Значит, обвал начался из-за меня.

— И продолжился в шахте — тоже, — подбодрил светлый. — Зато есть одна хорошая новость: хуже уже не будет!

Да он прямо оптимист!

— Это почему же? — с подозрением уточнила я.

— Потому что действие воронки закончилось. Иначе бы она впитала твой щит, и нас бы уже раздавило. И вообще, Крис, что ты все о плохом. Может, поговорим о перспективах?

— Конечно, — скептично кивнула я. — В перспективе мы умрем, если в ближайшие пару дней не выберемся отсюда.

— Темная... Неужели ты всегда такая пессимистка?

— Что ты! Я вообще очень жизнерадостный человек. Злой, уставший жизнерадостный человек, которого меньше удара колокола назад чуть не расплющило камнями! — высказалась я.

— Полегчало? — Риг вопросительно изогнул бровь.

— Какой же ты... понятливый. И да, полегчало, — выдохнула я. И уже почти спокойно добавила: — К слову, о нашей героической гибели. Есть возможность слегка ее отложить. В нише на потолке здоровенная трещина, можно по ней попробовать подняться...

Тут я оценивающе посмотрела на фигуру Рига. Вот и настал тот момент, когда следовало пожалеть, что светлый не тощий, не мелкий и не компактный. Нет чтобы как Кара — уместился в чемодан, и все.

— Крис, ты разделяешь меня глазами... — муженек как-то нервно сглотнул.

Я поспешила перевести взгляд в сторону. М-да... неловко получилось.

— Ну что, ползем самоспасаться? — бодро спросила я.

— А у нас есть варианты? — в исконно гномьей традиции отвечать вопросом на вопрос ответил Риг.

— Умереть от жажды, — я была Генерал Очевидность.

— Крис, тебе никто не говорил, что честность — не твой конек?

— Вот так всегда. Честность — не мой конек. В пять лет у меня был морской конек, так папа тоже заявил, что он не мой, и должен плавать на свободе, про конек крыши вообще молчу, сколько раз я с него падала... Что тогда мой конек-то? — я несла отборную, прямо-таки элитную дурь. Зато напряжение уходило.

— Ну хочешь, я тебе, как выберемся, коня подарю. Будет у тебя свой конек, — растерялся Риг.

— Давай. Только Горбатого, — тут же воспользовавшись моментом, заявила я, чем окончательно ввела светлого в ступор.

А спустя четверть удара колокола нам и вовсе оказалось не до разговоров. Мы ползли. Правда, сначала немного поспорили. Риг попытался отобрать у меня роль первопролазца, но я заявила, что мне в вертикальную узкую щель протиснуться проще. А если все же не удастся выбраться, то давать задний ход и пихать светлого ногой в макушку не так жалко, как если бы он меня.

От такой трактовки светлый лишь усмехнулся, но согласился.

Я нырнула в щель первой, Риг следом за мной, подтянувшись и ужом ввинтившись в дыру на потолке. У меня даже возникло подозрение: не затесались ли в его роду наги? Ведь плечи

светлого были явно шире, чем лаз. Затрещала ткань рубашки, мои нервы, но... Но спустя пару вдохов Риг подтвердил, что при небольшом насилии и изрядном усилии возможно все. Насилию над собственной анатомией и усилению по преодолению ее несовершенств.

Вот сейчас мы и лезли по этой расщелине, которая, вопреки опасениям, не сужалась, а наоборот, расширялась. Если поначалу я пробиралась, опасаясь застрять, то сейчас побаивалась, как бы не упасть вниз. Ход начал все больше напоминать воронку, а я изображать белку-летягу. Ноги, что упирались в противоположные стены, скоро должны были достичь классической фигуры «шпагат обыкновенный поперечный», но тут магический светляк надо мной мигнул и замер.

Я задрала голову и спустя миг с облегчением выдохнула. Кажется, мы куда-то добрались. Главное, чтобы это не был новый завал.

Выкарабкавшись из расщелины, я создала светляка побольше, и огляделась: нет, не завал. Это оказалась еще одна пещера, узкая, невысокая, с покатым сводом, больше всего похожая на штольню для тролля-переростка.

Она уходила вверх не слишком круто, но за несколько ударов колокола, что мы шли, по ощущениям, поднялись на несколько полетов стрелы вверх.

— Интересно, сколько времени? — спросил Риг, видимо, чтобы хоть что-то спросить.

— Шесть с половиной ударов колокола. Скоро в академии ужин, — хронометр внутри меня работал исправно.

— Откуда знаешь? — удивился светлый.

— Я чувствую. И никогда не ошибаюсь во времени.

Ответ заставил Рига призадуматься.

— И на что ещё у тебя такое же абсолютное... чутье? — насторожившись, спросил он.

— А тебе зачем? — я тоже решила проявить бдительность.

— Ну, я хочу знать о тебе как можно больше... — выдал он аргумент и тихо добавил: — Так, на всякий случай.

— На всякий случай? — пропыхтела я в спину бодро топающего вверх светлого.

— Вот, уже узнал, что слух у тебя тоже отменный, — оптимизмом светлого можно было оглушать не хуже, чем троллей дубиной.

— К слову, о том, чтобы знать друг о друге побольше... Расскажи-ка, милый супруг, что ты мне голову со своей бедностью морочил аж до нервного тика? — сердито спросила я и передразнила блеющим голосом: — Я бедный, у меня нет ни медьки в кармане...

Он замолчал. Спина выпрямилась, а потом светлый резко развернулся. Так, что я, шагавшая за ним следом, едва не впечаталась носом в его грудь. Задрала голову, с вызовом глянув в лицо мага.

Хищно очерченные скулы, упрямый взгляд. Сейчас в полумраке пещеры, который рассеивало лишь мерцание светляка, Риг неуловимо напомнил мне кого-то... Но кого?

Черты у него были благородные, я бы даже сказала, аристократические. Вот только масть не та. Роды отцов-основателей нашей империи славились светлой кожей и светлыми же волосами. А Риг напоминал уроженца южных морей или сына темных земель со своей смуглой кожей и каштановыми волосами. Лишь его глаза, насыщенно-синие, говорили о том, что он — белый маг, а не чернокнижник.

— Может, передохнём? А то мой ответ не из коротких.

Я отступила на шаг, осмотрелась и... Села там, где только что стояла. Это место было ничуть не лучше и не хуже остальных. Поерзала. Поняла, что не хватает опоры для спины, и пододвинулась к стене.

Риг последовал моему примеру.

Еды у нас не было, воды тоже, поэтому пищу телесную заменили духовной.

Рассказ светлого был, как он и обещал, длинным. Риг и вправду родился в бедном квартале. Его мать была служанкой у богатого аристократа, молодой, красивой и в меру наивной: она знала, что хозяин не поведет ее под венец, но надеялась, что у мага хватит порядочности на заклинание, мешающее зачатию. Но, как оказалось, у сиятельных если и имелось такое добро, как совесть, то плескалось оно на самом доньшке. И то эти поденки были мутными, видимо, из-за осадка.

В общем, отец Рига не расщедрился ни на противозачаточные чары, ни на повитуху... Видимо, посчитал, что двойного жалования для служанки будет достаточно. Впрочем, когда родился

сын, он глянул на бастарда и вместе с фразой: «сумел родиться — пусть теперь живет» — бросил на стол матери полновесный кошель золота.

— И что самое паршивое, когда я ещё не родился, мой отец уже знал, что я его сын, он чуял внутри матери свою кровь, но ничего не сделал.

— Риг, а как это «чуял»? — я зацепилась за странность в рассказе светлого. — Заклинанием или амулетом?

Собеседник лишь плечами пожал: это особенность его рода. Как я могла знать точное время, так и его отец мог определить, что бастард Ригнар — его отпрыск, а не подменш, за которого служанка хотела получить билет в безбедную жизнь.

Но безбедной нё случилось. А спустя четырнадцать лет некогда молодая и красивая Китти слегла. И вскоре умерла, оставив Рига.

— И ты сорвался? — уточнила я.

— Да, дар пробудился. Причем сильный. Наверное, из-за него отец и решил взять меня к себе, признать. Вот тогда я узнал, насколько глубока пропасть людского двуличия. Те лэриссы, которые не смотрели на таких уличных босяков, как Риг, перед лэром Ригнаром широко улыбались. И не только улыбались, — он жестко усмехнулся.

Светлый рассказывал, как нанятые учителя вдалбливали в него мацеры, как он постигал науку светского высокомерия, все больше убеждаясь, что никому он сам по себе не нужен. Лэров, лэрисс, да и простых горожанок интересовало сколько золотых у него в кошельке и на счете в гномьем банке, кто его отец, и вписан ли он в завещание. Лишь немногих интриговал десятый уровень дара. Да и то это были в основном маги-преподаватели.

— Ты поэтому решил стать гонщиком? — я сидела, уперев локти в колени и водрузив подбородок на кулаки.

— Отчасти. Захотел доказать, что я чего-то стою сам, если не как маг, то как летун. А еще я влюбился в скорость. А теперь вот — в тебя. Потому что ты приняла меня таким, какой я есть. Теперь мне стала понятна причина и игры в бедняка, и ревности Ригнара, когда он увидел браслет с сапфиром, и осторожности светлого.

— Безднов стратег, — зевнув, проворчала я.

Усталость накатила как-то вдруг. Глаза начали немилосердно слипаться. Словно организм против воли хозяйки решил: все, хватит.

— Между прочим, до того, как я сбежал от отца, мой наставник прочил мне карьеру дипломата, — усмехнулся Риг. — И не будь у меня десятого уровня дара, а хотя бы девятка, или восьмерка, я бы мог стать атташе в том же эльфийском княжестве...

— И тогда бы в моей жизни не случилось тебя, — борясь с зевотой, ответила я.

— Крис, — Риг миг стал серьезным и отчеканил: — Я. Ни о чем. Не. Жалею.

Захотелось прижаться к нему, почувствовать его сильные руки на своих плечах, вдохнуть его запах. Светлый для меня был волнорезом, способным рассечь любой штормовой вал.

Но вместо этого я провалилась в сон.

Уже на границе грез и яви, почувствовала, как отчего-то стало удобнее и теплее.

А вот проснулась я в кромешном мраке. Сначала испугалась, потом ощутила под собой теплое мужское тело, услышала шипение Рига, которого нечаянно пихнула в бок. Светлый сонно заворчал.

Я со второй попытки сумела-таки создать светляка и проморгалась.

Риг широко зевнул и потянулся. А я тут же поняла, что хочу есть, пить и... ещё кое-что.

Воровато начала озираться, но ни кустиков, ни укромного уголка поблизости за то время, что мы спали, так и не возникло.

— Ну что, пойдём тебя спасать, светлый, — разминая затёкшие мышцы, спросила я.

— Следуя твоей логике, тебя, ужасная темная, спасать не надо, — сыронизировал Риг, тоже поднимаясь.

— Как это не надо. Я очень ценный объект, который идет в связке с тобой.

Неловкость момента пробуждения ушла, сменившись куда более насущной потребностью.

— Догоняй, — усмехнулся светлый, который будто понял меня без слов. И встряхнувшись, энергично потопал вперед. А я осталась, правда ненадолго. А потом припустила следом. Ход все выше забирал вверх. И чем дальше мы шли, тем сильнее все менялось: отголоски звуков, запахи, колебания воздуха. Я уже не чувствовала ног от усталости, когда подъем

закончился, и мы вышли в пещеру. Вот теперь это точно была пещера, а не странная длинная нора.

Подземный зал, раскинувшийся перед нами, был не просто большой. Огромный. И мы стояли у его края. Ригу, регенерация которого за сутки закончилась, а потому магия снова была при нем, пришлось создать не светляка, а целую огненную звезду и запустить ее ввысь, чтобы мы смогли увидеть не пещеру — огромное поле. На нем могла бы поместиться не только наша академия, но и весь городок Хорс, улицы которого я знала, как свои пять пальцев. Вот только одна беда — телепортирую его сюда, и он тут же бы провалился. Пещера по центру имела гигантский колодец.

— Никогда не думал, что его увижу, — потрясенно проговорил Риг.

— Кого?

— Что, — поправил светлый. — Город ушедших мастеров. О нем ходили легенды. До великого разделения всех рас в Войне без Единой Битвы, после которой темные ушли за перевал, здесь жили гномы.

— Сейчас же пока здесь живут разруха и запустение, — прокомментировала я, рассматривая развалины башен, которые поначалу приняла за каменные пики, торчавшие из провала.

— У этого города, по преданиям, сорок уровней. Он как гигантский муравейник с кучей мостов, переходов... Разрушенных, — последнее Риг произнес, задумчиво глядя на развалины.

— И как будем перебираться через это?

Старинный подземный город меня, признаться, впечатлил. Но перспектива его преодолеть, не убившись, поразила ещё больше.

— В обход, — светлый оценил варианты.

Вдоль стены шла узкая кромка. Если идти по ней, вжавшись спиной в камень, то могло и получиться.

Я сглотнула, собираясь с духом. На этот раз Риг пошел первым, местами помогая себе прокладывать путь магией, которая ему оказалась уже в полной мере доступна.

Я шла следом, стараясь не думать о том, что под ногами — бездонная пропасть. Жуткий холод. Вечный, который пробирает до костей, вмораживает в себя тела незадачливых путников целиком. Таким тянуло снизу.

Мрак бездны был горячим, обжигающим, а тут... Все застыло, умерло, зазеленело. Мы шли так целую вечность. Руки уже ничего не чувствовали. Я хваталась за выступы, каждый миг боясь, что сорвусь.

— Крис, держись, ещё немного.

Я все же оступилась и полетела вниз, навстречу собственной смерти. Дикий страх сковал все тело.

Миг полета, показавшийся мне вечностью. И вдруг что-то резко дернуло вверх: Риг сумел арканом поймать меня за ногу.

Я болталась вниз головой, а двух дюжинах локтей надо мной, схватившись за уступ, на краю балансировал светлый. Держал, медленно, но верно сокращая длину аркана.

Полет занял меньше вдоха. Подъем — пол-удара колокола. За это время я успела вспомнить всю свою жизнь и пару раз с ней попрощаться, когда чудилось, что светлый либо не выдержит, либо сорвется следом за мной. Но нет. Я снова очутилась на каменном подобии карниза.

— Крис, — только и выдохнул Риг, а я заметила, что на месте ожога проступила свежая кровь.

Ничего не сказала. Позже. Все позже. Главное — выбраться.

Мы оказались на другой стороне пещеры уже ближе к вечеру. Уставшие, едва стоящие на ногах.

— Еще несколько шагов — и я сдохну, — заявила я, опускаясь на землю. Колени дрожали, во рту все пересохло. Каменная пыль, похоже, въелась не только в кожу и легкие, но и в мозг, который отказывался думать.

Всею есть предел. И вот сейчас наступил мой. Я закрыла глаза, готовая то ли уснуть, то ли просто провалиться в обморок.

Меня подхватили знакомые руки.

— Зачем?

— Пока есть возможность идти — нужно идти, — невозмутимо произнес светлый.

Магическая искра света, что плыла чуть впереди нас, тревожно мерцала. Но и ее хватило, чтобы понять: если сначала до города мы поднимались по проходу, больше всего напоминавшему тоннель, то сейчас шли по огромному залу, чей свод уходил ввысь.

Я уткнулась носом в его шею, прижалась. Надо просто верить. Не в судьбу, не в удачу, а в того, кого любишь — это я повторяла про себя, как мантру. А потом мне показалось, что я начала бредить. Точнее, у меня что-то случилось со слухом. Звук падающих капель... Откуда он здесь, под землей?

— Крис, ты слышишь?

— Вода? Я думала, что потихоньку начала сходиться с ума.

Спустя удар колокола мы очутились перед подземным озером, над которым сверху, кое-где касаясь воды, нависали каменные сосульки. С них то и дело срывались капли и падали вниз. Светляк вспорхнул и отлетел чуть дальше, отражаясь в абсолютно прозрачной воде.

Риг посадил меня рядом с ней и, зачерпнув пригоршню, поднес к моим губам.

— Подожди, — отшатнулась я, вспомнив о коварном пещерном газе, который способен отравить разум и тело.

— Что? — удивился светлый.

— Риг, ты можешь проверить, нет ли в ней яда?

Вода и вправду была абсолютно безжизненной: ни рыб, ни водорослей, только капель. Зато видно дно. Кажется, протяни руку — и коснёшься.

— Крис, эту воду наверняка использовали подгорные жители для нужд города, — начал было Риг, но осекся под моим взглядом. — Хорошо, как скажешь. Только тогда ты держи ее в ладонях.

Я, подобравшись к краю, на поверку оказавшемуся отвесным, зачерпнула в сложенные лодочкой ладони прозрачной холодной влаги.

Красная руна, начерченная прямо на ней, вмиг вспыхнула зеленым. Значит, вода не отравлена.

— Вот теперь ее точно можно пить, — тоном «ох уж эти женщины» заявил Риг.

Я поднесла свои ладони к его губам.

— Не доверяешь мне? — усмехнулся маг.

— Нет, просто люблю, — ответила как само собой разумеющееся, — потому проявляю заботу.

Светлый шумно сглотнул и замер на мгновение.

— Риг? — удивилась я.

— Ты впервые сказала, что любишь меня. Вслух, — и светлый расплылся в счастливой шальной улыбке.

Воду пили осторожно. Она была холодной, кусачей до ломоты в зубах. А мы смеялись. Как сумасшедшие. Потому что сумели отвоевать ещё один день у смерти. Потому что вместе.

Потому что любим друг друга.

Уснули мы тут же, на берегу. Я доверчиво прижалась к Ригу, а он накрыл меня своей рукой, словно пытаясь защитить от всего. Видно, правду говорят: какой бы сильной не была женщина, ей нужен тот, рядом с кем она может быть слабой. И знать, что ей есть на кого положиться. А еще, например, положить свою ногу, руку и вообще, почти залезть целиком. Правда последнее выяснилось утром, когда я проснулась от того, что чья-то теплая ладонь изучает мои нижние округлости. Наверняка, она добралась бы и до верхних, но они прижимались к широкой мужской груди.

А потом я приподняла голову и ахнула.

Вода переливалась всеми бликами пурпура, этот свет отражался от ее глади, танцевал на стенах. Но, самое главное, почти по центру озера было небольшое, но яркое пятно, от которого и шло свечение. Боясь спугнуть удачу, я завороченно прошептала:

— Риг, смотри...

Светлый не сразу понял, о чем я. Но когда повернул голову, до него дошло: вчера, видимо, потому что была ночь, мы не увидели главного — света. А сейчас наступило утро, а с ним и ранний кроваво-красный рассвет, что бывает только в горах. В это время алым горят шапки ледников, чьи вечные снега отражают лучи восходящего солнца, когда ещё в долинах лежит чернильный сумрак.

Сейчас рубиновые отсветы танцевали на водной глади. А это означало одно: где-то надо озером есть выход на поверхность. Я бы подорвалась и закричала, если бы Риг в этот момент не стиснул меня в объятиях.

Я сдавленно пискнула, и мы кубарем покатались вниз, прямо к кромке воды. Затормозили чудом, в последний миг. Я сверху, на тяжело дышавшем светлом, который замер, всматриваясь в мое лицо.

Сейчас, когда появилась надежда на спасение, когда мы оба не поверили, а поняли, что сможем отсюда выбраться, я всем своим существом ощутила: это наш с Ригом миг. Только наш. Я не знала, что будет завтра. Но здесь, сейчас, в отблесках рассвета, что проникал сверху, заигрывая с водами подземного озера и рассеивая мрак пещеры, были только мы.

Наши губы встретились. Не под напором страсти, отчаяния. Мы прикосались друг к другу бережно, нежно, даря себя друг другу и ничего не требуя взамен. Понимая, что не влюблены, а любим.

Риг желал меня. Я чувствовала, как напряглось его тело, как закаменели мышцы под моими пальцами, когда я прикосалась к мужским плечам, животу, но он сдерживался.

Сейчас светлый давал мне право самой выбирать. И я признавалась ему в своих чувствах.

Каждым прикосновением. Я его хотела ничуть не меньше, чем он меня.

Я плавилась под его руками, как лед под палящим солнцем. Хотела ощущать его, касаться его, дышать им.

— Крис, — Риг буквально прорычал мое имя, переворачиваясь и подминая под себя.

Осторожность слетела с нас обоих, как ненужные одежды. Звякнула пряжка ремня, зашуршала ткань. Он лизнул мою шею, провел языком от впадинки между ключиц до уха, прикусил мочку, заставляя стонать от обжигающего наслаждения.

Я смотрела на него затуманенным взором: его напряженные плечи, сжатые зубы, с трудом сдерживаемое дыхание.

— Ты мой, — улыбнулась я.

— Я твой, — выдохнул Риг, соглашаясь. — Весь твой. А ты моя.

Вместо ответа я облизнула губы и поцеловала. Мои руки прошлись по его спине, а ноги обхватили тело.

Мы любили друга друга. До иступления. Словно завтра никогда не настанет. Пили большими глотками нежность и страсть.

А когда солнце взошло высоко, и пещера озарилась ровным розовым светом, я, держа в объятиях Рига, услышала:

— Крис, я сделаю все, чтобы ты не стала порубежником.

— Что? — я приподнялась на локтях, заглядывая в лицо светлого.

— Я до одури боюсь тебя потерять. Там, под обвалом, не задумываясь кинулся спасать тебя. И сделал бы точно так же, повторись все вдруг. Но когда ты закончишь академию, то должна будешь ценой собственной жизни защищать людей и нелюдей от тварей бездны. Рисковать собой. И одна эта мысль сводит меня с ума.

— Риг, — я провела ладонью по его щеке. — Я уже дала клятву, присягнув на артефакте Мрака. У меня нет другого пути.

— Есть, — светлый упрямо сжал губы.

И, чтобы подавить любое мое возражение, поступил руководствуясь мужской логикой: женщина молчит только тогда, когда ее рот занят. Лучше всего — поцелуем.

Солнце все выше поднималось над горизонтом. Розовые блики стали светлеть.

— Думаю, что ждать, когда вода прогреется, бесполезно, — Риг сменил тему, нехотя отрываясь от меня. — Придётся вплавь добираться до центра озера. Сомневаюсь, что согревающее заклинание справится полностью...

Светлый накаркал. Несмотря на то, что и на себе, и на мне он начертил руну огня, в которую было вложено не меньше семи единиц силы (в боевые заклинания порою столько не вбухивают), едва мы оказались в воде, я почувствовала, как тело начало колоть тысячью иголок.

Сцепила зубы и поплыла вслед за светлым. Одежду решили не снимать: нам нужны были руки, свободные от поклажи. Вот только разулись, заткнув голенища за пояс.

Когда доплыли до центра озера, то оказалось, что над нами в двух дюжинах локтей — воронка провала. Неширокая и довольно гладкая.

Зацепиться арканом удалось лишь с седьмой попытки, когда мои зубы уже стучали друг об друга, а своего тела я не чувствовала вовсе.

— Крис, обними меня и держись крепко, — скомандовал Риг.

А я что? Я — ничего. Подплыла ближе и вцепилась в светлого руками, а потом для надежности ещё и ногами.

Мне показалось, или Риг при этом хмыкнул.

Восхождение вышло долгим. Выбрались из провала уже ближе к закату. А когда смогли осмотреться, то поняли, что академия осталась по другую сторону перевала. Склон, что расстился под нами, был крутым. Но не это главное — вокруг были дикие земли. Ни поселений, ни горных пастбищ. Зато выше, в нескольких полетах стрелы, начиналась голая земля, а за ней и ледник.

Книги на Книгоед.нет

— Кажется, мы в темных землях, — пришел Риг к неутешительному выводу. — Я не могу призвать отсюда свою метлу: бездна граница глушит любые чары.

— И как же...

— Своим ходом. Думаю, едва мы пересечем хребет, как моя метла откликнется.

Я мрачно взглянула на шапку ледника.

— Но есть и хорошая новость: наконец-то сегодня у нас будет теплый ночлег и ужин, — Риг сказал это таким тоном, словно лично снял номер в лучшей столичной ресторации.

Я чихнула, красноречиво намекая, что перед этим не мешало бы высушиться. Не дожидаясь светлого решила опробовать заклинание сушки. Перестаралась. Наша одежда, пропитанная каменной пылью и водой, задубела и стала напоминать латы рыцаря.

— Зато теперь есть дополнительная защита... — виновато пробормотала я, слыша, как раздастся треск, когда Риг попытается согнуть локоть.

— Угу. Если на нас нападет тушканчик, то он наверняка поломаёт о мою штанину зубы.

Солнце уже почти село за горизонт, когда мы со светлым нашли укрытие на ночь: небольшой уступ, защищавший от ветра. Я осталась собирать сушняк. На растопку пошло все, что горело: сухой мох, ветки кустарника, опад.

Когда светлый вернулся, неся на плече добычу, маленький костер весело потрескивал.

Как оказалось, Риг каким-то чудом сумел поймать горного козла. Не сказать, что винторогий сдался совсем уж без боя: куртка мага была продрана на рукаве, и судя по всему, рогами. Но против заклинания, рассчитанного на убийство нежити, копытный был бессилён.

— Зато мясо уже разделанное и даже слегка прожаренное, — заявил Риг и, не доверяя мне ответственное дело запекания добычи, сам обмазал глиной куски, вопреки собственным же словам, что добыча уже обработана огнем.

Я едва дождалась, когда еда будет готова. От голода уже начали мелко дрожать руки. Но когда, обжигаясь и дуя, я все же вцепилась зубами в кусок... М-м-м... Какие там свежие булочки, мороженное и шоколад — это все ерунда. Самое вкусное, что я ела в своей жизни — вот это горячее мясо напополам с углями. Без соли и специй, пахнущее матерым козлом.

На небо выкатилась луна. Сегодня она показалась мне ещё ближе, ещё больше, чем там, в гроте. Я не заметила, как уснула. Просто опустила голову Ригу на плечо, а когда открыла глаза, было уже утро. Костер прогорел. На мне поверх моей была накинута куртка светлого, а сам он занимался тем, что ворошил угли.

— Держи, — мне протянули еще один кусок запечённого мяса. — Впереди трудный день. До завтра нам нужно дойти вон до того ледника, — Риг ткнул пальцем в ту часть хребта, где между двумя пиками ледник был не столь большой. — А на следующий день надо до заката добраться до вершины перевала. Ночь на леднике мы не выдержим.

Увы, светлый слегка ошибся с расчётами. До перевала мы добирались почти двое суток вместо одного дня. А на третий... Пока мы шли по камням — было ещё терпимо, но едва под подошвами сапог захрустел наст, как я почувствовала, что начала кружиться голова. То ли от воздуха, которого вдруг оказалось мало для вдоха, то ли от палящего солнца. Лучи жгли кожу совсем по-южному, пришлось даже распустить волосы.

Риг тоже стянул ремешок, чтобы короткие пряди падали на лицо. Вокруг был снег, яркий, режущий глаза, но мы при этом не мерзли. Наоборот, захотелось даже снять куртку.

Когда я спросила светлого, почему так, он пояснил: днем на леднике бывает не просто тепло. Жарко. А вот ночью есть все шансы замерзнуть насмерть.

— Ты говоришь со знанием дела... — протянула я, зачерпнув пригоршню снега. Положила в рот, а когда ледышка растаяла, то оказалась, что внутри нее был «подарок». Стрекоза!

— У нас была практика. Наша четверка вместе с наставником Кохом шла по следам ак-парса. Это не тварь бездны, но очень опасный горный хищник. Этот конкретный ак-парс повадился охотиться, нападая на людей. Вот тогда-то я многое узнал о горах. Как легко они могут обмануть. И какую кровавую дань потребовать на откуп.

— С той практики кто-то не вернулся?

— Двое. Микуш и Эйрос.

— Прости... — мне стало неловко.

— Мы не были дружны. Просто они, как и я, — светлые, — отстранённо сообщил Риг, и за этой отстранённостью чувствовалось что-то глубоко личное.

Я не стала задавать больше вопросов.

На вершине хребта мы оказались, когда солнце стояло в зените. Зрелище было завораживающим: вокруг — снѣга, искрящиеся, переливающиеся, словно накрахмаленные юбки красавицы-невесты. Под ними — серый камень, чуть ниже сменяющийся перелесками и густым ельником у изножья. А вдалеке — шпиль академии.

Я, держащаяся за бок, который немилосердно кололо, не смогла не улыбнуться.

— Добралась, — тихим шепотом сказала я, потянувшись к Ригу, чтобы обнять, и тут почувствовала, как подо мной начинает ехать глыба уже не снега, но еще и не льда.

— Крис, — крикнул светлый, запуская мне под ноги заклинанием, чтобы меня не затянуло в крошево.

Кусок наста под ногами тут же обрел твердость доски, и я очутилась на этакой здоровенной лыже, сотворенной из снега, которая бешено мчалась со склона вниз. Риг, под которым ледник тоже решил поехать со склона, громко выплюнул: «Айрос!» — призывая метлу.

«Только бы успеть», — пронеслось у меня в голове, когда за нашими спинами заговорил ледник.

Мне определенно не везло с горами. Если удастся отсюда выбраться, ни за что и никогда больше даже на пригорки подниматься не буду!

Вокруг брызгала снежная крошка, ветер свистел, ударяя в лицо, я балансировала, каждый миг боясь упасть.

Все же метла Рига не зря была сделана мастером своего дела. Она стремительно просвистела мимо меня к своему хозяину за несколько мгновений до того, как пласт снега врезался в ельник. Светлый успел запрыгнуть на свою летунью и схватить меня за руку, выдергивая из белого крошева, как морковку из грядки.

Зато до академии мы долетели — и удара колокола не прошло. Едва мы вошли в ворота академии, как первая фраза, которую я услышала, была от совершенно незнакомого кадета:

— О, смотрите, трупы вернулись!

Этот выкрик тут же подхватили другие голоса:

— Завал еще все разгребают...

— А ректор вас похоронил.

— А мы то думали, кто пику Несбывшихся Надежд ледяную шапку поправил? А это Риг... — в толпе показался Рейзи и бесцеремонно указал на плечо светлого, на котором виднелись не успевшие растаять снежинки.

И тут на всю академию прогремел до печенок знакомый голос:

— Кадет Каржецкий, кадет Аро, живо ко мне в кабинет!

Перед нами тут же начали расступаться, образуя коридор.

«Прямо как перед героями, — пришло на ум сравнение, а ехидный внутренний голос тут же добавил: — или прокаженными».

В кабинете ректора мы оказались гораздо быстрее, чем мне этого бы хотелось.

Анар смерил нас хмурым взглядом. Прошелся по моей фигуре, уделил особое внимание Ригу, точнее, его боку с прожженной курткой.

— Живы и почти здоровы... — с расстановкой произнес ректор и гаркнул: — Тогда почему, бездна вас подери, так долго? Где вы шлялись?

— Разрешите доложить маршрут, где мы точно шлялись на словах или с зарисовкой плана? — по-военному отрапортовал светлый и даже вытянулся во фрунт.

Анар, глядя на этот нарочито-военный ответ, выдохнул.

— Я твоему отцу уже вестника отправил, что ты скорее всего погиб. Ритуал живых ничего не дал. Среди мертвых душ некроманты вас тоже не нашли. Решили, что вы в бреду или беспамятстве доживаете последние удары колокола.

— Мы хотели пройти через Бездну. Она вполне могла заглушить зов жизни, — вздохнул Риг.

— И почему же вы не прошли через нее? — ректор вперил в светлого взгляд, хотя вроде как я отвечала за дипломатические отношения с тварями бездны.

— Мрак нас не пустил, — Риг был сама лаконичность.

— Не пустил? Чтобы бездна не приняла поджигательницу душ?! — заорал ректор, в первый раз на моей памяти теряя терпение. И только сейчас я поняла: он за нас действительно переживал. За обоих.

Зато Риг был непрошибаем.

— Да. Прохождение через бездну оказалось невозможным, — сухой казенный язык даже мне по ушам резанул, а уж ректору...

Но тут в приемной послышался шум и голос, в котором слышалась едва сдерживаемая ярость:

— Мне плевать, что ректор сейчас не принимает. Я хочу точно знать, что с моим сыном. А если он мертв — то пусть выдадут его тело.

Секретарь что-то заклекотала, пытаясь возразить, но дверь с шумом распахнулась и на пороге я увидела его. Черного Ворона. Человека, которого я ненавидела больше всех в этом мире.

ГЛАВА 12

— Ригнар? — всего одно слово оказалось сильнее, чем удар хлыста.

Тьма, которая в последние дни как-то присмирела, вдруг забурлила, взъярилась, обожгла кончики пальцев. Я раньше, чем осознала, потянулась к ней с единственным желанием — выпить. Выпить до дна душу того, кого я так ненавижу. Из-за кого моего отца осудили на медленную смерть в рудниках.

Я сделала шаг навстречу. Время словно замедлило свой бег.

Вот великий инквизитор медленно, невероятно медленно поворачивает голову. И в его глазах я вижу изумление. Он узнал мое лицо, как и тот странный тип в переулке старьевщиков: слишком я была похожа на мать.

Его рука взметнулась, готовая к атаке.

—

Лойсо!

— прогремело карканьем ворона на весь кабинет смертоносное заклинание огня, способного сжечь даже железо.

Заклятие, дарующее мгновенную, неотвратимую смерть, полетело в меня. И ему наперерез рванул щит, сотворенный Ригом.

Сын оказался сильнее отца. Гораздо сильнее. Его щит выдержал, впитав в себя Лойсо. Меня лишь впечатало в стеллаж. Голова ударилась о полку, ноги подкосились, и я второй раз в своей жизни потеряла сознание. Правда, перед тем, как оно окончательно померкло, в голову пришла самая глупая мысль из всех, возможных в этой ситуации: «Порою падать в обмороки — это весьма своевременно и практично».

В себя пришла от тихих, но настойчивых звуков. На улице барабанил дождь. А еще кто-то настойчиво скребся в стекло. Я со второй попытки открыла глаза. Потолок... Трещина на штукатурке была знакомой. Палата — тоже.

Похоже, пробуждение в лазарете становится для меня традицией. Главное, чтобы это не вошло в норму... А потом в памяти начали всплывать и причины, по которым я здесь оказалась. И стало паршиво.

Но тому, кто скребся в стекло, было невдомек о моих мыслях. А у меня внутри было пусто... И чтобы хоть как-то заполнить эту бездну, я пошла открывать задвижку. Действие, даже такое,

дарило надежду на отсрочку. Отсрочку от мыслей, которые грозили выжечь сознание. Риг. Сын. Верховного инквизитора.

Руки действовали сами по себе. Вот распахнулись створки, впуская наглые капли дождя и одну мокрую до последней шерстинки зая. В зубах она держала мышь.

— Ты, наверное, грустишь, — выплюнув добычу, начала она. — Я приперла тебе мышь.

С Кары тут же на подоконник натекла лужа, но ушастая, не иначе сожрав музу стихоплетства вместо несчастной полевки, вдохновенно продолжила:

— Ты сейчас чутка взбодрись. И немного покричишь.

Увы. Зая я разочаровала, когда поднесла еле попискивающую мышь за хвост к лицу. Та задрывала лапами, протестуя против такого обращения, и запищала громче.

Кара между тем деловито захлопнула сворки и встряхнулась, точно дворняга, выбравшаяся из речки, щедро окатив меня брызгами. Только тут я отстраненно заметила, что на мне — нательная рубашка. Натуральная девичья сорочка нежно-розового цвета с кружавчиками и рюшами.

— Вообще-то я думала, что визжать будешь ты, а не полевка.

— Извини, если тебе так необходимо, я могу взвизгнуть.

— Крис, да что с тобой? — не на шутку забеспокоилась Кара. — Я тебя не узнаю. Где твои сарказм и ехидство?

Ответить я не успела, тихо приоткрылась дверь, и прогремел грозный окрик лэриссы Йонги:

— Криссон, что вы делаете? В вашем положении необходим постельный режим. Вы и так несколько дней в себя не приходили!

Я только обернулась, чтобы спросить в каком таком положении, как раздался звон и визг, которого так добивалась зая. Видимо, целительница знала, как правильно реагировать на мышей. И прицельно разбивать об пол банки с вонючим снадобьем.

Спустя удар колокола, когда пол был протерт, в палате стоял запах перца и отвара крапивы, а зая испарилась в неизвестном направлении, я узнала от лэриссы Йонг, что беременна. Хорошо, что в этот момент врачевательница уже успела загнать меня в постель. А то бы я грохнулась в обморок в третий раз в жизни.

— Раз вы пришли в себя, то я доложу ректору, что вы в состоянии побеседовать с ним, — в голосе целительницы было слышно неодобрение.

Я кивнула, стараясь осмыслить только что услышанное. Хотя мне бы предыдущее осознать.

Ректор пришел спустя четверть удара колокола. И время ожидания показалось мне изощренной пыткой. Я не хотела верить в происходящее. И все же...

— Крисро, рад, что ты пришла в себя... — Анар скупой улыбнулся и присел на стул рядом с постелью. — Крис, знаешь, почему я ненавижу брать в академию магинь?

— Мы слабее? — предположила я.

— Нет, — процедил он. — Вы имеете отвратительную привычку беременеть. И эта ваша беременность позволяет вам требовать от меня возвращения своей клятвы. Вот так. Тратишь на вас несколько лет, тренируешь, натаскиваешь, а потом слышишь: «Я хочу оставить этого ребенка». И все. Я не вправе требовать от курсантки избавиться от него. Потому что скорее всего у нее родится маг. А учитывая уровень дара матери (сюда слабые не поступают), это будет сильный маг... И в темных, и в светлых землях такими детьми дорожат.

Он замолчал. Я тоже не проронила ни слова. Пауза затягивалась. Анар вздохнул и решительно поставил на тумбочку, стоявшую в изголовье, пузырек с пилюлями.

— Одной будет достаточно, чтобы вытравить плод. И только тебе решать, выпить ее или потребовать от меня возвращения своей клятвы. Но учти, что ты совершила покушение на верховного инквизитора, и если ты выйдешь из ворот академии, случиться может всякое. Я же обязуюсь, что сумею защитить тебя от Черного ворона.

Я задержала взгляд на пузырьке, а потом бесцветным голосом спросила:

— Где Риг?

— В карцере. Его заковали в антимагические браслеты, чтобы не разнес все вокруг, — сурово отчеканил Анар. И не дожидаясь моего второго вопроса добавил: — Кстати, верховный инквизитор в городе. Остановился в гостинице и заверил меня, что ему понравился здешний воздух и климат.

Ушел ректор не прощаясь.

Я потянулась к бутылке с пилюлями и задумчиво посмотрела на этикетку.

Предстоял самый сложный выбор, который мне когда-либо нужно было делать. Темное стекло было холодным. Внутри — дюжина пилюль. Небольших. Так что даже запивать не потребуется. Просто проглотить. Просто...

К бездне. Ничего не просто! Я ударила кулаком с зажатым бутылком по одеялу. Слова Анара были жестокими, но логичными. А выход, к которому он подталкивал — правильным. Для него — правильным. Ведь задача ректора — получить в итоге сильного порубежника, лишённого эмоций, готового умирать, выполняя свой долг. Если я выпью эту демонову пилюлю, я стану именно такой. Не сейчас, не сразу... Но с этим ребенком я потеряю часть себя.

Я обессиленно откинулась на подушки. Прикрыла глаза и заставила, именно насильно заставила себя представить, что будет после того, как я проглочу этот яд.

Я останусь в академии, и до меня не сможет добраться Черный ворон. Получу отсрочку на семь лет до выпуска. А потом выйду из этих ворот и начну уничтожать тварей бездны.

Но смогу ли я при этом взглянуть в глаза Рига? Нет.

Если я убью нашего ребенка, я предам не только светлого. В первую очередь, я предам себя. Признаю, что сожалею обо всем случившемся между нами, а значит, солгу сама себе. И это знание останется со мной до самого конца.

Сейчас я старалась думать именно о жизни, что зародилась у меня внутри, но мысли невольно возвращались к тому, кто ее подарил. Риг.

Любила ли я его? Да.

Ненавидела? Да.

За то, что он — сын своего отца. За то, что не сказал правду сразу. Ведь узнай я раньше, может бы все сложилось иначе... Хотя нет. Я бы, наверное, все равно его полюбила, если бы не убила раньше.

Осознание, что Риг хоть и является сыном Черного Ворона, но не он сам, приходило тяжело. Проще всего было обидеться, щедро одарить ненавистью Рига, как и его отца... Но что будет, когда волна злости схлынет? Я останусь выжженной пустыней. Буду существовать...

— Да пропади оно все!

Бутылек разбился о стену, брызнув тысячей осколков. Видимо, со злости я вложила в удар ещё и магию: в месте удара поползли морозные узоры.

На звук тут же прибежала врачевательница. Увидела картину, глянула на меня внимательным взглядом, словно насквозь прожгла, и все поняла без слов.

— Может оно и к лучшему, деточка. Не женское это дело — война. Я сейчас тут все приберу. Лежи, лежи, милая. Тебе волноваться нельзя.

— Где моя одежда? — бесцветным голосом спросила я.

— Да в тумбочку я убрала... — проговорила целительница и осеклась: так резко я соскочила с кровати.

Лихорадочно начала перебирать вещи. Нашла браслет. Что ж, я сделала свой выбор. Теперь черед Рига.

Прятаться всю жизнь от Черного Ворона я не собиралась. Верховный инквизитор — это моя ненависть, а не мой страх. И только его кровь погасит костер, что бушует в моей душе. А уж примет или нет после этого меня Риг — решать ему.

Я пожирательница душ. И сегодня я использую свой дар.

Оделась я быстро и, несмотря на причитания целительницы, решительно вышла из палаты. Она попробовала меня удержать. Куда там. Тьма разлилась во мне. Тьма бушевала. Черный источник бурлил. Сейчас мне не нужны были заклинания, чтобы смести со своего пути любую преграду.

В город. В демонов постоянный двор, где Инквизитору так понравился целебный горный воздух. Но сначала мне нужно увидеть Рига.

Я уже выходила из лечебницы, и даже взялась за ручку, как с другой стороны двери услышала обрывок разговора. Видимо, кадеты стояли на самом крыльце.

— ... а что, и в эти выходные нельзя покидать академию будет? Вроде военное положение в городе сняли. Поймали того преступника, Айка Линга. Он в переулке старьевщиков скрывался. В лавке лепрекона какого-то... — голос говорившего был смутно знаком.

— Его-то поймали. Да теперь другое. Твари, которые под завалом не погибли, все как одна взбесились. Разбежались по ходам и пещерам, которых в горе тьма. А вчера — все дружно ринулись по ходу нерейды в академию. Ворота зала переносов запечатали заклинанием, но на

нижний уровень все равно ходить не стоит... — а вот этот настырный тенор я узнала бы из многих. Рейзи.

— Зато практику по тварям бездны отменят, а это даже лучше, чем увольнительная, — мечтательно протянул первый.

На миг кольнуло странное предчувствие: этот маг, которого все же поймали в лавке лепреккона... Он ведь, как и инквизитор, в первый миг принял меня за маму.

Но я тряхнула головой, решительно прогоняя мысли, и толкнула дверь.

— Крис, — радостно изумился Рейзи, держа в руке букет. — А мы вот тебя проводить пришли... — и всучил мне веник из роз. Здоровенный.

Интересно, теперь он оранжерею ограбил?

— Это тебе. Специально посыльным из города вызвал, — гордо возвестил темный.

Вторым оказался его друг. Тоже с букетом. Правда, поскромнее: фиалки.

Вот только едва через пару мгновений, как цветы оказались в моих руках, они превратились в ледяные статуи.

Темные не сговариваясь синхронно сделали шаг назад.

— Кри-и-ис.... — настороженно протянул Рейзи. — По-моему, у тебя магический срыв. Может, лучше остаться в лечебнице?

— Я в полном порядке, — отчеканила я холодно. Видимо, слишком холодно: по косяку тут же поползли узоры инея. — А теперь извините, но мне нужно идти.

Машинально отдала оба замерзших букета Рейзи, который от неожиданности даже их взял.

— Ты это видел...

— Да... Она либо тут все разнесет...

— Либо это сделает Риг. Не зря его в кандалы заковали.

— Надо бы и ее тоже....

— Дав...

Но до чего они договорились, я не услышала, потому что уже бежала к карцеру, где сидел светлый.

Заглянув в несколько окон, я обнаружила Рига в той самой камере, которую когда-то он украсил карикатурой коня в пальто, крота и акулы.

Он сидел, прислонившись спиной к стене, с закрытыми глазами и со здоровенными кандалами на руках. Едва я тихо прошептала: «Риг», как он вскинул голову.

Миг — и светлый уже стоял у решетки, и смотрел снизу вверх. Узкое окно было лишь на ладонь выше земли.

— Крис... — выдохнул он, но потом, видимо, увидел мое лицо, форму и осекся, решив, что я согласилась с доводами ректора — Ты ...

Лицо мага потемнело. Я никогда не видела, чтобы отчаяние было таким сильным. На его запястьях затрещал металл, словно его раздирало изнутри. Толстые оковы стали напоминать глиняные черепки, еще не распавшиеся, но готовые сделать это в любой момент. А в разломах металла сияло пламя, будто наружу рвалась лава вулкана.

— Отойди, — Риг сказал это с такой холодной яростью, что любой бы предпочел не становиться у него на пути.

Любой, только не я.

— Ну как хочешь, — выдохнул светлый. В следующий миг рядом со мной вынесло стену карцера. Гигантская ямища начиналась там, где стоял Риг, и заканчивалась в нескольких локтях от дорожки, вымощенной гравием.

Светлый вышел из своей тюрьмы. Сам.

Я выпрямилась, вставая с колен. А когда Риг выбрался из пробитого им выхода, без слов залепила ему пощечину.

— Если ты думал, что я соглашусь на предложение Анара, то...

Но светлый и сам, кажется, что-то почувствовал. Даже приложил руку к моему животу.

— Он... живой, — хрипло выдохнул Риг. — Крис... Прости... Когда я увидел тебя в форме, решил, что ты предпочла остаться в академии.

А я... Я боялась посмотреть в глаза светлому.

— Риг. Я сделала свой выбор, — я протянула ему браслет. — Теперь дело за тобой.

— Ты о чем? — не понимая, спросил светлый.

И нам обоим было наплевать, что вокруг собираются кадеты, что кто-то из наставников бежит к нам, размахивая руками... Что громовой голос ректора разносится окрест...

В это мгновение для меня был важен только он. А я — для него.

— Я убью твоего отца. И тебе придется либо смириться с этой мыслью, либо отпустить меня. Выбирай.

Моя рука с протянутым Ригу браслетом так и зависла в воздухе.

Я уже хотела было развернуться, чтобы уйти, потому что светлый стоял недвижимо.

Не успела...

— Иногда мне хочется тебя придушить, — рявкнул Риг, схватив меня за руку. — Но отпустить — никогда.

То, как быстро он умудрился сцапать браслет и застегнуть его на моем запястье, сделало бы честь любому вору.

Неяркая вспышка — и на моей коже появилась эльфийская вязь.

— Ты уже не кадет академии, а я... и так уже много чего нарушил.

Я не успела ничего сказать. Земля задрожала.

По зданию академии пошла здоровенная трещина.

— Из-за выбросов магии сломана печать! — прогремел голос Анара, усиленный настолько, что он буквально вбивался в сознание. — Твари бездны из подземелья прорвались на территорию академии. Внимание. Всем кадетам собраться на плацу.

Словно вторя его словам, на крыльце магистерии начала проступать пентаграмма тьмы.

Впервые за несколько сотен тысяч лет высший демон явился не на зов, а сам. Я даже не представляла, какая прорва сил на это ушла.

— Где моя дочь? — от этого крика со всех окрестных дубов попадали не только желуди, но и белки.

Демон, выросший из-под земли, а точнее, из-под мрамора ступеней, выглядел еще более внушительным, чем в бездне: мощные плечи, сполохи темного пламени на загорелой коже и все те же внушительные рога.

Тут отец Кары увидел меня. В его глазах вспыхнуло обещание моей смерти. А потом...

Когда на тебя несется здоровенная туша, у любого нормального человека возникает желание спрятаться. Или хотя бы уйти с его пути. Ну, я и отошла. За спину Рига. Оно как-то само собой получилось. И неважно, что я пожирательница и сильный маг...

— Только не говори, что он твой отец, — процедил светлый, закатывая рукава.

— Не скажу, — подтвердила я, судорожно вспоминая как выглядит руна «Исс», дарующая смерть. Не факт, что и она сработает на высшего, но, может, хоть домой его отправит...

— Значит, можно его убивать? — спросил Риг, когда его заклинание уже отбросило демонюку на дюжину локтей назад.

— Нужно! — гаркнул невеста откуда появившийся ректор, запуская в выходца бездны здоровенный огненный шар.

Но демон, уже вставший на ноги, походя отмахнулся от фаерболла, как от мошки. Стружок огня прочертил в воздухе дугу, врезавшись в стену академии и пробив ее.

То же самое произошло с градом заклятий, который обрушились на сына Мрака. Казалось, что он попросту их не заметил. Лишь совершил небрежный пасс, и атакующих разметало, как мусор.

— Ну все, рогатый, ты меня достал, — прошипел светлый, и на его ладонях заплясали две огненные воронки. Здоровенных.

Они сорвались с рук Рига и понеслись на демона, все увеличиваясь в размерах. Кадеты и преподаватели шарахнулись в стороны от живого воплощения смерти.

Кажется, светлый вложил в это заклинание всю свою силу. И она впечатлила. Причем, не только меня, но и демона: на этот раз он выставил щит.

Встреча огня и мрака вышла впечатляющей: от удара в плетении щита образовалась брешь, и языки огня укусили-таки высшего. Но на этом все. Демона слегка потрепало — и только.

Высший распрямился, готовясь к атаке, и в этот момент я дочертила в воздухе «Исс», вложив в него всю тьму, что была у меня. Руна стрелой полетела в демона.

Увернуться он не успел, но когда «Исс» прошла его насквозь, в отместку высший запустил в меня тьмой.

Чистая черная сила, сметающая все на своем пути, понеслась в меня.

Ректор запустил в нее «ледяным шквалом», стараясь сбить вбок, но...

Простой щит, который я успела выставить в нескольких локтях от себя, смяло, как бумагу. И меня бы вместе с ним тоже сплющило, если бы не Риг. Мигом раньше он толкнул меня в бок. Весь удар обрушился на него.

— Нет! — выкрикнула я помимо воли. Удар был чудовищной силы.

— Ты, ведьма. Где. Моя. Дочь, — между тем взревел демон.

Но мне уже было на все плевать. Я не знала, можно ли выпить душу высшего демона. Да и есть ли она вообще. Я просто спустила свою тьму с поводка. Она оскалилась. Демон тоже.

— Не старайся, темная. Я все равно сильнее, — усмехнулся он, и меня отбросило назад волной тьмы. — В тот раз тебе удалось удрать. Но сейчас не выйдет. Где Кара? — последние слова он проревел, беря меня за горло.

— Да где-то здесь, — прохрипела я зло. — Носится неподалеку. Мышей жрет.

Грудью вставать на защиту заи я не собиралась. Но то, каким тоном я об этом сообщила его папочке... Сбитый с толку демон на миг ослабил пальцы. А потом свободной рукой схватился за свою шею, которую обхватил огненный аркан.

Сзади стоял Риг. Бледный от напряжения.

— Отпусти ее, — выдохнул светлый.

Пальцы на моем горле разжались, и я закашлялась, глотая ртом воздух. А потом демон извернулся и неуловимым движением избавился от удувки, отшвырнув Рига назад.

Но светлый так просто не сдался. Встал.

Риг не выкрикивал гордых «проваливай в бездну!» и «умри». Просто в один миг вспыхнул.

Весь, сам превратившись в живой огонь.

За всю историю магии лишь несколькими чародеям это удавалось. Сильнейшим из сильнейших, способных настолько слиться со своей стихией, что стать частью ее.

Теперь демон посмотрел на Рига, как на равного: без усмешки превосходства, принимая вызов.

Пламя врзалось во тьму, затопив ее нестерпимым светом.

В битве мага и высшего демона первый всегда проигрывал. Но только не сегодня. Риг горел сам, выжигая себя, умирая, но забирая врага с собой.

Защита выходца Мрака треснула, как яичная скорлупа, и поток огня протащил его спиной вперед, впечатав в стену академии.

Риг стоял в центре выжженной воронки, не говоря ни слова. Языки пламени утихали на его теле, забирались под кожу.

Демон мотнул рогатой башкой, оперся руками о стену и выдрал свое тело из вмятины.

— Ты победил, — выдохнул он. — Я не трону твою женщину, хоть она и украла мою дочь...

— Да не нужна мне твоя Кара, — выкрикнула я в рожу демона, глядя на задыхающегося выходца Мрака снизу вверх. — Забирай ее и проваливай. Хочешь, жени, хочешь, замуж выдавай.

И тут из ближайших кустов донесся вопль:

— Эй, ты же клялась, что меня не бросишь!

Ловчее заклинание слетело с моих губ само собой. Миг — и Кара вовсю сучила лапами, подвешенная за уши.

— Ты... Сволочь... А как же клятва! — верещала она.

— Так я тебя не бросаю, а торжественно передаю, — возразила я.

Высший с налитыми кровью глазами взирал на нас с Карой.

— Мне нельзя за демона замуж! — выпалила зая, обращаясь уже к отцу. — Я другого люблю. Он даже назвал меня своей!

И тут я поняла: эльфу пришел конец в лице рогатого папочки. Высшему был позарез нужен тот брак. А раз дочка быстро выскочила замуж, то самое время ее сделать молодой вдовой и можно будет надеть брачный браслет повторно.

— Эл, беги! — найдя остроухого взглядом, крикнула я.

— Причем тут твой Эл! — возмутилась Кара, — Нужен мне твой ушастый. Я Анара люблю! Я за него Эйте всю шерсть выдрала! Он — моя истинная пара.

Я ошарашенно перевела взгляд на ректора, который сейчас как раз готов был вновь атаковать высшего. А ведь у него тоже острые уши и он вполне подходит на роль «того самого мужчины»...

— Так это ты мне снилась каждую ночь? — ошеломленное лицо главы академии надо было видеть.

— Я, — пискнула пушистая.

Тут произошло невероятное. Зая... смутилась.

А Анар каким-то неуловимым образом оказался между мной, держащей Кару на руках, и изумленным высшим. Для отца заи слова об «истинной паре» оказались сродни заклинанию «Обухом по голове», которое, к слову, так любят практиковать не только маги, но и разбойники.

— Он... Тебя... — как выяснилось опытным путем, демоны иногда туго соображают. — обесчестил?

— Семь раз, — гордо подтвердила Кара в тот момент, когда стоило бы промолчать.

— Значит, зять... Поговорим... — нехорошо протянул демон и в следующий миг начал провалился в бездну, прихватив с собой Анара. Правда, напоследок высший успел крикнуть: — Теперь сама придешь!

Рогатый как в воду глядел. Спустя седмицу Кара так достала меня, что я самолично отправила ее ко всем демонам Мрака. Но то было потом.

А сейчас... Я подбежала к Ригу. Он едва стоял на ногах. Я чувствовала: в любой момент он потеряет сознание. И хорошо, если только сознание, а не жизнь. Такого выплеска магии тело могло просто не пережить.

— Ты... — странным, совершенно не своим голосом произнес Риг.

Я запрокинула голову, вглядываясь в глаза мага. В них было пламя. Бешеное, рвущееся, едва сдерживаемое. Все это время, стоя в выжженном кругу светлый боролся. Боролся с собственной силой за свой разум. Чтобы не потеряться в ней, не раствориться.

— Риг. Я здесь. Посмотри на меня. Это я, твоя Крис...

Обняла руками его лицо, про себя молясь и светлым богам, и Первородному Марку. Не позволю. Не позволю ему потерять себя в его стихии, утратить память и разум.

Я звала его. Звала изо всех сил. Как только могла.

— Крис... — прошептал светлый, и по его губам скользнула улыбка.

Узнал. Вернулся.

— Риг, кажется, убийство твоего отца на сегодня откладывается, — прошептала я самое идиотское, что только могла — У меня резерв на нуле...

А потом светлый пошатнулся и упал бы, если бы я его не подержала.

В себя он пришел в своей постели в общежитии, когда я нарезала незнамо какой круг по счету. И это ожидание раздирало меня на куски.

Риг долго не приходил в себя. Целительница уверяла, что магия здесь бессильна, и в лечебнице ему делать нечего: физически светлый не пострадал. Но вот потоки энергии у него нарушены. И вмешиваться в них сейчас — значит, навредить ещё больше. Организм светлого должен был справиться сам. Или не справиться. И тогда Риг очнется уже выгоревшим магом.

Все любопытствующие, сочувствующие и даже желающие разобраться в произошедшем остались за дверью. Узнав, что единственное лекарство светлого — это покой, я решила, что обеспечу для мужа оный во что бы то ни стало. И обеспечила: вышла в коридор и проникновенно сообщила, что выпью душу любого, кто посмеет зайти в комнату. И неважно, что резерв сейчас был на нуле, окружающие-то этого не знали... Исключение на посещения было сделано лишь для целительницы.

Все дружно решили, что их жизни дороже эфемерных знаний. Поэтому психовала я в гордом одиночестве.

Тихий стон заставил меня стрелой подлететь к кровати.

— Риг. Риг, ты слышишь меня?

— Крис... — простонал светлый голосом умирающего лебедя. — Я хочу... — он красноречиво сглотнул, и я тут же поднесла к его губам стакан с водой. Риг осушил его в считанные мгновения и поморщился, словно я дала ему совершенно не то. — Еды...

— Ты хочешь покушать? — уточнила я, пытаюсь сообразить, не бред ли это умирающего.

— Нет, Крис. Не покушать. Я зверски хочу жрать!

Спустя удар колокола выяснилось, что Риг перед тем, как потерять сознание, успел-таки запустить заклинание восстановления. И сейчас у меня в супругах оказалось дико голодное существо, перед аппетитом которого меркли даже гастрономические подвиги Кары.

Я задумчиво смотрела, как светлый педантично расправляется со вторым чаном супа и облизывается на восемь порций гуляша, и думала, что это ещё большой вопрос, кто в нашей семье сейчас пожиратель.

Утолив голод, Риг уснул. Просто уснул. И я тоже, бесцеремонно потеснив его на постели.

Думаю, что восстановлению ауры светлого не сильно помешало то, что я чуточку стянула с него одеяло и отобрала подушку.

Утро началось с робкого стука в дверь.

Оказалось, в академию прибыл глава отдела порубежников, чтобы лично разобраться: что же произошло и куда делся ректор. И меня вызывали в кабинет Анара для беседы. Именно так тактично выразился посыльный, которому начальство повелело приволочь меня под грозные очи во что бы то ни стало.

Соблазн послать гонца куда подальше был велик, но тогда, полагаю, глава отдела явился бы сюда собственной персоной. Хотя бы для того, чтобы лично придушить наглую кадетку. Разговор с мессиром Хеймом Икстли, а именно так звали главного порубежника двух империй, вышел долгим. Меня изучили с ног до головы хмурым проницательным взглядом, задали тысячу и один уточняющий вопрос и... вернули мне клятву, которую я давала на артефакте Мрака.

— С этого момента, Крисро, вы больше не кадет военной академии. Я освобождаю вас от долга служения, — официально произнес Икстли и уже другим, совершенно не вяжущимся с образом холодного и расчетливого вершителя судеб тоном добавил: — Пусть ваш ребенок вырастет сильным магом.

Но я не двинулась с места. Даже не смотря на то, что мне явно дали понять: уходи.

Мессир изогнул бровь, явно намекая, что его терпение и благодушие столь же редкое явление, как снега в жаркой Эйгушской пустыне.

— Что будет с Ригнаром Аро? — спросила, как выстрелила в упор.

— Вы про то, что он нарушил запрет на брак? Или про то, что разнес пол-академии? Или что до этого совершил побег из карцера? — Икстли говорил, словно гвозди в крышку гроба забивал.

— Он всех спас, — отчеканила я. — Защищая меня, победил демона. Высшего демона.

— Знаю, — Икстли устало опустился в кресло, потер переносицу, где между светлых бровей залегла вертикальная морщина. — А еще могу предположить, что если Ригнар сможет сохранить свой дар, не выгорит, то станет одним из сильнейших магов за всю историю...

Он замолчал. Тишина, воцарившаяся в кабинете, буквально стиснула мою голову. Оттого вопрос, разорвавший безмолвие, оказался вдвойне неожиданным:

— Крисро, как сильно вы любите Ригнара?

И я вдруг поняла по взгляду льдистых глаз мессира, что правильного ответа на этот вопрос не существует. Да он его и не ждал. Он задал вопрос для того, чтобы я задумалась. А потом наверняка предложит сделку с совестью, как это сделал Анар. Ведь империи нужны сильные порубежники. Не знающие ни жалости, ни любви. А какой ценой превратить сердца мага в камень — не суть ли важно.

— Настолько, что если сейчас вы не подпишите ему помилование, то живым из этого кабинета не выйдет никто.

Я понимала, кому бросаю вызов. Великому огненному фениксу, магу-дуалу, которому покорились сразу две стихии. Даже если мне удастся выпить его душу, он заберет меня за грань с собой. Но ещё я знала и другое: именно в его власти сейчас казнить и миловать.

— Сильная. Смелая. Любящая. Темная, — вдруг усмехнулся Икстли. — В своей жизни я знал уже одну такую... — он закрыл глаза, словно собираясь с мыслями, а когда открыл, произнес:

— Это решение будет мне дорого стоить, поскольку сейчас я нарушу вековые законы. Но своей волей и милостью Света и Тьмы я дарую право магу Ригнару, уроженному Аро, введенному в род Бранда, право жениться до оговоренного срока службы — до сорока лет.

Икстли говорил, а из-под его открытой ладони, которая нависла над листом бумаги, лился свет и появлялись строчки.

Впервые в своей жизни я видела, как на свет появляется магический указ. Икстли вручил мне его со словами

— Крис, вы не только слабость Ригнара. Вы — его сила. От клятвы, данной на артефакте Мрака, я не вправе его освободить. Да и не буду этого делать, мне нужны сильные порубежники. А теперь — ступайте.

И я пошла. Правда, у дверей остановилась, развернулась. Быстро вернулась и, достав из кармана, положила на стол перед изумленным такой наглостью Иксли свернутый клочок бумаги.

— Что это?

— Вы прибыли разобраться в том, что происходит в академии. Так вот. Это ответ на вопрос, кто отправил пятерых светлых магов в бездну.

— И кто же? — полюбопытствовал мессир.

— Не знаю, — я пожала плечами, позволив себе плутовскую улыбку. — Но верю, вы обязательно узнаете.

Как выяснилось позже, Иксли действительно все узнал. Но то было позже. А пока я вышла из кабинета и застала очень интересную картину: зая отсчитывала секретарше-гарпии золотые монеты. Из моего кошель, между прочим, отсчитывала.

Увидев, что ее застукали за дачей взятки служебному лицу при исполнении, Кара решила не отпираться, а пойти в атаку:

— А что мне было делать? Мне нужен был союзник в борьбе за свою любовь! И эта уважаемая лэрисса — кивок в сторону гарпии-секретарши, — согласилась охранять покой моего любимого от всяких подозрительных белок... Причем за умеренную плату!

Тут мне вспомнилась рыжая пушистая кукла, в которую гарпия как-то втыкала булавки. М-да...

Тяжелая, оказывается, работа у секретарей: не только с бумагами возиться, но и беречь покой своего начальства. В том числе и душевный. И все это — за умеренную плату...

Ругать Кару я не стала. Но кошель отобрала. Правда, свой гонорар гарпия успела шустро смахнуть в приоткрытый ящик стола... Ну да и Мрак с ним.

У меня осталось ещё одно важное дело, после которого мне и кошель может уже не понадобится. Но лучше его оставить на вечер.

Ночь опустилась на город, обняла сначала крыши домов, потом и стены, усмехнулась над фонарями, что пыжились разогнать ее тьму, и вальжной кошкой пошла гулять по улицам.

Я тихо приоткрыла оконную створку. Всего понадобилось три дюжины амулетов, пара усыпляющих зелий и до икоты напуганный хозяин гостиницы, выложивший и в каком номере остановился важный постоялец, и когда он изволит почивать...

Церемониться с черным вороном я не собиралась. Давать ему шанс на спасение — тем паче. И все же, когда я тихо спрыгнула на пол комнаты, то сразу поняла: промахнулась. Он сидел в кресле. Спокойный, надменный, непрошибаемый. Черный ворон был аристократом до мозга костей. При нашей первой встрече не было времени рассмотреть его как следует. А вот сейчас... Риг не взял от отца ничего, кроме одного — ума. А сидевший передо мной в кресле мужчина был далеко не дурак. Умные, внимательные глаза, в которых плескалась уверенность: это он, а не я, контролирует ситуацию.

— А я вас заждаюсь, лэрисса Крисро Бранд...

От такого обращения я чуть не споткнулась. Как? Как он меня назвал? Глаз дернулся.

— Присаживайтесь, — мне кивком указали на соседнее кресло. — Выпейте вина. Оно, кстати, даже не отравлено. И мы с вами поговорим...

Говорить с верховным инквизитором мне было не о чем. Во всяком случае, я так думала... А вот действовать — это с удовольствием.

Но то ли я не успела восстановить свои силы, то ли мой противник оказался слишком искусен...

Убить я его не смогла. Хотя честно пыталась. Целых три раза. И даже сломала ему руку.

Черный Ворон от боли стал белым, как мел, но размазать меня заклинанием не спешил. Вместо этого он заставил меня, припиленную к стене, как бабочку, выслушать его версию истории, которая произошла двадцать лет назад.

Со слов верховного инквизитора выходило, что он вовсе не воспылил страстью к красавице Еве.

Нет. Талантливая лицедейка имела неосторожность понравиться не ему, Бранду, а Его

Императорскому Высочеству. И это при том, что ее покровителем, тем самым наставником, который вывел ее на большую сцену из трущоб, оказался эльфийский шпион.

— Мне нужно было срочно убрать ее, — без тени раскаяния произнес Ворон. — желательно навсегда. Ее близкий друг и известный меценат Илориэль Олайский мог через Еву повлиять на императора.

— И вы сфабриковали обвинение, — злость во мне кипела, рвалась наружу. Вся стена вокруг покрылась толстой коркой льда, хотя заклинание, которым я была прикована, должно было полностью блокировать любые всплески моей силы.

— Коё-что в том обвинении было правдой. Твою мать ждала лишь ссылка в глушь. И только. Но твой отец оказался форменным дураком, который пришел с «покаянием» и взял всю вину на себя. Я был в отъезде, когда идиот-следователь, видя такое дело, решил выслужиться. Вписал в протокол кое-что от себя, сделав твоего отца опасным преступником, которого тот паскуда-дознатель лично обезвредил. Когда это вскрылось, давать задний ход делу было уже поздно... Может, тебе станет чуть легче, что за подделку документов та сволочь лишилась жизни. По-тихому, без суда. Поскольку я не терплю, когда путают мои планы.

— Отлично врать тоже входит в ваши планы? — прошипела я, добавив ещё парочку проклятий. Чернословие хоть и не долетело до ворона, опав пылью (проклятые магические пути!) но заставило инквизитора отшатнуться.

— Твоя мать не была замешана в заговоре против империи, но двадцать лет назад именно через нее планировали подобраться к императору. Вот показания Айка Линга, который должен был убить Светлого Владыку. К слову, этот Аик сбежал недавно из тюрьмы, но мои ребята его поймали...

Я отказывалась верить тому, что говорил Ворон, но его слова были настолько логичны... Не было одержимости и страсти. Не было злодея, олицетворявшего все беды нашей семьи. Были лишь политика и голый расчёт. Была моя мама, которая имела неосторожность стать протееже талантливого режиссера и, увы, шпиона. А ещё были не в меру ретивые выслуженцы, один из которых решил подняться по карьерной лестнице, «найдя» опасного преступника, второй, чтобы угодить начальству, повелел охранникам обоза «не довести до рудников» осужденного.

— Я вас ненавижу, — выплюнула я, понимая, что не могу уже убить Бранда. Во всяком случае, сейчас.

— В этом вы с моим сыном похожи. Он тоже меня ненавидит. Поэтому наперекор мне пошел в порубежники. Хотя из него получился бы отличный инквизитор.

Я все-таки сломала заклинание. И врезала. Магией.

Когда я уходила из разгромленного номера, инквизитор был жив. Почти жив.

ЭПИЛОГ

Меня посетило непреодолимое желание пообщаться на языке цветов: взять горшок с геранью и разломать ее о голову портного, который уже битый удар колокола подгонял на мне платье. Увы, грозными взглядами мастер иглы он не проникся и чихать хотел на злую, как демон, меня. Видимо, уже был закален и Черными ведьмами, и даже взором супруги Темного Властелина — Кэролайн.

Мне оставалось только терпеть. Наш с Ригом брак, заключенный три месяца назад, пришлось повторять «на бис». Теперь уже с кучей свидетелей, для которых все это время мы со светлым были просто влюбленными. И все для того, чтобы разрешение мессира Икстли на брак для кадета академии («за отвагу и особые заслуги!» по официальной версии) не выглядело как постфактум. Иначе получалось, что Риг все же нарушил одно из главнейших правил академии: женился до особого на то дозволения.

Потому я стоически примеряла платье. Правда, вопреки традициям темных, оно было белым. Мастеру иглы это претило: пожирательница — и не в традиционных цветах ночи... Но узнав, что в противном случае ему придется шить женский парадный мундир для прогулки к алтарю, он мигом согласился с белым цветом.

Наконец, с подгонкой было закончено, и спустя какое-то время я в свадебном платье уже вышагивала под руку с Ригом.

Торжество, правда, не обошлось без небольшого казуса: Верховного Инквизитора на свадьбе чуть не прирезал один уважаемый контрабандист (а первый вор Йоля и глава гильдии убийц ему в этом активно помогали), но то мелочи, ничуть не испортившие праздник.

А в остальном все было традиционно. Мы с Ригом принимали поздравления от друзей, мессира Икстли и четы Анаров. Демоницу (в нашем мире она все так же была в образе заи — до второго совершеннолетия ей оставалось ещё два года) на руках бережно держал уже бывший ректор. Анар, к моему великому удивлению, добровольно согласившийся перебраться во Мрак. Ректорское кресло опустело, и отчего-то его никто добровольно не спешил занять. Кадеты в шутку даже развесили на столбах в Вейле объявление «В военную академию требуется ректор. Магесс (особенно темных!) просьба не беспокоиться». Увы, на него откликнулся только мессир Икстли, выписав всем шутникам по дюжине нарядов вне очереди. А потом я вспомнила, что виувир за парные браслеты Дианары мне задолжал одну услугу... Такой подлости от пожирательницы огненный змей не ожидал, но от данного мне слова отказаться не смог. И теперь исполняющим обязанности ректора в военной магистерии был дух-хранитель. Как уверял Икстли, весьма обрадовавшийся временной замене, это ненадолго, пока не найдется подходящий (желательно при этом все же живой) кандидат. А пока же кадеты были от ужесточившихся требований и слезно просили вернуть из бездны Анара. И ради этого светлые были даже готовы объединиться с темными и нырнуть в самые глубины Мрака... Но Анар назло всем был счастлив и возвращаться не желал. Я тоже была счастлива, ведь спустя положенный срок на свет появилась маленькая черная ведьмочка — Артана. Ее отец слегка приуныл и попытался озаботиться наследником. Увы. На четвертой попытке Риг понял, что его окружают две пожирательницы, ведьмочка, некромантка и будущая светлая боевая магесса. И ни одного мальчика! Это супруга расстроило, но не огорчило, потому надежды на наследника он не потерял. Правда нет-нет, но Риг сокрушался, что его немалое состояние, почти честно заработанное в гонках и абсолютно честно преумноженное в гномьем банке, придется раздавать лишь на приданое... А вот твари бездны потеряли не то что надежду, но даже ее слабую искру прорваться в наш мир: за те двадцать лет, что Риг от простого порубежника дослужился до главы порубежников, сменив на посту мессира Икстли, было всего три попытки проникновения из Мрака. И все три — крайне неудачные для диких созданий Мрака. Риг их просто сжигал, не давая даже до конца вылезти из прохода. Я же... Все эти годы я ждала, верила. Но иногда, когда терпение заканчивалось, а вера давала слабину, я активно вмешивалась. Правда, в основном пугая своим многозначительным взглядом подчиненных супруга, которые за моей спиной осеняли себя небесными и темными знаменами, шептались, что де хуже жены — ведьмы только пожирательница (потому как если первая выпьет только всю кровь и выест весь мозг чайной ложечкой, то вторая ещё и на душу облизнется), и... сочувствовали Ригу, который лишь посмеивался.

— Мама, ну мам... а расскажи, что было дальше, — младшая, Лисса, все вертелась в кровати, никак не желая засыпать.
 — ... а потом пятеро светлых провалились в бездну, — улыбнулась я. Эта история о маминых приключениях была ее любимой. — Правда, не сами. Им в этом помог шеф-повар академии. Он расставил капкан на вора, который таскал из его кладовой самые вкусные продукты, — я невольно вспомнила пушистую Кару. — Специально купил запрещенный капкан, чтобы наверняка грабитель получил по заслугам. Но случайно в него попались пятеро кадетов.
 — Так им и надо! — заключила мелкая. — Кто же без подготовки суется в неприятности?
 От дверей послышался смешок: Риг подслушал нашу беседу.
 — Вся в маму, — покачал он головой.
 — Но дар-то у нее светлый...
 — Я надеюсь, что в следующий раз достанется не только дар.
 Риг был неисправим. Он ещё все надеялся на сына...

/9j/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAD//gA7Q1JFQVRPUjogZ2QtanBlZyB2MS4wICh1c2luZyBJ
 SkcgSIBFRyB2NjIpLCBxdWFsXR5ID0gODAK/9sAQwAGBAUGBQQGBgUGBwcGAoQCgoJCQoU
 Dg8MEBcUGBgXFBYWGh0IHxobIiwWFiAsICMmJyKqKRkflTAAtKDAIKCko/9sAQwEHBwcKCAoT
 CgoTKBoWGigoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgo